

ISSN 2073-6401

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Philosophy. Sociology. Art Studies”

Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

3
2021

VESTNIK RGGU. Seriya "Filosofiya. Sociologiya. Iskuststvovedenie"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series Academic Journal

There are 4 issues of printed version of the journal a year

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series is included: in the system of the Russian Science Citation Index (RISC); in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degree in the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them should be published:

09.00.00 Philosophy:

09.00.03 History of philosophy

09.00.11 Social philosophy

17.00.00 Art Studies:

17.00.03 Film, television and other screen arts

17.00.04 Fine and decorative-applied arts and architecture

17.00.09 Theory and history of art

22.00.00 Sociology:

22.00.01 Theory, methodology and history of sociology

22.00.04 Social structure, social institutions and processes

22.00.06 Sociology of Culture

Goals of the journal: representation of the newest research findings in the fields of philosophy, sociology, and art studies which have undoubted theoretical and practical significance and which are promising for the research development in that field and for its state as a whole.

Objectives of the journal: realization and development of examination of scientific articles, using the advanced modern interdisciplinary and complex approaches; representation of the most paradigmatic achievements in the fields that are significant for the progress of science and suitable for implementation into the educational process as the examples of proper scientific work; attracting new authors, researchers showing a high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of the academic and university science; translation of scientific experience between the generations and institutions.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61882 of 25.05.2015. Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73403 of 03.08.2018.

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047

Philosophy – Anna I. Reznichenko, annarezn@yandex.ru

Sociology – Olga V. Kitaitseva, olga_kitaitseva@mail.ru

Art Studies – Aleksandr V. Markov, vestnik-art@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

09.00.00 Философия:

09.00.03 История философии

09.00.11 Социальная философия

17.00.00 Искусствоведение:

17.00.03 Кино-, теле- и другие экранные искусства

17.00.04 Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

17.00.09 Теория и история искусства

22.00.00 Социология:

22.00.01 Теория, методология и история социологии

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.06 Социология культуры

Цель журнала: представление новейших результатов исследований в области философии, социологии и искусствоведения, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этой области и для состояния отрасли.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее парадигматичных достижений отраслей, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и вузовской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-61882 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Философия – Анна Игоревна Резниченко, annarezn@yandex.ru

Социология – Ольга Вячеславовна Китайцева, olga_kitaitseva@mail.ru

Искусствоведение – Александр Викторович Марков, vestnik-art@rggu.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

Toshchenko Zhan T., Dr. of Sci. (Sociology), professor, RAS corresponding member, head, Department of the Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Editorial Board

De Bardeleben Joan, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Vargas Julio César, Cand. of Sci. (Philosophy), professor, University of Valle, Cali, Columbia

Velikaya Natalia M., Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Vinogradov Vladimir V., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Vdovichenko Larisa N., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Wiatr Jerzy Jozef, Dr. of Sci. (Sociology), professor, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Gubin Valery D., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Zvegintseva Irina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Kalugina Olga V., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Kitaitseva Olga V., Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Kolotaev Vladimir A., Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Konacheva Svetlana A., Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Limanskaya Lyudmila Yu., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Dieter Lohmar, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Köln, Köln, Germany

Malinina Tatyana G., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Theory and History of Arts, Russian Academy of Arts, Moscow, Russia

Markov Aleksandr V., Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Molchanov Victor I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Nowak Piotr, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Białystok, Poland

Rapic Smail, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Wuppertal University, Wuppertal, Germany
Reznichenko Anna I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)
Masamichi Sasaki, Dr. of Sci. (Sociology), professor of sociology, Chuo University, Tokyo, Japan
Sipovskaya Natalia V., Cand. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russia
Fomin Valery I., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia
Tsyrukun Nina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia
Shevchenko Irina O., Dr. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Shtein Sergey Yu., Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Executives editors:

O.V. Kitaitseva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH
E.A. Kolosova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH
A.V. Markov, Dr. of Sci. (Philology), professor, RSUH
A.I. Reznichenko, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, RSUH
I.O. Shevchenko, Dr. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Ж.Т. Тощенко, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Дж. Де Барделебен, доктор политических наук, профессор, Карлтонский университет, Канада

Х.Ц. Варгас, кандидат философских наук, Университет Валле, Колумбия

Н.М. Великая, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Виноградов, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

Л.Н. Вдовиченко, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Е. Вятр, доктор политических наук, профессор, Варшавский университет, Республика Польша

В.Д. Губин, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И.А. Звезницева, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

О.В. Калугина, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.А. Колотаев, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

С.А. Коначева, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.Ю. Лиманская, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д. Ломар, доктор философских наук, профессор, Кёльнский университет, Кёльн, ФРГ

Т.Г. Малинина, доктор искусствоведения, НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Москва, Российская Федерация

- А.В. Марков*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Молчанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- П. Новак*, доктор философских наук, профессор, Белостокский университет, Республика Польша
- С. Рапич*, доктор философских наук, профессор, Университет Вупперталя, Вупперталь, ФРГ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- М. Сасаки*, доктор политических наук, профессор, Университет Чуо, Токио, Япония
- Н.В. Ситовская*, кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация
- В.И. Фомин*, доктор искусствоведения, профессор, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- Н.А. Цыркун*, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шевченко*, доктор социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Штейн*, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

- О.В. Китайцева*, кандидат социологических наук, доцент, РГГУ
- Е.А. Колосова*, кандидат социологических наук, доцент, РГГУ
- А.В. Марков*, доктор филологических наук, профессор, РГГУ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, РГГУ
- И.О. Шевченко*, доктор социологических наук, доцент, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Философия. История философии

<i>Дмитрий В. Иванов</i> Трудная проблема содержания: постановка проблемы	12
<i>Артём П. Беседин</i> «Клещи удачи» Нила Леви против компатибилистских теорий моральной ответственности	26
<i>Евгений В. Логинов</i> Стросон, ответственность и эмоции	38
<i>Григорий А. Золотков</i> Назад к лингвистическому повороту? Перспективы развития аналитической философии глазами П.М.С. Хакера и Т. Уильямсона	47
<i>Ольга А. Козырева</i> Аргумент антисветимости Т. Уильямсона и проблема знания о себе	60

Социология: теоретические и эмпирические исследования

<i>Елена Н. Пятшева</i> Социально-экономические особенности развития моногородов России	73
<i>Наталья М. Великая, Алексей Ю. Малинин</i> Медиаактивность новых политических партий в преддверии выборов в Государственную Думу VIII созыва: социологический анализ	84
<i>Павел В. Шевченко</i> Дистанционное образование глазами студентов и школьников	99
<i>Алевтина Н. Моисеева</i> Опыт использования результатов опросов общественного мнения в регулировании системы местного самоуправления	110
<i>Элина О. Илларионова</i> Формирование слоя инноваторов в социальной структуре российского общества в условиях цифровизации: роль государства	120

Искусствоведение

<i>Иван А. Абрамкин</i> Образ матери с ребенком в творчестве М.-Э. Вижэ-Лебрен во время пребывания в России	131
<i>Елена Е. Азратина</i> Художественные выставки в Париже XVIII века	148
<i>Людмила Ю. Лиманская</i> К вопросу о взаимосвязи теории циркулярного движения, светотени и теории зрения Леонардо да Винчи	173

CONTENTS

Philosophy. History of Philosophy

<i>Dmitry V. Ivanov</i> The hard problem of content. The statement of the problem	12
<i>Artem P. Besedin</i> Neil Levy's "Luck Pincer" against compatibilism about moral responsibility	26
<i>Evgeny V. Loginov</i> Strawson, Responsibility, and Emotions	38
<i>Grigorii A. Zolotkov</i> Back to the Linguistic Turn? P.M.S. Hacker and T. Williamson on the future of analytic philosophy	47
<i>Ol'ga A. Kozyreva</i> Timothy Williamson's anti-luminosity argument and the problem of self-knowledge	60

Sociology. Theoretical and empirical researches

<i>Elena N. Pyatsheva</i> Socio-economic features of the development of single-industry towns in Russia	73
<i>Nataliya M. Velikaya, Aleksei Yu. Malinin</i> Media activity of new political parties on the eve of elections to the State Duma of the VIII convocation: sociological analysis	84
<i>Pavel V. Shevchenko</i> Distant Education. Students' Point of View	99
<i>Alevtina N. Moiseeva</i> Experience of using results of the public opinion polls in the regulation of the local self-government	110
<i>Elina O. Illarionova</i> Formation of a strata of innovators in the social structure of Russian society in the context of digitalization. The role of the state	120

Art Studies

<i>Ivan A. Abramkin</i> The image of mother with child in art of Vigee Le Brun during her stay in Russia	131
<i>Elena E. Agratina</i> Art exhibitions in the 18th century Paris	148
<i>Lyudmila Yu. Limanskaya</i> To the question of the relationship between the theory of circular motion, chiaroscuro and the theory of vision	173

Философия. История философии

УДК 130.3

DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-12-25

Трудная проблема содержания: постановка проблемы

Дмитрий В. Иванов

*Институт философии РАН, Москва, Россия,
ivdmitry@mail.ru*

Аннотация. В статье демонстрируется, что проблема натуралистического объяснения содержания ментальных состояний является трудной проблемой, подобной трудной проблеме сознания. Большинство современных философов полагает, что мы можем натуралистически объяснить содержание в рамках функционалистской парадигмы, используя, например, понятие информации. Однако Д. Хатто и Э. Майн, чьи взгляды анализируются в работе, показывают, что современные натуралистические теории, использующие различные понятия информации, упускают наиболее существенные характеристики содержания, связанные с понятиями референции, истины, импликации. Хатто и Майн полагают, что натуралистическое объяснение содержания базовых ментальных состояний невозможно. Данные авторы верно диагностировали проблему, однако они не раскрыли всю ее сложность. В статье демонстрируется, что сложность объяснения содержания ментальных состояний обусловлена необходимостью прояснить нормативный характер содержания с позиций натурализма. В работе также анализируется натуралистический подход Д. Макдауэла к пониманию нормативного характера сознательного опыта, которым обладают люди, и отмечается, что мы должны расширить позицию Макдауэла, чтобы включить в объяснение и сознательный опыт других живых существ. Именно расширенный вариант натурализма, предложенного Макдауэлом, позволяет нам увидеть всю сложность проблемы объяснения содержания ментальных состояний.

Ключевые слова: трудная проблема содержания, содержание ментальных состояний, интенциональность, нормативность, натурализм

Для цитирования: Иванов Д.В. Трудная проблема содержания: постановка проблемы // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 3. С. 12–25. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-12-25

© Иванов Д.В., 2021

The hard problem of content. The statement of the problem

Dmitry V. Ivanov

*Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy,
Moscow, Russia, ivdmitry@mail.ru*

Abstract. The paper demonstrates that the problem of explaining naturalistically the content of mental states is the hard problem, similar to the hard problem of consciousness. The greater part of contemporary philosophers believe that we can naturalistically explain content within the functionalist paradigm, using for example the concept of information. However, D. Hutto and E. Myin, whose views are analyzed in the work, show that contemporary naturalistic theories that use various concepts of information miss the most essential characteristics of the content associated with the concepts of reference, truth, implication. Hutto and Myin believe that a naturalistic explanation of the content of basic mental states is impossible. The authors correctly diagnosed the issue, but they did not reveal its full hardness. The paper demonstrates that the hardness of explaining the content of mental states is necessitated by clarifying the normative nature of the content from the standpoint of naturalism. The work also analyzes McDowell's naturalistic approach to understanding the normative character of conscious experience that people have, and notes that we have to expand McDowell's position in order to include in the explanation the conscious experience of other living beings. It is exactly the expanded version of McDowell's naturalism that allows us to see the hardness of the problem of explaining the content of mental states.

Key words: the hard issue of content, the content of mental states, intentionality, normativity, naturalism

For citation: Ivanov, D.V. (2021), "The hard problem of content. The statement of the problem". *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 12–25, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-12-25

Объяснение сознания, как справедливо подметил Д. Чалмерс, действительно является трудной проблемой [Chalmers 1996]. Особую сложность представляет выработка натуралистического объяснения природы феноменальных качеств сознательного опыта, квалиа. Однако помимо качественной составляющей сознательных состояний нам необходимо объяснить также их содержательную компоненту. Сознательные состояния характеризуются не только феноменальными качествами, но и наличием содержания.

По мнению большинства современных философов сознания, натуралистическое объяснение содержания сознательных состояний не представляет какой-то особой проблемы. Философы, придерживающиеся подобных взглядов, часто занимают репрезентационалистскую позицию, согласно которой содержание ментальных состояний является репрезентационным, т. е. представляет определенным образом какое-либо положение дел в мире. Такое содержание также часто мыслится как пропозициональное, т. е. мы можем оценить его как истинное или ложное в зависимости от того, каким образом оно представляет положение дел в мире. Некоторые философы-репрезентационалисты полагают, что с помощью понятия ментальной репрезентации мы способны также объяснить и феноменальные аспекты сознательного опыта. Иначе говоря, проблема объяснения сознания не представляется для них как какая-то особая, трудная проблема.

Однако тезис о том, что содержание ментальных состояний может быть объяснено натуралистически, не является беспроблемным. Есть основания полагать, что объяснение содержания также является особой, трудной проблемой. На этот момент обратил внимание еще О. Фланаган. Одна из его книг называется «Действительно трудная проблема. Значение в материальном мире» [Flanagan 2007]. В этой работе он исходит из предпосылки, что объяснение феноменального сознания представляет определенную трудность, тем не менее большинство философов согласны с тем, что сознание является чем-то существующим, природным феноменом. Относительно же значений, которые наполняют различные формы нашей человеческой жизнедеятельности, могут возникнуть сомнения в том, что мы имеем дело с природным феноменом, который может быть объяснен натуралистически. И все же такое объяснение необходимо, если мы хотим выстроить единую картину мира.

Фланаган прав в том, что объяснение значения представляет собой трудную проблему, однако, по-видимому, сложность этой проблемы является производной от более фундаментальной проблемы – проблемы объяснения не просто значения, а именно содержания ментальных состояний. При этом важно понять природу содержания не как нечто, присущее только связанным с языком высшим формам психической деятельности, свойственным людям, а как элемент базовых ментальных состояний, которые мы разделяем с другими живыми существами. Это требование основывается на том, что и содержание, и феноменальные качества рассматриваются нами как необходимые характеристики любых сознательных состояний, без которых данные состояния не существуют.

Именно натуралистическое объяснение содержания, понятого как характеристика базовых ментальных состояний, является трудной проблемой. На этот момент обратили внимание Д. Хатто и Э. Майн [Hutto, Myin 2013]. Собственно, они и предложили название «трудная проблема содержания». Согласно этим исследователям, существующие способы натуралистического объяснения содержания посредством понятия информации не могут считаться адекватными подходами к пониманию природы содержания. Как я полагаю, Хатто и Майну удалось в целом охарактеризовать данную проблему, однако всю глубину и масштаб этой проблемы они не выявили. Реконструировав в кратком виде общий ход рассуждения, приведшего Хатто и Майна к постановке трудной проблемы содержания, я попытаюсь дополнить его своими соображениями, которые, как я полагаю, позволяют действительно увидеть всю сложность этой проблемы.

В своем рассуждении Хатто и Майн отталкиваются от следующего тезиса. Натуралистическое объяснение содержания не должно вестись в терминах, которые уже предполагают существование содержания. По-видимому, лучший способ осуществить такое объяснение заключается в использовании понятия информации. Многие философы, занимающие репрезентационалистскую позицию, согласятся с этим тезисом. Ф. Дретске, впервые введший в контекст аналитической философии сознания понятие информации, пишет следующее.

В начале была информация. Слово появилось позднее. <...> Информация (а не значение) является объективным продуктом, чем-то, чье возникновение, передача и восприятие не требует или в любом случае не предполагает процессов интерпретации. Таким образом, мы получаем основу для понимания того, как эволюционирует значение, как подлинные когнитивные системы – обладающие ресурсами для интерпретации сигналов, наличия убеждений, получения знания – могут развиваться из низкопорядковых, чисто физических механизмов обработки информации... Значение и все созвездие ментальных установок, обладающих им, являются производными продуктами. Сырым материалом является информация [Dretske 1981, p. VII].

Хатто и Майн соглашаются с тем, что информацию следует рассматривать как объективный, природный феномен. Однако они отмечают, что если мы придерживаемся обозначенного выше тезиса о натуралистическом объяснении содержания, которое не принимает существование каких-либо сущностей помимо есте-

ственных объектов, состояний и процессов, то информацию следует рассматривать как ковариацию:

Существование s как F «несет информацию о» существование t как H , если и только если наличие этих положений дел ковариативно в силу закона [Hutto, Myin 2013, p. 66].

Примерами информации-как-ковариации являются следы, отпечатки пальца, годовые кольца на срубе дерева, окаменелости и т. д.

Однако информация-как-ковариация не способна помочь нам объяснить репрезентационное содержание. Дело в том, что

...любое, что заслуживает названия содержания, имеет особые свойства – например, истина, референция, импликация – что делает это логически отличным и не редуцируемым к отношению ковариации, наличествующему между положениями дел. Хотя ковариация, без сомнения, является научно respectableм понятием, оно не способно выполнить необходимую работу по объяснению содержания [Hutto, Myin 2013, p. 67].

Можно попытаться мыслить информационные отношения иным образом, например, как связь некоего сигнала, индикатора с тем, на что он указывает. Скажем, дым является индикатором того, что где-то пожар. Можно пойти дальше и ввести в это отношение третью, воспринимающую инстанцию. Однако подобные способы представления информации также не объясняют природу содержания. Задача натуралистического объяснения репрезентационного содержания заключается в том, чтобы показать,

каким образом физические структуры начинают функционировать как репрезентации, а не просто как нечто, относительно чего мы уже допустили, что оно функционирует как репрезентация, приобретает свое содержание [Hutto, Myin 2013, p. 62].

В лучшем случае попыткам натуралистически объяснить содержание удастся показать наличие некоторых каузальных (номических) зависимостей. Однако этого недостаточно, чтобы ухватить содержание со всеми его существенными характеристиками.

Эти выводы сталкивают нас со следующей дилеммой. Либо, пытаясь понять природу базовых ментальных состояний, мы отказываемся от понятия содержания и ограничиваемся понятием информации-как-ковариации или другими натуралистиче-

скими понятиями информации, либо же мы сохраняем понятие содержания, но отказываемся редуцировать его к каким-либо фундаментальным информационным отношениям, обнаруживаемым в природе. В последнем случае мы можем либо апеллировать к будущим научным открытиям, которые позволят нам объяснить природу содержания, либо, пытаясь встроить содержание в натуралистическую картину мира, пересматривать ее основания.

Как можно видеть, пытаясь решить проблему содержания, мы сталкиваемся с ситуацией, аналогичной решению проблемы сознания. Проблема сознания обозначена как трудная, поскольку мы вынуждены либо занять элиминативистскую позицию относительно сознания, либо признать, что данная проблема или не имеет решения в настоящее время, или предполагает ревизию оснований научной картины мира. Например, Чалмерс, обозначая свою позицию как натуралистический дуализм, предлагает расширить данную картину, включив в нее сознание как фундаментальный элемент [Chalmers 1996]. Можно сказать, что проблема объяснения содержания ментальных состояний совершенно справедливо была обозначена Хатто и Майном как трудная проблема. По мнению этих исследователей, элиминативистский подход является лучшей реакцией на данную проблему. Они готовы допустить существование репрезентационного содержания, но только при условии, что ментальные репрезентации понимаются как зависящие от языковой, социальной деятельности человека. Для объяснения же природы базовых ментальных состояний нам не следует обращаться к понятию содержания.

Одним из следствий такого решения, на мой взгляд, является отказ от того, что можно обозначить как принцип Brentano. По мнению Ф. Brentano, все психические феномены характеризуются прежде всего интенциональностью, направленностью на объект. Хатто и Майн пытаются сохранить понятие «интенциональность» при описании базовых ментальных состояний, однако, элиминируя содержание, они настаивают на том, что интенциональность должна быть понята без интенциональных (содержательных) аспектов. Я полагаю, что такое использование понятия интенциональности является некорректным. Содержание является существенной характеристикой интенциональных состояний, которая определяет, как именно объект представляется в данном ментальном состоянии. Без наличия содержания интенциональная направленность на объект будет неотличима от простого каузального воздействия объекта на ментальное состояние.

Итак, занимая элиминативистскую позицию относительно содержания, мы вынуждены признать, что интенциональность не яв-

ляется существенной характеристикой ментальных состояний и не может служить критерием различения психических и физических феноменов. Элиминативизм не является логически невозможной позицией, однако прежде, чем согласиться с таким подходом к проблеме содержания, необходимо понять, что именно мешает нам редуцировать репрезентационное содержание к каким-либо фундаментальным информационным процессам. Нам также следует понять, каким образом мы должны мыслить содержание, понятое как феномен, связанный с языковой, социальной деятельностью человека, в контексте натуралистической парадигмы.

Объясняя, почему содержание не может быть редуцировано к естественным (каузальным, номическим) информационным отношениям, Хатто и Майн указывают на то, что содержание обладает свойствами (properties), которые не ухватываются натуралистическим подходом. К таким свойствам они относят референцию, истину, импликацию. В настоящий момент я не берусь обсуждать, насколько оправдано рассмотрение данных феноменов именно как свойств содержания. Однако я отмечу, что использование понятия содержания действительно связано с понятиями референции, истины и импликации. Как правило, мы говорим о содержании в контексте выяснения того, каким образом нами выделяется тот или иной объект, верно или неверно мы представляем этот объект или определенное положение дел в наших описаниях, должны ли мы в свете этого скорректировать наши представления, правильно ли мы осуществляем выводы из данных представлений. Как можно заметить, все эти контексты связаны с оценками и предписаниями. Можно сказать, что в них затрагиваются нормативные аспекты, связанные с содержанием сознательных состояний. Хатто и Майн не используют термин нормативность при обсуждении трудной проблемы содержания, однако я полагаю, что именно нормативные аспекты сознательного опыта затрудняют натуралистическое объяснение содержания.

Проблематика нормативности слабо разработана в современной аналитической философии сознания. Среди значимых работ, непосредственно затрагивающих данную проблематику, выделяется труд Р. Веджвуда «Природа нормативности». Опираясь на слоган С. Хёрли «интенциональность нормативна», Веджвуд следующим образом формулирует основной тезис своей книги:

Не существует способов объяснения природы различных видов ментальных состояний, которые обладают интенциональным или репрезентационным содержанием (таких, как убеждения, суждения, желания, решения и т. д.), без использования нормативных терминов [Wedgwood, 2007, p. 2].

Если же говорить в целом о том, кто внес наибольший вклад в разработку данной проблематики, то, несомненно, следует выделить Д. Макдауэла. Как отмечает Т. Торнтон, «Макдауэл полагает, что то, что делает отношение сознания и мира проблематичным, – это глубинный дуализм норм и природы» [Thornton 2004, p. 25]. Сам же Макдауэл отмечает: «Отношение между сознанием и миром является нормативным» [McDowell 1994, p. XII].

Как нам следует мыслить это нормативное отношение сознания и мира? Один из подходов заключается в том, что мы представляем мир как сферу неконцептуальных, «сырых» данных, которые отражаются и фиксируются концептуальным образом сознанием. Например, мы можем полагать, что сознание каким-либо образом обрабатывает данные, исходящие от мира, и посредством процедур абстрагирования или интерпретации оформляет их понятийным образом. Такой подход Макдауэл обозначает термином «миф о данном», который он заимствует у У. Селларса. Основной недостаток подобного подхода заключается в том, что, пытаясь понять сознательный опыт как результат воздействия неконцептуальных данных, мы можем предложить лишь каузальное объяснение такого воздействия. При таком подходе мы теряем нормативное измерение сознательного опыта.

Вводя понятие «миф о данном», Селларс исследовал природу знания. Согласно Селларсу, наша познавательная активность осуществляется в пространстве рациональных оснований (reasons):

Характеризуя некий эпизод или состояние как знание, мы не даем эмпирическое описание этого эпизода или состояния; мы помещаем его в логическое пространство оснований, обоснования и способности дать обоснование тому, что некто говорит [Sellars 1997, p. 76].

Макдауэл анализирует не просто знание, а, скорее, перцептивное знание, природу восприятия, отношение сознания к миру в целом. Несмотря на это он полагает, что мы, следуя за Селларсом, все же можем характеризовать нашу сознательную активность как протекающую в логическом пространстве оснований. Логическому пространству оснований Макдауэл противопоставляет логическое пространство природы. Поддерживая миф о данном, мы, согласно Макдауэлу, предполагаем, что

...расширение пространства оснований позволит инкорпорировать неконцептуальные воздействия, внешние по отношению к сфере мысли [McDowell 1994, 7].

Однако, расширяя пространство оснований до пространства природы, мы осуществляем натуралистическую ошибку. Давая каузальное объяснение нашей сознательной деятельности, мы, как отмечает Макдауэл, можем лишь оправдывать наши решения, ссылаясь на какие-либо факты, но не обосновывать их указанием на основания.

Приобщение к пространству оснований, по мысли Макдауэла, происходит в результате воспитания, обучения, погружения ребенка в определенную языковую практику. В ходе воспитания ребенок приобретает «вторую природу» (этот термин Макдауэл заимствует у Аристотеля). Это означает, что он приобретает способность воспринимать объективные положения дел как основания для своей деятельности. Можно сказать, что объективные положения дел включаются в концептуальное пространство сознательного опыта ребенка, становясь содержанием его ментальных состояний. Как можно видеть, такое понимание природы восприятия является вариантом прямого реализма. Согласно Макдауэлу, содержанием нашего опыта, когда мы не обманываемся, является «то, что вещи такие-то и такие». Макдауэл рассматривает это как аспект мира, т. е. как факты, представляющие то, каковы вещи:

То, что вещи такие-то и такие, есть концептуальное содержание опыта, но... этот же самый момент, *то, что вещи такие-то и такие*, также является воспринимаемым фактом, аспектом воспринимаемого мира [McDowell 1994, 26].

Сам Макдауэл обозначал свою позицию как натурализованный платонизм. Некоторые философы характеризуют его философию как вариант гегельянства. В любом случае предлагаемый им подход к пониманию содержания сознательного опыта представляет собой особый вариант натурализма, который однозначно отличается от физикалистской версии натурализма, распространенной в настоящее время в аналитической философии сознания. Однако пересмотр натурализма, осуществленный Макдауэлом, пока нельзя назвать реакцией, ответом на трудную проблему содержания. Релевантность подхода Макдауэла для решения данной проблемы проявится, когда мы зададим вопрос об отношении тех форм сознания, которые приобретает ребенок, к базовым ментальным состояниям, которыми обладают животные и дети до обретения «второй природы».

По мнению Макдауэла, «то, что мы разделяем с бессловесными животными, – это перцептивная восприимчивость к характеристикам окружающей среды» [McDowell 1994, p. 69]. Он пишет:

Бессловесные животные являются природными существами и более ничем. Их существование всецело заключено в природе. В частности, их сенсорные взаимодействия с окружающей средой являются естественными процессами. Теперь мы подобны бессловесным животным в том, что мы таким же образом перцептивно восприимчивы к нашей окружающей среде [McDowell 1994, p. 70].

Неудовлетворительность такого взгляда заключается в том, что он вновь сталкивает нас с мифом о данном. Если базовые перцептивные состояния лишены содержания, не могут характеризоваться как интенциональные, и если мы, а прежде всего маленькие дети, разделяем их с животными, то процесс обретения «второй природы» может быть представлен как процесс обучения ребенка тому, как концептуально оформлять данные, которыми нас снабжает перцептивный опыт. Освоение языка, встраивание в пространство оснований, будучи фундированными неинтенциональными базовыми перцептивными механизмами, представляются именно как работа с неконцептуальными данными, поставляемыми нам этими механизмами.

По-видимому, для того чтобы избежать этой проблемы, нам необходимо допустить, что базовые перцептивные состояния животных и детей являются все же интенциональными состояниями и обладают содержанием, хотя, конечно, это содержание не связано с языком. Подобного взгляда придерживается А. Макинтайр. Полемизируя с Макдауэлом, он пишет:

В этом заключалось мое утверждение, что с точки зрения Гадамера и Макдауэла этот переход может оказаться непостижим. Только потому, что некоторые существа, называемые Макдауэлом «всего лишь животные», уже направляемы определенным вариантом практического разума, который проявляется в их выборе этого в качестве основания для совершения того... некоторые из долингвистических условий, необходимые для развития человеческой рациональности... оказываются удовлетворенными. Дельфины, гориллы и представители некоторых других видов не в большей степени просто реагируют на входящие в их чувства данные, чем это делаем мы. Они также населяют мир, чьи характерные особенности могут обладать той или иной значимостью для них. Их ответные действия также базируются на их классификациях и интерпретациях. Они также допускают и исправляют ошибки [MacIntyre 2001, p. 60–61].

По сути, принимая сторону Макинтайра, мы расширяем натурализованный платонизм, начиная рассматривать с этой позиции не

только сознательный опыт человека, но и сознательную активность других живых существ. Подобный расширенный натурализованный платонизм уже является определенным ответом на трудную проблему содержания. Вместе с тем он вскрывает всю сложность этой проблемы, находящее решение которой в какой-то момент начинает выглядеть гораздо более трудной задачей, чем решение проблемы сознания.

Итак, проблему содержания можно представить как противоречие между несколькими взаимосвязанными тезисами. Каждый из этих тезисов по отдельности *prima facie* представляется истинным. Однако мы не можем принять их все вместе. Какой-то из тезисов должен быть отброшен.

Первый тезис можно обозначить как тезис Brentano: все ментальные состояния интенциональны. Это положение предполагает, что все ментальные состояния обладают каким-то содержанием, которое не обязательно должно пониматься как лингвистическое или пропозициональное. Основанием для принятия этого тезиса является необходимость избежать мифа о данном при объяснении природы нашего сознательного опыта.

Второй тезис я обозначу как тезис Хёрли: интенциональность нормативна. Нормативность интенциональности связана с наличием содержания. Сказать, что интенциональное состояние обладает содержанием, означает признать, что мы не просто реагируем на каузальное воздействие какого-то физического объекта, а мы воспринимаем этот объект определенным образом, под определенным углом зрения, в определенных аспектах, и именно это направляет наше дальнейшее поведение. Это также означает, что мы можем говорить о верном или неверном восприятии чего-либо и о необходимости скорректировать свое видение, если мы ошибаемся.

Третий тезис непосредственно связан со вторым: нормативность предполагает свободу. Этот тезис не обсуждался в статье, однако мне представляется, что большинство философов его поддерживает. Я не предполагаю, что его нужно обсуждать в контексте проблематики свободы воли. В данном случае под свободой имеется в виду независимость сознательной активности от непосредственного каузального воздействия воспринимаемых объектов. Эта независимость достигается тем, что поведение сознающего субъекта определяется не каузальными связями с физическим объектом, а нормативными ограничениями, налагаемыми интенциональным содержанием.

Четвертый тезис утверждает следующее: только человек обладает свободой. Этот тезис будет поддержан прежде всего психоло-

гами развития. Он подчеркивает особый характер трансформаций, которые претерпевает ребенок, приобретая высшие психические функции. Наличие высших психических функций отличает человека от животных. В силу этих трансформаций ребенок оказывается способным действовать независимо от перцептивного поля, осуществлять планирование и контроль за своими действиями. Макдауэл описывает эту трансформацию как приобретение второй природы, вхождение в нормативное пространство рациональных оснований. Только способность действовать в нормативном пространстве рациональных оснований может обеспечить подлинную свободу.

Принимая первый тезис, иначе говоря, занимая позицию расширенного натурализованного платонизма, мы не только наделяем животных рациональностью, но и допускаем наличие в их сознательном опыте нормативных аспектов и элементов свободы в их поведении. Из этого следует, что мы вынуждены отказаться от четвертого тезиса, что приводит к размыванию границ между человеком и животным и не позволяет уловить специфику действия в силу рациональных оснований.

Принимая четвертый тезис, мы сохраняем различие между сознательными опытами человека и животных. Однако это приводит нас к отказу от первого тезиса и занятию элиминативистской позиции. В свою очередь это сталкивает нас с мифом о данном и грозит тем, что содержательные и нормативные аспекты сознательного опыта человека в результате окажутся чем-то иллюзорным, за чем стоят объективные, естественные процессы.

Если мы попытаемся отказаться от второго и третьего тезисов, то мы, по-видимому, столкнемся с той же ситуацией. В этом и заключается особая сложность трудной проблемы содержания, отличающая ее от трудной проблемы сознания. Мы не можем ни отбросить содержание как характеристику базовых ментальных состояний, как это нам рекомендует элиминативизм, ни расширить натурализм таким образом, чтобы наделить все ментальные состояния, т. е. ментальные состояния всех живых существ, содержательными и, соответственно, нормативными характеристиками. Представляется, что решение трудной проблемы содержания, если оно существует, может быть связано не с отказом от какого-либо тезиса, а с пересмотром входящих в них понятий, таких как интенциональность, нормативность и свобода.

Литература

- Chalmers 1996 – *Chalmers D.* The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. Oxford and New York: Oxford University Press, 1996. 414 p.
- Dretske 1981 – *Dretske F.* Knowledge and the Flow of Information. Cambridge, MA: MIT Press, 1981. 273 p.
- Flanagan 2007 – *Flanagan O.* The Really Hard Problem: Meaning in a Material World. Cambridge, MA: MIT Press, 2007. 288 p.
- Hutto, Myin 2013 – *Hutto D., Myin E.* Radicalizing Enactivism: Basic Minds Without Content. Cambridge, MA: MIT Press, 2013. 206 p.
- MacIntyre 2001 – *MacIntyre A.* Dependent Rational Animals: Why Human Beings Need the Virtues. Chicago, IL: Open Court, 2001. 172 p.
- McDowell 1994 – *McDowell J.* Mind and World. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994. 191 p.
- Sellars 1997 – *Sellars W.* Empiricism and the Philosophy of Mind. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. 181 p.
- Thornton 2004 – *Thornton T.* John McDowell. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2004. 266 p.
- Wedgwood 2007 – *Wedgwood R.* The Nature of Normativity. Oxford and New York: Oxford University Press, 2007. 296 p.

References

- Chalmers, D. (1996), *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*, Oxford University Press, Oxford and New York, USA.
- Dretske, F. (1981), *Knowledge and the Flow of Information*, MIT Press, Cambridge, MA.
- Flanagan, O. (2007), *The Really Hard Problem: Meaning in a Material World*. MIT Press, Cambridge, MA, USA.
- Hutto, D. and Myin, E. (2013), *Radicalizing Enactivism: Basic Minds Without Content*, MIT Press, Cambridge, MA, USA.
- MacIntyre, A. (2001), *Dependent Rational Animals: Why Human Beings Need the Virtues*, Open Court, Chicago, IL.
- McDowell, J. (1994), *Mind and World*, Harvard University Press, Cambridge, MA, USA.
- Sellars, W. (1997), *Empiricism and the Philosophy of Mind*, Harvard University Press, Cambridge, MA, USA.
- Thornton, T. (2004), *John McDowell*, McGill-Queen's University Press, Montreal, Canada.
- Wedgwood, R. (2007), *The Nature of Normativity*, Oxford University Press, Oxford and New York.

Информация об авторе

Дмитрий В. Иванов, доктор философских наук, Институт философии РАН, Москва, Россия; 109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; ivdmitry@mail.ru

Information about the author

Dmitrii V. Ivanov, Dr. of Sci. (Philosophy), Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 12, Goncharnaya Street, Moscow, Russia, 109240; ivdmitry@mail.ru

«Клещи удачи» Нила Леви
против компатибилистских теорий
моральной ответственности

Артем П. Беседин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, a.besedin@hardproblem.ru*

Аннотация. В статье рассматривается аргумент Нила Леви против компатибилистских теорий моральной ответственности, основанный на его концепции удачи. Рассматриваются возможные пути критики понятия моральной ответственности: через подрыв условия контроля или эпистемического условия. Леви идет по второму пути. Разбираются особенности трактовки эпистемического условия Леви: для него оно включено в условие контроля, он трактует это условие с интерналистских позиций (с точки зрения доступности агенту оснований его действия). Леви анализирует понятие удачи и выделяет несколько типов: случайную и неслучайную, наличную и конститутивную. Случаи удачи не контролируются агентом, поэтому он не несет ответственности за них. Рассматривается аргумент Леви против компатибилизма, основанный на его концепции удачи: любое компатибилистское объяснение действия, за которое агент несет моральную ответственность, упирается либо в конститутивную удачу, либо в наличную, либо в их комбинацию. Обоснование этой трилеммы приводит Леви к понятию интеллектуального порока. Разбирается ответ Фитцпатрика на проблему, формулируемую Леви. Несмотря на проблематичность решения Фитцпатрика, заданное им направление корректно: необходимо средствами эпистемологии добродетелей разработать теорию эпистемической ответственности и показать ее связь с моральной ответственностью.

Ключевые слова: моральная ответственность, компатибилизм, удача, эпистемология добродетелей, эпистемология пороков

Для цитирования: Беседин А.П. «Клещи удачи» Нила Леви против компатибилистских теорий моральной ответственности // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 3. С. 26–37. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-26-37

Neil Levy's "Luck Pincer" against compatibilism about moral responsibility

Artem P. Besedin

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
a.besedin@hardproblem.ru*

Abstract. The article discusses Neil Levy's argument against compatibilist theories of moral responsibility based on his concept of luck. The author considers possible ways for criticizing the concept of moral responsibility by undermining the control condition or the epistemic condition. Levi follows the second path. The author analyzes specifics in Levy's interpretation of the epistemic condition: according to Levy, the epistemic condition is built into the control one; it is considered from an internalist position (from the point of view of availability to an agent of the grounds for his action). Levy analyzes the concept of luck and identifies several types of it: chancy and non-chancy, present and constitutive. Cases of luck are not controlled by an agent, and he or she is not responsible for them. Then the author considers Levy's argument against compatibilism based on his concept of luck: any compatibilist explanation of an action for which an agent is morally responsible rests either on constitutive luck, or on present luck, or on a combination of them. The substantiation of such a trilemma leads Levy to the concept of intellectual vice. FitzPatrick's answer to the issue formulated by Levy is analyzed. It is shown that, even though Fitzpatrick's solution is problematic, his general approach is correct: it is necessary to develop a theory of epistemic responsibility by the means of virtue epistemology and show its connection with moral responsibility.

Keywords: moral responsibility, compatibilism, luck, virtue epistemology, vice epistemology

For citation: Besedin, A.P. (2021), "Neil Levy's 'Luck Pincer' against compatibilism about moral responsibility", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 26–37, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-26-37

Исследования моральной ответственности (МО), в основном, остаются сегодня в русле методологии, заданной статьей П. Стросона «Свобода и обида» [Стросон 2020]: анализу подвергаются основания для извинения агента – снятия с него ответственности за определенное действие – и таким образом выявляются необходимые условия МО. Обычно выделяют два таких условия: условие контроля и эпистемическое [Логинов и др. 2021]. Чтобы

нести МО за действие, агент должен контролировать его и быть осведомленным об определенных обстоятельствах, последствиях, альтернативах или его моральном статусе. Философы, критически настроенные к МО, обычно пытаются показать, что одно из этих условий (или оба) не могут быть соблюдены в принципе. Распространенные варианты критики МО направлены против условия контроля и в той или иной степени опираются на так называемую дилемму детерминизма¹. Тезис детерминизма утверждает, что во всякий момент времени у мира есть только одно реально возможное будущее [Васильев 2017, с. 10]. Если мир детерминистичен, то мы не несем ответственности за свои действия, потому что не являемся их источниками: у всякого действия имеется достаточная причина в отдаленном прошлом. Если же мир индетерминистичен, то недетерминированные события оказываются случайными, что также исключает наш контроль над ними². Сегодня в отечественной литературе представлены разнообразные варианты преодоления подобного такого рода аргументации [Беседин 2016; Васильев 2017, с. 16–44; Волков 2018, с. 201–222; Секацкая 2018, с. 185–196]. При этом российские авторы тяготеют к компатибилизму относительно МО – позиции, согласно которой МО совместима с детерминизмом.

Однако скептик в отношении МО необязательно должен концентрироваться на условии контроля; можно попытаться подорвать эпистемическое условие. Здесь можно идти по крайней мере двумя путями. Один из них – это попытаться показать, что те, кто приписывает ответственность агенту, не могут быть осведомлены о соблюдении агентом условий приписывания МО в достаточной для этого степени. Такие скептические аргументы суммированы в статье С. Йерпсон, которая предлагает свой ответ на них [Jerpson 2020]. Этот способ аргументации не затрагивает, однако, условий несения агентом МО, которым он вполне может соответствовать, хотя мы, приписывающие ему МО, можем и не знать об этом. Второй путь направлен на критику возможности соблюдения эпистемического условия несения МО самим агентом. Именно такую стратегию избирает Нил Леви в своей книге «Жесткая удача» [Levy 2011].

Скептицизм Леви относительно МО можно назвать неполным, так как его аргументация направлена только против негативных

¹ Лаконичная формулировка этой дилеммы приведена в книге [Волков 2018, с. 152–153]. Считается, что дилемма была впервые явно сформулирована У. Джеймсом. См. [Логинов 2016].

² Таким образом рассуждает, например, Дерк Перебум [Перебум 2016].

моральных реакций, таких как обида и порицание. Он не спорит с тем, что после его критики мы можем хвалить чьи-то действия, гордиться своими достижениями и т. п. [Levy 2011, p. 8–9]. Рассуждения Леви должны показать, что никто не несет МО именно за проступки.

В этой статье будут рассмотрены особенности трактовки Леви эпистемического условия МО, изложена его концепция удачи, его аргумент против компатибилистских теорий МО и будет намечена общая стратегия преодоления аргументации Леви. Фокус на компатибилизме объясняется тем, что автор статьи сам занимает такую точку зрения на проблему МО. Предполагается, что критика либертарианства Леви [Levy 2011, p. 41–83] и Перебумом [Перебум 2016, с. 76–82] в целом корректна.

Контроль и убеждения

С точки зрения Леви, «эпистемическое условие не независимо от условия контроля, а встроено в него» [Levy 2011, p. 110]. Леви указывает на то, что даже у Дж. Фишера, опирающегося на различие двух условий, эпистемическое условие оказывается неявно включено в условие контроля [Levy 2011, p. 111]. Можно ли утверждать, в таком случае, что критика Леви касается именно эпистемического условия?

Трудно не согласиться с тем, что действия, за которые агент несет прямую МО, должны быть намеренными, а контроль над намеренными действиями предполагает осведомленность агента о множестве вещей. Но два условия МО совсем необязательно понимать так, что они могут быть в действительности соблюдены независимо друг от друга. Скорее, мы здесь сталкиваемся с двумя типами вопросов: о метафизике и об эпистемологии МО, каким должен быть агент и что он должен знать, чтобы нести МО. Позиция Леви не ведет к тому, что мы должны отказаться от этого полезного концептуального различия между двумя вопросами и, соответственно, двумя условиями. К тому же, сам Леви постоянно использует термин «эпистемическое условие».

Важно, однако, то, как именно, по Леви, связаны контроль и знание. Эта связь отражена в понятии релевантного контроля, под которым понимается тип контроля, необходимый для МО.

Релевантный контроль предполагает (а) психологический контроль над нашими действиями, такой, что, если наши ментальные состояния рационализируют планируемое действие (при этом рацио-

нализировать действие значит делать это действие лучшей альтернативой, доступной агенту, с точки зрения самого агента), если агент действует намеренно, то он совершит рационализированное действие; и (b) контроль над психологическими состояниями, которые рационализируют действие, такой, что, если действие рационализируется психологическими состояниями агента, агент заслуживает порицания за это действие только в том случае, если он или она заслуживает порицания за приобретение или сохранение психологических состояний, которые его рационализируют [Levy 2011, p. 5].

Связь двух условий обеспечивается тезисом о том, что агент должен контролировать свои убеждения и при этом нести МО за них.

Леви характеризует свой подход к МО как интерналистский. Так, он дает интерналистскую трактовку оснований действия:

Основания в интерналистском смысле, который рассматривается здесь, конституируются убеждениями агента [Levy 2011, p. 111].

Также он использует интерналистское понимание рациональности:

То, что агент может сделать рационально, в этом смысле, это функция от того, что агент принимает в качестве оснований [Levy 2011, p. 127].

Здесь может возникнуть угроза регресса: условие МО оказывается таким, что в случае его соблюдения агент несет МО за его соблюдение. Такой регресс является типичным для интерналистских концепций и существуют способы его преодоления [Wieland 2017, p. 12–20]. Важно то, что к этому регрессу приводит именно стросонианская методология: можно легко смоделировать ситуацию, в которой агент совершает действие А из-за незнания или ложных убеждений, и при этом его можно извинить за них; в такой ситуации возникает сильная склонность снимать с агента ответственность и за действие А. Леви приводит развернутый пример такой ситуации [Levy 2011, p. 113]. Все, что ему теперь нужно, это показать, что мы можем распространить извинения этого типа на все наши действия. Леви пытается это сделать при помощи понятия удачи.

Концепция удачи

Слово «удача» в русском языке имеет, скорее, положительный оттенок, его антонимом является «неудача». По-английски же можно говорить как о *good luck*, так и о *bad luck*, о «счастливым» и «несчастливым случае». То есть, само слово *luck* – удача – не имеет однозначной положительной коннотации. Тем не менее я буду переводить *luck* именно как «удача», а не, например, «случай» или «случайность», потому что, как будет дальше показано, удача по Леви может и не иметь ничего общего со случайностью (*chance*). Это технический термин, которому Леви придает достаточно строгое значение.

Случаи удачи обязательно важны для нас [Levy 2011, p. 13]. Например, если я решаю что-то, подбрасывая монетку, и выпадает решка, это можно назвать удачей. Но, если та же монетка выпала у меня из кармана решкой вверх, то это можно назвать случайностью, но не удачей [Levy 2011, p. 13]. Случаи удачи прямо не контролируются агентом. При этом Леви говорит о релевантном контроле, поэтому агент не может нести МО за случаи удачи по определению. Наконец, удача может быть случайной и неслучайной. Случайность определяется Леви при помощи инструментария возможных миров [Levy 2011, p. 19]. Случайная удача получает такое определение:

Событие или положение дел, имеющее место в актуальном мире, случайно удачно для агента, если (i) это событие важно для агента; (ii) у агента нет прямого контроля над этим событием или положением дел и (iii) это событие или положение дел не имеет места во многих близких возможных мирах [Levy 2011, p. 36].

Другой вид удачи – это неслучайная, или конститутивная, удача. «Конститутивная удача – это удача в чертах и предрасположенностях, которые делают меня той личностью, что я есть» [Levy 2011, p. 29]. О конститутивной удаче можно говорить только относительно некоторой группы людей, к которой относится агент, – референтной группы. Например, если в определенном сообществе есть представители двух религий, то обстоятельство, что человек был воспитан в духе определенной религии, является случаем конститутивной удачи. Определение неслучайной удачи:

Событие или положение дел... неслучайно удачно для агента, если (i) это событие или положение дел важно для агента; (ii) у агента нет прямого контроля над этим событием или положением дел; (iii) события или положения дел такого рода различаются в релевантной референтной группе и (iv) в достаточно большом количестве случаев

это событие или положение дел не имеет места в референтной группе таким образом, каким оно имеет место в актуальном случае [Levy 2011, p. 36].

Удача в трактовке Леви совместима с детерминизмом (при этом наличие индетерминизма не влечет автоматически наличие удачи) [Levy 2011, p. 14].

Клещи удачи против компатибилизма

Преимуществом компатибилистских теорий МО перед либертарианскими является то, что они могут дать контрастное объяснение решений агента [Levy 2011, p. 90], т. е. такое объяснение, которое «объясняет, почему при имеющихся у агента вариантах он выбрал именно этот» [Levy 2011, p. 43]. Однако «контрастные объяснения доступны компатибилистам только в силу таких фактов, из которых следует, что решение было либо продуктом конститутивной удачи, либо наличной удачи, либо (очень часто) их обеих» [Levy 2011, p. 43]. Под наличной удачей понимаются случаи удачи «в момент или незадолго до совершения (предположительно) свободного действия или выбора» [Levy 2011, p. 84]. Наличная удача — это подвид случайной удачи.

Леви ставит сторонников компатибилизма перед такой дилеммой:

Удача может входить в [контрастные компатибилистские объяснения] тремя способами. Во-первых, контрастные объяснения могут быть доступны из-за конститутивной удачи агента, когда агент принимает то или иное решение, потому что его устройство решает вопрос за него, делая этот выбор единственно рациональным для него. Во-вторых... они могут быть доступны в силу наличной удачи; тогда агент принимает то или иное решение из-за влияния случайных факторов (какие соображения приходят на ум, что мы подмечаем и тому подобное), которые находятся за пределами нашего контроля. В-третьих, контрастные объяснения могут быть доступны благодаря тому, в каком психологическом состоянии агент находится в момент выбора, которое само является не прямым продуктом устройства агента, а таким его продуктом, который модифицируется комбинацией действий конститутивной и наличной удачи. Эти три варианта являются исчерпывающими, и компатибилист, придающий значение истории действия, не может ужиться ни с одним из них [Levy 2011, p. 93].

В итоге дилемма детерминизма заменяется Леви «клещами удачи»: «Наши действия (прямо или косвенно) являются либо продуктами конститутивной удачи, либо наличной удачи, либо их обоих» [Levy 2011, p. 94].

Далее Леви необходимо показать, почему все проступки попадают в эти клещи (хотя Леви говорит обо всех наших действиях, его в первую очередь интересуют проступки). Наши действия проистекают из оснований, конституированных нашими убеждениями. Каждый свободно совершенный проступок является, таким образом, обоснованным и рациональным с точки зрения агента. Согласно условию (b) релевантного контроля агент должен нести ответственность за приобретение или сохранение своих убеждений. Это условие явно не соблюдается в случаях невиновного незнания, в которых агент по определению не контролирует приобретение или сохранение определенного убеждения. «Ясно, что невиновное незнание является удачей для агента» [Levy 2011, p. 115]. Остается виновное незнание, которое должно иметь своим источником так называемое затемняющее действие – «действие, при совершении которого агент осознанно и свободно упускает возможность улучшить свое эпистемическое положение» [Levy 2011, p. 117]. Затемняющие действия редки, так как они предполагают контролируемый свободный выбор альтернативы, которую агент видит как не самую лучшую. Более того, «агенты не контролируют процессы самообмана. Такие процессы мотивированного формирования убеждений действуют за спиной агента и последний, по крайней мере обычно, не отвечает за них» [Levy 2011, p. 123]. Агенты, имеющие ложные убеждения, как правило, либо убеждены в том, что они хорошо обоснованы, либо не придают значения их необоснованности [Levy 2011, p. 123].

Можно попытаться избежать скептицизма Леви, обратившись к теории докастического волюнтаризма, «тезису, согласно которому агенты могут формировать убеждения на неэпистемических основаниях» [Levy 2011, p. 128]. Однако такая способность сама предполагает наличие контроля над действиями по формированию убеждений, что ведет нас к регрессу. Регресс же должен быть остановлен затемняющим действием, возможность которого уже была подвергнута сомнению. Можно предположить, что затемняющее действие является акратическим, слабовольным. Леви подробно рассматривает такую возможность [Levy 2011, p. 133–154]. В этой статье я не буду останавливаться на этой опции, поскольку имеются веские основания считать, что агент не несет ответственности за слабовольные действия.

Стратегия ответа

Одним из возможных вариантов ответа на аргумент Леви является подход У. Фитцпатрика [Fitzpatrick 2008], который предлагает рассмотреть такой вопрос:

Что (если вообще что-то) можно было бы обоснованно (и поэтому справедливо) ожидать от агента, что он мог бы сделать, чтобы предотвратить или исправить свое нормативное незнание [Fitzpatrick 2008, p. 603].

Ответ Фитцпатрика кажется интуитивно приемлемым: если агент воспитывается в среде, в которой доступны образцы хорошего поведения, и множество людей, воспитанных в этой среде, им следует, то, как кажется, от агента можно обоснованно ожидать, что он будет следовать этим образцам. Однако Леви не разделяет такой интуиции: мы не можем обоснованно ожидать этого от агента в такой ситуации. У такого агента уже сформировались некоторые эпистемические пороки – черты интеллектуального характера, которые ведут к формированию и сохранению ложных убеждений, – и неразумно ожидать от него, что он стал бы действовать вопреки своему интеллектуальному характеру [Levy 2011, p. 126]. А накладывать МО на агента за формирование интеллектуального характера – значит допускать наличие у него контроля над этим процессом, который сам требует соблюдения эпистемического условия, предполагающего наличие интеллектуального характера.

Однако тот путь, по которому идет Фитцпатрик, кажется корректным, и он ведет нас к эпистемологии добродетелей, а точнее, к такому ее направлению, как эпистемология пороков³. Аргументация Леви опирается в то, что у агентов есть такие черты интеллектуального характера, как эпистемические пороки, которые агентами прямо не контролируются и которые ведут к ложным убеждениям или незнанию. Однако они не контролируются и поэтому не могут быть порицаемы только при условии, что мы применяем к ним понятие релевантного контроля Леви, включающее пункт (b), в котором фигурирует моральное порицание. Мы тем не менее не должны соглашаться с Леви, что это порицание должно быть именно моральным и контроль над психологическими состояниями в условии (b) должен быть таким сильным.

³ Подробнее об эпистемологии добродетелей, интеллектуальном характере, добродетелях и пороках см. [Каримов 2019]. Эпистемология пороков разрабатывается К. Кассамом [Cassam, 2016; Cassam, 2019].

В эпистемологии пороков сегодня активно разрабатывается концепция эпистемического порицания. В недавнее время свои проработанные теории предложили Дж. Браун [Brown 2018] и А. Пиоварчи [Piovarchy 2020]. Браун разрабатывает модель эпистемического порицания, основанную на анализе пары убеждение-желание. Пиоварчи не только предлагает вариант ответа на вопрос о том, что такое эпистемическое порицание, но и показывает, к каким проблемам ведет распространение на эпистемическое порицание модели МО. Он выдвигает агентно-культивационную модель эпистемического порицания. Таким образом, эпистемическая ответственность сегодня рассматривается как ответственность *sui generis*.

Это дает нам стратегию для ответа на аргумент Леви. В некоторых случаях, когда мы склонны снимать МО с агента за действие А, проистекающее из отсутствия знания или ложных убеждений, мы ошибочно предполагаем, что агент должен нести за них МО. Последнее требование, как показывает Леви, почти никогда не может быть соблюдено. Однако мы можем смешивать МО с эпистемической ответственностью, и может оказаться, что агент должен нести именно эпистемическую ответственность за свои убеждения, а это должно быть выполнимым. Эпистемическая ответственность за убеждения, таким образом, становится условием МО за действия, следующие из этих убеждений. Дальше необходимо разработать теорию эпистемической ответственности (в этом направлении уже сделаны важные шаги) и показать, как связаны эпистемическая ответственность и МО.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-10044, <https://rscf.ru/project/21-78-10044/>

Acknowledgements

This work is supported by the Russian Science Foundation under grant 21-78-10044, <https://rscf.ru/project/21-78-10044/>

Литература

- Беседин 2016 – *Беседин А.П.* Может ли детерминизм нами манипулировать? // Логос. 2016. Т. 26. № 5. С. 201–212.
- Васильев 2017 – *Васильев В.В.* В защиту классического компатибилизма: Эссе о свободе воли. М.: ЛЕНАНД, 2017. 200 с.

- Волков 2018 – *Волков Д.* Свобода воли. Иллюзия или возможность. М.: Карьера Пресс, 2018. 368 с.
- Каримов 2019 – *Каримов А.Р.* Эпистемология добродетелей. СПб.: Алетейя, 2019. 428 с.
- Логинов 2016 – *Логинов Е.В.* Прагматизм, тождество и свобода воли // *Логос*. 2016. Т. 26. № 5. С. 243–277.
- Логинов и др. 2021 – *Логинов Е.В., Гаврилов М.В., Мерцалов А.В., Юнусов А.Т.* Этика и метафизика моральной ответственности // *Этическая мысль / Ethical Thought*. 2021. № 2. С. 5–17.
- Перебум 2016 – *Перебум Д.* Оптимистичный скептицизм относительно свободы воли // *Логос*. 2016. Т. 26. № 5. С. 59–102.
- Секацкая 2016 – *Секацкая М.А.* Компатибилистское опровержение аргумента манипуляции // *Вопросы философии*. 2018. № 12. С. 185–196.
- Стросон 2020 – *Стросон П.* Свобода и обида // *Финиковый Компот*. 2020. № 15. С. 204–221.
- Brown 2018 – *Brown J.* “What is Epistemic Blame?” // *Noûs*. 2018. Vol. 54. № 2. P. 389–407.
- Cassam 2016 – *Cassam Q.* Vice Epistemology // *The Monist*. 2016. Vol. 99. № 2. P. 159–180.
- Cassam 2019 – *Cassam Q.* *Vices of the Mind: From the Intellectual to the Political*. New York: Oxford University Press, 2019.
- FitzPatrick 2008 – *FitzPatrick W.* Moral Responsibility and Normative Ignorance: Answering a New Skeptical Challenge // *Ethics*. 2008. Vol. 118. № 4. P. 518–613.
- Jeppson 2020 – *Jeppson, S.M.* Retributivism, Justification and Credence: The Epistemic Argument Revisited // *Neuroethics*. 2020. Vol. 14. № 2. P. 177–190.
- Levy 2011 – *Levy N.* *Hard luck: How luck undermines free will and moral responsibility*. New York: Oxford University Press, 2011.
- Piovarchy 2020 – *Piovarchy A* What do We Want from a Theory of Epistemic Blame? // *Australasian Journal of Philosophy*. 2020. Vol. 99. № 4. P. 791–805.
- Wieland 2017 – *Wieland J.W.* Introduction // *Responsibility: The epistemic condition* / Ed. by J.W. Wieland, P. Robichaud. New York: Oxford University Press, 2017. P. 1–28.

References

- Besedin, A.P. (2016), “Can determinism manipulate us?”, *Logos*, vol. 26, no. 5, pp. 201–212.
- Brown, J. (2018), “What is Epistemic Blame?”, *Noûs*, vol. 54, no. 2, pp. 389–407.
- Cassam, Q. (2016), “Vice Epistemology”, *The Monist*, vol. 99, no. 2, pp. 159–180.
- Cassam, Q. (2019), *Vices of the Mind: From the Intellectual to the Political*, Oxford University Press, New York, USA.
- FitzPatrick, W. (2008), “Moral Responsibility and Normative Ignorance: Answering a New Skeptical Challenge”, *Ethics*, vol. 118, no. 4, pp. 518–613.

- Jeppsson, S.M. (2020), "Retributivism, Justification and Credence: The Epistemic Argument Revisited", *Neuroethics*, vol. 14, no. 2, pp. 177–190.
- Karimov, A.R. (2019), *Epistemologiya dobrodetelei* [Virtue epistemology], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia.
- Levy, N. (2011), *Hard luck: How luck undermines free will and moral responsibility*, Oxford University Press, N.Y., USA.
- Loginov, E.V. (2016), "Pragmatism, identity, and free will", *Logos*, vol. 26, no. 5, pp. 243–277.
- Loginov, E.V., Gavrilov, M.V., Mertsalov, A.V. and Yunusov, A.T. (2021), "Ethics and Metaphysics of Moral Responsibility", *Eticheskaya mysl'*, no. 2, pp. 5–17.
- Pereboom, D. (2016), "Optimistic Scepticism about Free Will", *Logos*, vol. 26, vol. 5, pp. 59–102.
- Piovarchy, A. (2020), "What do we want from a theory of epistemic blame?", *Australasian Journal of Philosophy*, vol. 99, no. 4, pp. 791–805.
- Sekatskaya, M.A. (2018), "Compatibilist Refutation of the Manipulation Argument", *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], no. 12, pp. 185–196.
- Strawson, P. (2020), "Freedom and resentment", *Finikovyi Kompot* [Date Palm Compote], vol. 15, pp. 204–221.
- Vasil'ev, V.V. (2017), *V zashchitu klassicheskogo kompatibilizma: Esse o svobode voli* [In defence of classical compatibilism. An essay on free will], LENAND, Moscow, Russia.
- Volkov, D. (2018), *Svoboda voli. Illyuziya ili vozmozhnost'* [Free will. Illusion or possibility], Kar'era Press, Moscow, Russia.
- Wieland, J.W. (2017), "Introduction", Wieland, J.W. and Robichaud, P. (eds.), *Responsibility: The epistemic condition*, Oxford University Press, New York, USA, pp. 1–28.

Информация об авторе

Артём П. Беседин, кандидат философских наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119234, Россия, Москва, Ломоносовский пр., д. 27, стр. 4; a.besedin@hardproblem.ru

Information about the author

Artem P. Besedin, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 4, bld. 27, Lomonosovskii Avenue, Moscow, Russia, 119234; a.besedin@hardproblem.ru

УДК 17.02

DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-38-46

Стросон, ответственность и эмоции

Евгений В. Логинов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, e.loginov@hardproblem.ru*

Аннотация. В статье представлен анализ подхода Питера Стросона к феномену моральной ответственности. Сначала дается описание сути подхода Стросона. Затем дается его критика. Сутью подхода Стросона, согласно моей интерпретации, является (1) фундирование моральной ответственности в возложении моральной ответственности и (2) фундирование возложения моральной ответственности в эмоциональных реакциях. Я показываю, что хотя (1) противоречит обыденной точке зрения, его можно защищать. Я критикую второй тезис и показываю, что существует как возложение ответственности без эмоций, так и переживание эмоций без возложения ответственности. Возложение ответственности без эмоций может осуществить как безэмоциональный рациональный агент, так и рациональный агент, который плохо разбирается в своих чувствах. Испытать эмоцию без возложения ответственности можно, если не использовать эту эмоцию как способ осуждения или одобрения. Если мы можем отделить эмоциональные отклики от возложения ответственности, то между ними нет отношения фундирования. Следовательно, мы можем пересмотреть воззрения Стросона на моральную ответственность.

Ключевые слова: свобода, обида, моральная ответственность, согласованность

Для цитирования: Логинов Е.В. Стросон, ответственность и эмоции // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 3. С. 38–46. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-38-46

Strawson, responsibility, and emotions

Evgeny V. Loginov

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
e.loginov@hardproblem.ru*

Abstract. This article presents an analysis of P.F. Strawson's approach to the phenomenon of moral responsibility. First, the crux of Strawson's approach is introduced. It is then followed by a critique of it. The crux of Strawson's

© Логинов Е.В., 2021

approach according to my interpretation is (1) to ground being responsible in holding responsible and (2) to ground holding responsible in emotional reactions. I show that although the thesis (1) contradicts the ordinary point of view, it can be defended. I criticize the second thesis and show that there is both holding responsible without emotion and the experience of emotion without holding responsible. Holding responsible without emotion can be accomplished by a non-emotional rational agent as well as by a rational agent who is not well versed in his/her feelings. It is possible to experience emotion without holding anyone responsible if one does not use one's emotion as a way of blaming or praising. If we can separate emotional responses from holding responsible, then there is no grounding relation between the two. Consequently, we are in a position to reconsider Strawson's view of moral responsibility.

Keywords: freedom, resentment, moral responsibility, consistency

For citation. Loginov, E.V. (2021), "Strawson, responsibility, and emotions", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 38–46, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-38-46

Введение

Работа Питера Стросона «Свобода и обида» существенно изменила ландшафт дискуссий о свободе и ответственности в аналитической философии (статья впервые опубликована в 1962 г., русский перевод – см. [Стросон 2020]). В этой статье Стросон предлагает некоторое видение проблематики свободы воли, которое, если мы его примем, позволит завершить основной спор в этой области. Суть этого спора состоит в том, как относиться к возможной истинности тезиса детерминизма. Есть философы, которые считают, что истинность детерминизма совместима с практиками моральной ответственности (оптимисты). Другие утверждают, что такой совместимости нет (пессимисты). Источником этого спора является неправильное понимание моральной ответственности, которое все участники спора разделяют: они интеллектуализируют моральную ответственность, в то время как, по Стросону, она скорее связана с эмоциями. Если участники спора согласятся с тем взглядом на моральную ответственность, который предлагается в статье, то, по задумке ее автора, спор должен завершиться примирением сторон.

В этой статье я предложу свою формулировку сути стросонианского взгляда на моральную ответственность, затем предложу критику этой формулировки. Сначала я приведу два возражения против идей Стросона.

Взгляд Стросона

Стросон не предлагает в своей статье именно теории моральной ответственности, поэтому я буду использовать для обозначения его идей менее обязывающее слово «взгляд». Чтобы посмотреть на моральную ответственность предлагаемым в «Свободе и обиде» взглядом, мы должны, полагаю, принять две вещи.

(1) Тот факт, что моральный агент ответственен за некоторый моральный фактор, фундирован тем фактом, что уместно возложить на этого агента ответственность за этот фактор.

Под «моральным агентом» я понимаю способное к моральному действию лицо. Под «моральным фактором» – то, за что агент ответствен (поступок, черту характера, убеждение и т. п.). Подробнее об этой терминологии см. [Логинов и др. 2020]. Существование А фундировано существованием В, если и только если А существует в силу того, что существует В.

Тезис (1) нетривиален, так как обычно мы считаем иначе. Вот обыденная точка зрения на этот вопрос: одно дело быть ответственным за что-то, другое дело – когда кто-то возлагает на меня ответственность за что-то.

Рассмотрим пример. Максим наступил Андрею на ногу, и Андрей возлагает за это на него ответственность. Интуитивно кажется, что это еще не значит, что Максим действительно несет за это ответственность. Возможно, это произошло случайно, его заставили это сделать и т. п. Возможен и другой случай: Максим совершил благой поступок, но никто не знает о благом поступке Максима, никто его не хвалит, не возлагает ответственность за этот фактор, однако интуитивно кажется, что ответственность имеет место. Такие примеры мог бы привести реалист в отношении моральной ответственности, который считает, что мы вменяем ответственность потому, что ответственность имеет место, а не наоборот.

Однако на эти примеры Стросон может ответить благодаря двум уточнениям.

(1.1). *Тезис качества воли*: агент ответственен за некоторый фактор в силу того, что в этом факторе проявилась воля некоторого качества. Если проявленная воля зла, то агент заслуживает осуждения. Если проявленная воля добра, то заслуживает похвалы.

(1.2). *Нормативное требование*. Ответственность агента производна не от фактического наличия возложения ответственности, а от факта уместности такого возложения.

В силу этих уточнений сторонник (1) способен учесть примеры реалиста. В случае, когда Максим наступил Андрею на ногу случайно, он не показал злой воли. Поэтому Максим не несет ответственности, винить его будет неуместно. Если Максим совершил благодеяние, и никто об этом не знает, никто не возлагает на него ответственность, все же уместно было бы его хвалить, просто этого никто не делает. Поэтому Максим все же несет моральную ответственность за свое благодеяние.

Даже если сторонник (1) может учесть примеры реалиста, ему все же нужен довод, почему мы должны считать, что уместность возложения ответственности фундирует факт ответственности, а не наоборот. Стросон, по-видимому, считал достаточным тут сказать, что ответственность – это моральная практика, которая существует в обществе, потому факты взаимодействия внутри этого общества фундируют факты ответственности. Я не буду тут исследовать вопрос о том, достаточен ли этот аргумент или нет. Моей целью будет второй шаг Стросона:

(2) Тот факт, что уместно возложить на морального агента ответственность за некоторый моральный фактор, фундирован прежде всего тем, какие эмоциональные реакции уместны в ответ на этот фактор.

Шаг (2) представляется мне ключевым во взгляде Стросона на ответственность. Однако, как и в случае (1), тут не совсем ясно, что имеется в виду под уместностью. (2) допускает следующую переформулировку, в которой эта проблема не так существенна:

(2*) На агента уместно возлагать ответственность за моральный фактор, если имеет место или могла бы иметь место морально значимая эмоциональная реакция в ответ на этот фактор, и нет обстоятельств, в силу которых эта реакция была бы неуместной.

Суть (2*) легко увидеть на примере. Максим наступил Андрею на ногу в трамвае. Андрей чувствует обиду в ответ на этот фактор. Согласно Стросону, эта обида будет уместна, если не имеет места ситуация, когда Максим наступил на ногу Андрея случайно, и нет обстоятельств, исключающих Максима из морального сообщества (он не маленький ребенок, не психически больной и т. п.). Сама обида Андрея и есть в этом случае возложение ответственности на Максима, акт осуждения Максима, согласно (2), в силу которого Максим и становится ответственным, согласно (1).

Нужно отметить, что не все реакции, о которых пишет Стросон, являются именно эмоциями. Так, не все виды наказания являются

эмоциями, а Стросон признает, что мы можем наказывать других в ответ на их действия. Конечно, мы можем наказывать человека, например, презрением, но есть и другие способы, которые не являются эмоциями. Однако эмоции для Стросона являются парадигмальными реакциями и существенным элементом его взгляда на ответственность.

Критика идей Стросона

Привлекательность (2) может быть подорвана, если мы сможем концептуально отделить уместность возложения ответственности от уместности эмоциональной реакции. И это можно сделать. Я думаю, что мы можем совершить это отделение в обе стороны.

Возложение ответственности без эмоций. Грубым примером тут будет безэмоциональный, но рациональный агент, который, тем не менее, способен возлагать ответственность через суждения [Pereboom 2001, р. XX]. На это стросонианец ответит, что его интересуют дела таких существ, как мы, а не возможность представить существо иного порядка. Поэтому можно предложить иной пример. Подумайте о рациональном агенте, который не очень хорош в том, чтобы определить, какую именно эмоцию он сейчас испытывает. В силу своей рациональности такой агент способен возложить ответственность, вынося суждение о последней. Мне представляется, что возможность существования подобного человека не есть вопрос представимости, такие люди реально существуют. В постстросонианской литературе, у таких авторов, как Гэри Уотсон и Дэвид Шумейкер, мы находим отношение к моральным эмоциям как множеству явлений, каждый представитель которого хорошо отделяется от других: гнев легко и существенно отличается от ярости, а отвращение от презрения и т. п. [Watson 1996; Shoemaker 2011], словно бы мы имеем дело с естественными видами. Например, Уотсон предполагает, что отвращение не влечет возложение ответственности, а ненависть и презрение – влекут (из личной переписки). Полагаю, что это просто неверно, и фактически наши эмоции не так отчетливо отличаются друг от друга, как это порой предполагают в дискуссиях об ответственности. Но в таком случае можно испытывать некоторую эмоцию в ответ на моральный фактор, но в силу неуверенности в том, что это за эмоция сейчас переживается, возлагать ответственность иными средствами, а именно через суждение об уместности порицания или похвалы.

На это стросонианец ответит, что все же остается контрфактическая возможность: если бы уместная эмоция была бы испытана,

она не была бы предосудительной, была бы правильной, и хотя фактически она отсутствует как что-то хорошо различимое, ее контрфактическая возможность и уместность фундируют возложение ответственности. Так, даже если обидные слова Максима в адрес Андрея не вызывают в последнем именно обиды (хорошо отличимой от ярости или чувства приниженности и т. п.), а порождают лишь неясное волнение, то для Андрея все же уместно было бы именно обидеться. И эта контрфактическая возможность фундирует, с точки зрения стросонианца, уместность возложения ответственности.

Этот ответ повторяет то, как выше стросонианец реагировал на примеры реалиста. Однако тут ситуация отличается. В случае (1) говорится о связи двух моральных фактов, факта ответственности и факта уместности возложения. Реалист по умолчанию согласен с тем, что эти факты как таковые концептуально связаны, он просто в отличие от стросонианца считает, что факт уместности возложения зависит от факта ответственности, а не наоборот. Но в обоих случаях уместность возложения не является чем-то контрфактическим. Неважно, имело ли уместное возложение место или нет, важно, что возложение было бы уместно. Однако в (2) речь идет о связи уместности возложения и уместности эмоции. Должно быть неважно, испытана ли была эмоция фактически, на факт ее уместности это влиять не должно. Но если эмоция фактически не фундирует возложение, то возникает вопрос: действительно ли уместность контрфактической эмоции лучше фундирует уместность возложения ответственности, чем фактическое суждение, в силу которого (во всяком случае, по видимости) возложение в действительности имеет место? За счет абстрактности (1) этот тезис куда проще примирить с реалистической интуицией, чем (2), который уже указывает на эмпирически различимые вещи. И если последние на деле оказываются контрфактическими фантомами, то почему бы не предпочесть им в данном случае фактичность суждения? Думаю, именно так нам и стоит поступить.

Уместная эмоция без возложения ответственности. Мы можем уместно эмоционально реагировать, не подразумевая, что эта эмоция одновременно является орудием возложения ответственности. Допустим, что Максим неосторожно высказался о работе Андрея. Андрей чувствует себя задетым. Тут возможны три разные ситуации. Во-первых, возможно, что Андрей признает, что Максим сделал все возможное, все, что от него разумно было бы ожидать, чтобы не обидеть Андрея. В таком случае для Андрея уместно ощущать себя задетым, но это не будет возложением ответственности на Максима. Если же Андрей обидится, то тем самым он

неуместно возложит ответственность на Максима. Во-вторых, возможно, что Андрей правильно считает, что в поступке Максима была проявлена злая воля в его адрес, и тогда обида Андрея, если он ее чувствует, будет уместной, и в силу этой обиды на Максима будет возложена ответственность, что сделает его ответственным. Однако, в-третьих, между этими хорошо различимыми случаями существует огромная серая зона, в которой Андрей не имеет достаточных оснований считать ни того, что Максим сделал все разумное, чтобы предупредить нанесение ущерба Андрею, ни что Максим задел Андрея злонамеренно. Он вполне может считать, что Максим сделал кое-что, чтобы чувства Андрея не были задеты. Но все же некоторая, пусть и культурно обработанная, недоброжелательность тоже имела место. Учитывая, что степени качества воли – величина абстрактная, нельзя сказать: *ровно в той мере*, в какой воля Максима была злой, *ровно в той мере* он несет в конечном счете ответственность (критику понятия «степень ответственности» см. [Беседин 2020]). Я утверждаю, что если в таком случае Андрей чувствует обиду, то для Андрея было бы неразумно считать свою обиду неуместной. Это так в силу того, что у него нет достаточных оснований считать, что имели место обстоятельства, в силу которых эта реакция была бы неуместной (например, Максим не безумен и не ребенок). Андрей может сообщить Максиму о том, что его чувства задеты. Но этот акт информирования может не носить обвиняющего характера, что подразумевается взглядом Стросона. Стросон, по-видимому, считал, что отсутствие в данном случае обвинения со стороны Андрея означало бы, что он смотрит на Максима как на объект, как на природное явление, а не как на личность, т. е. находится в объективной установке, а не в установке участника. Однако это необязательно так: Андрей может сообщить Максиму о своей обиде без того, чтобы рассматривать его объектно, например, преследуя цель улучшить их отношения.

Даже если и считать это информирование своего рода вменением ответственности, то оно не будет носить ретроспективного характера (*backward-looking*), а будет носить проспективный характер (*forward-looking*). Тем фактом, что Андрей информирует Максима о своем душевном состоянии, он не пытается причинить Максиму ответное неудовольствие, не пытается утверждать, что Максим заслуживает порицания. А это – характерные черты ретроспективного подхода к ответственности. Вместо этого Андрей может пытаться защищать будущих контрагентов Максима, пытаться достичь с Максимом примирения в отношениях или способствовать воспитанию морального характера Максима. Такую ответственность допускают даже некоторые скептики в отношении моральной ответственности

[Pereboom 2015], не она сейчас обсуждается. Для взгляда Стросона существенна именно ретроспективная ответственность.

Стросонианец может сказать: если Андрей не возлагает ответственность, то он просто чувствует не обиду, а, скажем, раздраженность или огорчение, которые не являются эмоциями, которые одновременно являются возложением ответственности. Андрей может считать, что обижен, но на самом деле это не так. Потому что обида аналитически влечет осуждение. Поэтому пример тривиален. Однако это возражение можно не учитывать в силу отсутствия существенной границы между морально значимыми эмоциями, о чем я говорил выше.

Таким образом, мы можем отделить идеи, которые в (2) слиты, друг от друга. Значит, между ними нет той зависимости, которая нужна Стросону для его проекта. Одно дело возлагать ответственность, другое дело – переживать эмоции.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-10044, <https://rscf.ru/project/21-78-10044/>

Acknowledgements

This work is supported by the Russian Science Foundation under grant 21-78-10044, <https://rscf.ru/project/21-78-10044/>

Литература

- Беседин 2020 – *Беседин А.П.* Снижает ли индетерминизм моральную ответственность? // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 129–140.
- Логинов и др. 2020 – *Логинов Е.В., Гаврилов М.В., Мерцалов А.В., Юнусов А.Т.* Прологомены к моральной ответственности // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 3–100.
- Стросон 2020 – *Стросон П.* Свобода и обида // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 204–221.
- Pereboom 2001 – *Pereboom D.* Living Without Free Will. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 256 p.
- Pereboom 2015 – *Pereboom D.* A Notion of Moral Responsibility Immune to the Threat from Causal Determination // Clarke R., McKenna M., Smith A.M. (eds.). The Nature of Moral Responsibility. New Essays. N.Y.: Oxford University Press, 2015. P. 281–296.

- Shoemaker 2011 – *Shoemaker D. Responsibility from the Margins*. Oxford: Oxford University Press, 2015. 262 p.
- Watson 1996 – *Watson G. Two Faces of Responsibility // Philosophical Topics*. 1996. Vol. 24. No. 2. P. 227–248.

References

- Besedin, A.P. (2020), “Does Indeterminism Reduce Moral Responsibility”, *Date Palm Compote*, vol. 15, pp. 129–140.
- Loginov, E.V., Gavrilov, M.V., Mertsalov, A.V., and Iunusov, A.T. (2020), “Prolegomena to Moral Responsibility”, *Date Palm Compote*, vol. 15, pp. 3–100.
- Pereboom, D. (2015), “A Notion of Moral Responsibility Immune to the Threat from Causal Determination”, Clarke, R., McKenna, M., and Smith, A.M. (eds.), *The Nature of Moral Responsibility. New Essays*, Oxford University Press, N.Y., USA, pp. 281–296.
- Pereboom, D. (2001), *Living Without Free Will*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Shoemaker, D. (2015), *Responsibility from the Margins*, Oxford University Press, N.Y., USA.
- Strawson, P. (2020), “Freedom and Resentment”, *Date Palm Compote*, vol. 15, pp. 204–221.
- Watson, G. (1996), “Two Faces of Responsibility”, *Philosophical Topics*, vol. 24, no. 2, pp. 227–248.

Информация об авторе

Евгений В. Логинов, кандидат философских наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119234, Москва, Ломоносовский пр., д. 27, корпус 4; e.loginov@hardproblem.ru

Information about the author

Evgeny V. Loginov, Cand. of Sci. (Philosophy), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 4, bld. 27, Lomonosovsky Avenue, Moscow, Russia, 119234; e.loginov@hardproblem.ru

Назад к лингвистическому повороту? Перспективы развития аналитической философии глазами П.М.С. Хакера и Т. Уильямсона

Григорий А. Золотков

*Институт философии РАН, Москва, Россия,
zolotkov_grigory@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются две противоположные точки зрения на перспективы развития аналитической философии. Согласно первой, консервативной, лучшей перспектива – это сохранение методологических установок лингвистического поворота. Занимающий эту точку зрения П.М.С. Хакер убежден, что аналитикам следует полностью отказаться от установления метафизических истин и ограничиться исследованием вербального уровня мышления. Согласно второй, более прогрессивной, методологические установки лингвистического поворота следует отбросить, а радикальный запрет на метафизику – переосмыслить. За подобную ревизию выступает Т. Уильямсон. На взгляд автора статьи, обе точки зрения упрощенно трактуют историю аналитической философии, игнорируя неизбежность конфликта двух исконных «сверхзадач» аналитической традиции: с одной стороны, искоренения спекулятивно-метафизического философствования, с другой – постановки его на научные рельсы. Рассмотрение аналитической философии в контексте истинности только одной из этих линий мешает корректной оценке ее перспектив.

Ключевые слова: лингвистический поворот, аналитическая философия, П.М.С. Хакер, Т. Уильямсон, методология, метафилософия, метафизика

Для цитирования: Золотков Г.А. Назад к лингвистическому повороту? Перспективы развития аналитической философии глазами П.М.С. Хакера и Т. Уильямсона // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 3. С. 47–59. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-47-59

Back to the linguistic turn?
P.M.S. Hacker and T. Williamson on the future
of analytic philosophy

Grigorii A. Zolotkov

*Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy, Moscow,
zolotkov_grigory@mail.ru*

Abstract. The article is concerned with two opposite views on the future of analytic philosophy, as presented by P.M.S. Hacker and T. Williamson. According to the first, conservative, the best prospect is the preservation of methodological attitudes of the linguistic turn. Sharing such point of view P.M.S. Hacker is convinced that analytic philosophers should completely abandon the establishing metaphysical truths and limit themselves to research of the verbal level of thinking. According to the second, more progressive, methodological attitudes of the linguistic turn should be discarded, and the radical ban on metaphysics should be rethought. T. Williamson is favoring that kind of revision. In the opinion of the author of the article, both points of view interpret the history of analytic philosophy in a simplified manner, ignoring the inevitability of the conflict between the two primordial “super tasks” of that tradition: on the one hand, the eradication of speculative-metaphysical philosophizing, on the other, putting it on a scientific track. Consideration of analytical philosophy in the context of the truth of only one of those lines obstructs a correct assessment of its prospects.

Keywords: linguistic turn, analytic philosophy, P.M.S. Hacker, T. Williamson, methodology, metaphilosophy, metaphysics

For citation: Zolotkov, G.A. (2021), “Back to the linguistic turn? P.M.S. Hacker and T. Williamson on the future of analytic philosophy”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 47–59, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-47-59

Введение

Проблема методологии является одной из центральных проблем аналитической философии. Само возникновение этой традиции обусловлено принципиальным отказом ряда исследователей от спекулятивно-метафизического способа философствования и осознанием необходимости выработки нового. На первых стадиях развития традиции искомый метод ассоциировался с процедурой анализа, а динамичное развитие философии языка и философской логики способствовало появлению целого ряда подобных техник [Грязнов 2006, с. 19–21]. Тенденция к поиску ответов на философ-

ские проблемы не в метафизических спекуляциях о мире и сознании, а в анализе вербальных способов выражения мысли получила название «лингвистический поворот». Позже, однако, лингвистический поворот потерял статус методологического «мейнстрима». Среди аналитиков распространился интерес к философствованию непосредственно о мире и сознании, а не только о возможностях вербализации знания о них. На первый взгляд, очевидное противоречие этой тенденции изначально установам аналитической философии говорит о разложении этого движения. Такого мнения придерживается известный историк аналитической философии и витгенштейновед Питер Хакер (р. 1939). Он полагает, что популярная сегодня «аналитическая» метафизика отличается от «традиционной» не по существу, но лишь наукообразной терминологией. Аналитическая философия же находится на терминальной стадии развития. Оппоненты подобного «эсхатологизма» иначе оценивают преодоление аналитической метафизикой лингвистического поворота. Так, известный логик и метафилософ Тимоти Уильямсон (р. 1955) полагает, что ни исторически, ни теоретически аналитическая философия не привязана исключительно к анализу. На его взгляд, лингвистический поворот был одной из тех «продуктивных ошибок», исправление которых способствовало выработке более сложных и точных форм философствования, представленных, например, в модальной метафизике.

Дискуссия между сторонниками этих крайних точек зрения – ультраконсервативной Хакера и ультрареформистской Уильямсона – позволяет показать, что оценка перспектив аналитической философии в рамках альтернативы «либо назад, либо вперед» упрощает внутреннюю диалектику традиции. В свою очередь, это препятствует адекватному сопоставлению двух методологических программ и осмыслению ряда связанных с этим проблем, например: может ли философия продуцировать новое знание, действительно ли имеются существенные отличия между «традиционной» и «аналитической» метафизиками, превосходит ли модальная метафизика философию концептуального анализа как метод исследования и т. д.

Реформам – нет

Разложение ранних форм аналитической философии было отмечено многими исследователями, но мало кто из них описывает его с таким драматизмом как П.М.С. Хакер. Охватывая взглядом историю традиции, он пишет:

Поток, берущий начало в Кембридже конца 1890-х гг., набравший там силу между войнами, разлившийся в широкую реку за счет Венского кружка 1930-х гг. и Оксфорда после войны (Второй мировой войны. – Г. З.), в итоге достиг обширной равнины, где распался на множество притоков и речек, часть из которых исчезла в болотах [Hacker 1996, p. 266].

И далее:

К середине 1980-х гг. англоязычная философия потеряла какие-либо отличительные черты. Хотя аналитические методы все еще используются в некоторых кругах, значительная часть работы, проделанной в последнее десятилетие, может быть названа «аналитической философией» только с отсылкой к ее истокам [Hacker 1996, p. 267].

«Подлинную» аналитическую философию в пространстве Хакер ограничивает Кембрижем, Веной и Оксфордом, а во времени – периодом с 1910-х по 1970-е гг. Большинство аналитиков США, трудная проблема сознания и теория прямой референции, по Хакеру, чужды ей. В основе этого ригоризма – убеждение в истинности принципов, открытых «ранним» Витгенштейном и развитых Венским кружком: а) философия имеет всего две задачи (артикуляцию концептуальной схемы и «терапию» философских заблуждений); б) правильный метод философии – это исследование употреблений слов, устраняющее языковую путаницу; в) философия вносит вклад не в умножение знания, но в его понимание [Hacker 2007, p. 133].

На взгляд Хакера, «злой гений», направивший аналитическую традицию по ложному пути, это У.В.О. Куайн [Hacker 1998, p. 9]. Критика Куайном различия аналитических и синтетических истин, присущие его мысли натурализм, сциентизм и бихевиоризм подтолкнули аналитиков возвратиться к занятиям метафизикой и отказаться от установок лингвистического поворота. Это смазало понимание философии как по-настоящему автономной дисциплины и направило ее на мимикрию под одну из наук [Hacker 1998, p. 27–28]. Хотя напрямую Хакер не оспаривает концепцию философии американского аналитика, зачатки такой критики можно увидеть в следующем его утверждении:

То, что с точки зрения Витгенштейна являлось болезнями интеллекта (*diseases of the intellect*), многим из которых сам он, будучи молодым человеком, был подвержен, и которые ему долго и с трудом пришлось искоренять, сегодня в мутировавших, острых формах рас-

пространились вновь. С точки зрения его терапевтической концепции философии, этого, вероятно, следовало ожидать, учитывая культурное и интеллектуальное давление эпохи. С изобретением вакцины медицина не теряет свою актуальность, если известно, что вирус, вызывающий болезнь, может мутировать. <...> Новые теории и открытия в науке... <...> ...Воздействуют на наш интеллектуальный каркас (intellectual framework)... <...> ...Вводя новые концепты, осуществить артикуляцию которых с помощью старых концептов и концептуальных структур вовсе не просто [Hacker 1996, p. 272].

По Хакеру, поворот обратно к лингвистическому повороту неизбежен. В Британии или в другой стране, рано или поздно, но философия вернется к этим идеям, так как именно эта модель философствования стала «наивысшим проявлением абсолютного Духа». Напротив, оценивая исторические перспективы попыток Куайна возродить метафизику, Хакер пафосно замечает, что: «В реке времени невозможно плыть против течения» [Hacker 1998, p. 25]. Любопытно, что при этом сам он призывает «назад, к лингвистическому повороту!» [Hacker 2007, p. 139], списывая идеи Куайна и его последователей на эпидемию «болезней интеллекта». Подобная избирательность в понимании необратимости исторических процессов вызывает сомнения в непредвзятости историко-философских оценок Хакера, несмотря на его безусловный авторитет как историка философии и витгенштейноведа.

Философский эксцелционализм

Т. Уильямсон, профессор логики Оксфордского университета, известен не только как логик, но и как один из ведущих представителей аналитической метафилософии. Задача последней сводится Уильямсоном к необходимости тщательной ревизии методологии аналитической традиции:

Многие укоренившиеся заблуждения продолжают жить в философии благодаря нежеланию отдельных мыслителей внимательно и недогматично взглянуть на примеры [конкретных философских проблем]; нежеланию, порою подкрепляемому самодовольными представлениями о себе и своих друзьях как о единственных, кто способен внимательно и недогматично рассматривать примеры (на ум приходят некоторые последователи «позднего» Витгенштейна) [Williamson 2007, p. 8].

Аналитическую философию Уильямсон понимает как «традицию» в прямом смысле слова, т. е. ее идентичность

...состоит в каузальных связях влияния, а не в каких-либо сходствах. <...> Попытка определить аналитическую философию через лингвистический поворот, уважение к науке или логическую строгость представляется мне пустой тратой времени [Уильямсон, Ламберов 2010, с. 137–138].

На его взгляд, лингвистический поворот способствовал распространению среди аналитиков ошибочного представления о принципиальном отличии философии от других дисциплин – «философского эксцепционализма» (*philosophical exceptionism*). Содержание этого представления можно разделить на две «догмы». Согласно первой, предметом исследования философии может быть только логико-лингвистическая проблематика. На взгляд Уильямсона, это не так. Грубо говоря, бóльшая аподиктичность логических законов, по сравнению с законами нравственными, не делает последние менее интересными в философском отношении. Согласно второй «догме», философское исследование сводится исключительно к процедуре анализа. Уильямсон категорически не согласен с этим. Он полагает, что ни синтез, ни анализ не имеют дисциплинарной принадлежности:

В основном методология философии <...> строится на необычайно систематичном и рефлексивном применении способов мышления, задействованных также во многих нефилософских исследованиях. Сравнительно надежное использование этих способов мышления в философии делает их принадлежность к более общим когнитивным паттернам [Williamson 2007, p. 3].

Собственный, или «приватный», метод философии, как и «приватный язык», не был бы по-настоящему надежен, если бы не его одинаково успешное применение разными исследователями в различных областях.

Негативным следствием эксцепционализма является идея некой «первой» философии, подводящей методологический фундамент под все остальные разделы дисциплины. По Уильямсону, ни один раздел философии в принципе не может претендовать на это:

Философия не более чем другие дисциплины защищена от растущей специализации. Ни один философский метод не считается более панацеей от всех философских болезней, с вытекающими отсюда привилегиями для его раздела исследований [Williamson 2007, p. 14].

Ни философия языка, ни философия сознания в действительности не предложили, как это до сих пор может некоторым казаться, «правильную» методологию.

К сожалению, в рамках статьи невозможно рассмотреть все нюансы разнообразной и технически сложной критики эксцепционализма Уильямсоном. В основном она сосредоточена на двух моментах: во-первых, неверно, что любая философская истина является языковой или концептуальной [Williamson 2007, p. 23–47]; во-вторых, неверно, что любая философская проблема является проблемой о языке или концептах [Williamson 2007, p. 48–133]. Критике эксцепционализма, проводимой британским исследователем, нельзя отказать в скрупулезности. В то же время ее нельзя назвать фундаментальной. В частности, оппоненты Уильямсона обращают внимание на отсутствие у него примеров тех «нелингвистических» истин, которые философия могла бы открыть [Hacker 2009; Marconi 2011]. Гораздо более интересным направлением его мысли представляется антиэсцепционалистская трактовка истории традиции и ее перспектив.

Лингвистический и концептуальный повороты

По Уильямсону, лингвистический поворот произошел не в 1920–1930-е гг., а гораздо раньше. Следуя за М. Даммитом, он предлагает отсчитывать начало этого поворота и самой аналитической традиции от философии Г. Фреге:

Только при Фреге философия наконец получила подходящий объект исследования, а именно: во-первых, задача философии это анализ структуры *мысли*; во-вторых, исследование *мысли* следует отличать от исследования *мышления* как психологического процесса; в-третьих, единственным правильным методом анализа мысли является анализ *языка*. <...> ...принятие трех этих принципов является общим для всей аналитической традиции [Dummett 1978, p. 458].

Согласно Даммиту, то, что проблематика философии языка становится центральным предметом исследования для аналитиков, свидетельствует о смене вех, разрыве с философией Нового времени, для которой этим предметом была эпистемология. Хотя сами по себе «мысль» и «мышление» являются предметами именно эпистемологии, с работ Фреге «мысль» начинает рассматриваться не в психологическом ракурсе, а с точки зрения той ее формальной структуры, которая отражена в языке:

Осознав, что единственный доступ, который мы имеем к мыслям, обеспечивает их вербальное выражение, Фреге, считает Даммит, переформулировал вопрос о схватывании мыслей как вопрос о том, как мы понимаем выражающие их предложения, а на этот последний вопрос у него есть вполне четкий ответ: понимать предложение значит знать условия, при которых оно является истинным [Макеева 2011, с. 23].

Уильямсон согласен, что аналитическая философия началась с концепции анализа мысли путем анализа языка. При этом он не считает, что предложенные Даммитом принципы схватывают аналитическую философию как таковую. Наименее очевидным из этих принципов, по Уильямсону, является исключительно «лингвистический» метод исследования мысли. Многие исследователи, рассматривая структуру мысли, обращались не к самим предложениям, но к стоящим за ними концептам, понимая под последними «то, что синонимичные высказывания имеют общего друг с другом» [Williamson 2007, p. 13]. Подобное обращение не просто к языку, но к его абстрактной, концептуальной стороне, на взгляд Уильямсона, обусловило второй этап развития традиции – «концептуальный поворот». Минимальным условием отхода от «лингвистического» и начала «концептуального» поворота, по Уильямсону, стал отказ от метода анализа языка как единственного корректного способа исследования структуры мысли. Мотивирован он был тем убеждением, что анализ мысли должен вестись не опосредованно через анализ вербальных выражений, но быть напрямую направлен на структурные элементы мысли (*constituents of thought*), «концепты» (как их называет Уильямсон). Следовательно, философ должен заниматься анализом концептов, а не предложений. Концептуальный поворот стал «гораздо более обширным течением, чем лингвистический» [Williamson 2007, p. 14], тем не менее в «Философии философии» не уточняется, о каких исследователях идет речь. Этот недочет исправляет более поздний текст [Williamson 2014], в котором среди представителей концептуального поворота указываются Н. Хомский, П. Стросон и Дж. Сёрл. Действительно, последний в своих ранних работах утверждает, что под структуру «речевых актов» Дж. Остина следует подвести структуру ментальных состояний. Логике его аргументации можно воспроизвести следующим образом:

Всякий речевой акт – это осмысленный звуковой ряд, а осмысленность ему придает именно наложение на него ментальных состояний говорящего. Набор возможных ментальных состояний, которые можно упаковать в звуки или письмо, предопределяет, стало быть, реестр речевых актов [Васильев 2009, с. 61].

То есть концептуальный поворот смещает внимание аналитиков от языка к мышлению: не структура языка используется, чтобы прояснить мышление, но наоборот, структурные элементы мышления используются, чтобы прояснить язык.

Несмотря на существенный отход от фрегианской модели исследования, концептуальный поворот, по Уильямсону, также подвержен эксцепционализму: «концептуальные философы», как и лингвистические, ставят в центр философии «особый» предмет исследования – структуру мысли. На взгляд Уильямсона, осознание аналитиками ошибочности сведения предметной базы философского исследования к механике когнитивных процессов дало жизнь новому методологическому повороту в истории традиции.

Реформам – да

Лингвистический и концептуальный повороты Уильямсоном противопоставляются современному состоянию развития аналитической философии с ее подчеркнутым антиэксцепционализмом и активным развитием метафизики. Этот этап, назовем его «метафизический поворот», Уильямсон считает «золотым веком» традиции, когда задачи и проблемы дисциплины были наконец правильно сформулированы, оставив метафилософам проработку отдельных нюансов. Ориентация же на более ранние этапы аналитической философии ставит ее будущее под угрозу. Так, историки традиции вроде Хакера говорят буквально об «изгнании» метафизики первыми поколениями аналитиков. Это создает впечатление, что метафизика чужда самому духу традиции, что развитие новыми поколениями аналитиков «научной» метафизики есть не что иное как «предательская» капитуляция и попрание идеалов. И хотя сторонники «научной» метафизики подчеркивают ее «аналитическое» происхождение, сам факт этого возвращения представляется многим исследователям скандальным:

В привычные изложения истории философии XX в. не вписываются наиболее яркие, точные и изобретательные достижения последней трети этого столетия: возрождение метафизического теоретизирования... связанное с именами С. Крипке, Д. Льюиса, К. Файна, П. ван Инвагена, Д. Армстронга и многих других... С точки зрения традиционных метанарративных схем в истории философии (*grand narrative schemes*), деятельность этих философов должна выглядеть как возврат к докантовской метафизике: этого не должно было произойти, но произошло. Многие из тех, кто придерживается этого взгляда, охотно усматривают

здесь преємственность *традиционной* (курсив мой. – Г. З.) метафизике; [тем не менее их] отсылки к авторитетам Канта или Витгенштейна – пустой звук, так как они не подкреплены какими-либо аргументами, отражающими реальное положение дел [Williamson 2007, p. 19].

Напротив, если не рассматривать «лингвистическую» критику метафизики как сущностную черту аналитической традиции, то представление о лингвистическом повороте как «золотом веке» аналитической философии теряет свою убедительность. На взгляд Уильямсона, перед аналитиками стоит задача найти «новую нарративную схему для истории философии с 1960 года; однако какой она должна быть, ясно лишь в самых общих чертах» [Williamson 2007, p. 22]. Как представляется, собственная «нарративная схема» Уильямсона достаточно успешно позволяет избежать излишнего пессимизма во взгляде на перспективы традиции. Акцент не на отказе от метафизики, но на эксцепционалистском уклоне первых аналитиков позволяет ему показать, что постпозитивисты не просто «вернулись» к метафизике – они переосмыслили предшествовавшие модели философского исследования. Движение от лингвистического к метафизическому повороту – это не движение от рождения к смерти, но процесс постепенного обновления традиции за счет критической работы наиболее смелых и проницательных философов-аналитиков. Продолжая мысль Уильямсона, ни Фреге, ни тем более Витгенштейн не предложили некий «аутентичный вариант» аналитической философии. Оба внесли свою лепту в развитие философского эксцепционализма, последующее переосмысление которого сильно продвинуло традицию.

Уильямсон безусловно прав, указывая на ангажированность апологетов лингвистического поворота. Тем не менее его позиция не может быть названа менее предвзятой, чем позиция Хакера. Строя историко-философскую реконструкцию аналитической философии, он в первую очередь нападает на эксцепционализм. Основной задачей предлагаемой им «нарративной схемы» оказывается подтверждение того тезиса, что *ошибочные* взгляды лингвистического поворота сменились *более совершенной* методологией модальной метафизики.

Заключение

Рассмотренная в статье полемика не есть нечто новое и укладывается в рамки одного из наиболее давних сюжетов аналитической философии. Заметную роль в становлении традиции сыграло

распространившееся на стыке XIX–XX вв. представление о естественных науках как об эталонной форме исследования. На фоне строгих и точных результатов естественных наук традиционные философские изыскания стали выглядеть как малосодержательные отвлеченные рассуждения, имеющие неоднозначную эпистемическую ценность. Аналитическая традиция прибегла к двум способам справиться с этим вызовом: а) путем наложения ограничений на практики отвлеченного теоретизирования и дискредитации философских «псевдопроблем» и б) путем сциентизации философствования. Направленные в противоположные стороны, эти стратегии обусловили внутренний конфликт традиции. Тем не менее конфликт не только не стал «миной замедленного действия», но способствовал продуктивному развитию аналитической мысли. Противоположные взгляды уравнивают друг друга, позволяя традиции постоянно совершенствоваться и не принимать карикатурных форм. Как справедливо отмечает Уильямсон, аналитическая метафизика конца XX в. возникла не вопреки лингвистической философии, но во многом как критика ее слабых сторон. Он, однако, не учитывает, что сегодня уже постаналитическая философия стала объектом критики нового поколения аналитиков, обратившихся к лингвистической методологии (см. [Vaz 2018; Carpelen 2018; Richard 2019]).

Следует ли аналитикам вернуться назад к лингвистическому повороту? Как кажется, ни один из рассмотренных ответов на этот вопрос нельзя признать удовлетворительным. «Нарративным схемам», предлагаемым в статье, свойствен общий недостаток: зачастую в пылу полемики методологически нейтральное рассмотрение традиции авторы подменяют историко-философской апологией своей методологической концепции. В результате рассмотрение центрального для традиции вопроса об эвристическом потенциале философии приобретает тенденциозный характер. С этой точки зрения контуры «нарративной схемы», способной непредвзято отразить сложную диалектику аналитической традиции, правильнее будет искать в работах менее ангажированных авторов.

Литература

- Васильев 2009 – *Васильев В.В.* Трудная проблема сознания. М., 2009. 272 с.
Грязнов 2006 – *Грязнов А.Ф.* Аналитическая философия. М.: Высшая школа, 2006. 374 с.
Макеева 2011 – *Макеева Л.Б.* Язык, онтология и реализм. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 310 с.

- Уильямсон, Ламберов 2010 – *Уильямсон Т., Ламберов Л.Д.* Прошлое, настоящее, надежда (интервью с Тимом Уильямсоном) // *Analytica*. 2010. № 4. С. 137–138.
- Baz 2018 – *Baz A.* *The Crisis of Method in Contemporary Analytic Philosophy*. Oxford University Press, 2018. 224 p.
- Cappelen 2018 – *Cappelen H.* *Fixing Language: An Essay on Conceptual Engineering*, Oxford University Press, 2018. 212 p.
- Dummett 1978 – *Dummett M.* *Truth and Other Enigmas*. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1978. 528 p.
- Hacker 1996 – *Hacker P.M.S.* *Wittgenstein's Place in Twentieth-Century Analytic Philosophy*. Oxford: Blackwell, 1996. 368 p.
- Hacker 1998 – *Hacker P.M.S.* *Analytic philosophy: what, whence, and whither?* // *Story of Analytic Philosophy: Plot and Heroes* / Ed. by A. Biletzki, A. Matar. L.: Routledge, 1998. P. 3–34.
- Hacker 2007 – *Hacker P.M.S.* *Analytic Philosophy: Beyond the linguistic turn and back again* // *The Analytic Turn: Analysis in Early Analytic Philosophy and Phenomenology* / Ed. by M. Beaney. London: Routledge, 2007. P. 125–141.
- Hacker 2009 – *Hacker P.M.S.* *A philosopher of philosophy* // *The Philosophical Quarterly*. 2009. Vol. 59. № 235. P. 337–348.
- Marconi 2011 – *Marconi D.* *Wittgenstein and Williamson on Conceptual Analysis* // *Analisi* / Ed. by R. Davies. Milano: Mimesis, 2011. P. 91–101.
- Richard 2019 – *Richard M.* *Meanings as Species*. Oxford University Press, 2019. 212 p.
- Williamson 2007 – *Williamson T.* *The Philosophy of Philosophy*. Oxford: Blackwell, 2007. 352 p.
- Williamson 2014 – *Williamson T.* *How did we get here from there? The transformation of analytic philosophy* // *Belgrade Philosophical Annual*. 2014. Vol. 27. P. 7–37.

References

- Baz, A. (2018), *The Crisis of Method in Contemporary Analytic Philosophy*, Oxford University Press.
- Cappelen, H. (2018), *Fixing Language: An Essay on Conceptual Engineering*, Oxford University Press.
- Dummett, M. (1978), *Truth and Other Enigmas*, Harvard Univ. Press, Cambridge (Mass.).
- Gryaznov, A.F. (2006), *Analiticheskaya filosofiya* [Analytic philosophy], Vysshaya shkola, Moscow, Russia.
- Hacker, P.M.S. (1996), *Wittgenstein's Place in Twentieth-Century Analytic Philosophy*, Blackwell, Oxford.
- Hacker, P.M.S. (1998), "Analytic philosophy: what, whence, and whither?", *Story of Analytic Philosophy: Plot and Heroes*, Biletzki A. and Matar, A. (eds.), Routledge, London, UK, pp. 3–34.

- Hacker, P.M.S. (2007), "Analytic Philosophy: Beyond the linguistic turn and back again", Beaney, M. (ed.), *The Analytic Turn: Analysis in Early Analytic Philosophy and Phenomenology*, Routledge, London, UK, pp. 125–141.
- Hacker, P.M.S. (2009), "A philosopher of philosophy", *The Philosophical Quarterly*, vol. 59, no. 235, pp. 337–348.
- Makeeva, L.B. (2011) *Yazyk, ontologiya i realism* [Language, ontology and realism], NIU VShE, Moscow, Russia.
- Marconi, D. (2011), "Wittgenstein and Williamson on Conceptual Analysis" *Analisi*, Davies, R. (ed.), Mimesis, Milano, Italy, pp. 91–101.
- Richard, M. (2019), *Meanings as Species*, Oxford University Press.
- Vasil'ev, V.V. (2009), *Trudnaya problema soznaniya* [Hard issue of consciousness], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia.
- Williamson, T. (2007), *The Philosophy of Philosophy*, Blackwell, Oxford.
- Williamson, T. (2014), "How did we get here from there? The transformation of analytic philosophy", *Belgrade Philosophical Annual*, vol. 27, pp. 7–37.
- Williamson, T. and Lamberov, L.D. (2010), "Past, present, hope: interview with Tim Williamson", *Analytica*, no. 4, pp. 137–138.

Информация об авторе

Григорий А. Золотков, Институт философии РАН, Москва, Россия; 109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; zolotkov_grigory@mail.ru

Information about author

Grigori A. Zolotkov, Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 12, Goncharnaya Street, Moscow, Russia, 109240; zolotkov_grigory@mail.ru

Аргумент антисветимости Т. Уильямсона и проблема знания о себе

Ольга А. Козырева

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Уральский государственный медицинский университет,
Екатеринбург, Россия, olgakozyreva@mail.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу аргумента антисветимости, предложенного Т. Уильямсоном. Этот аргумент может пониматься как опровержение картезианской концепции знания о себе, где утверждается тезис о привилегированном доступе агента ко всем его ментальным состояниям. Помимо формулировки самого аргумента рассматриваются три вариации возражения одной из его посылок, обосновывающейся принципом надежности знания: во-первых, структура аргумента воспроизводит структуру парадокса кучи, во-вторых, в аргументе не учитывается наличие конститутивной связи между нахождением агента в ментальном состоянии и его знанием об этом, и, в-третьих, само обоснование принципа надежности знания не является достаточным для его принятия. Делается вывод о том, что аргумент антисветимости ставит под вопрос специфику содержания понятия знания о себе в картезианстве.

Ключевые слова: антисветимость, Уильямсон, знание, убеждение, знание о себе, ментальное состояние

Для цитирования: Козырева О.А. Аргумент антисветимости Т. Уильямсона и проблема знания о себе // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 3. С. 60–72. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-60-72

Timothy Williamson's anti-luminosity argument and the problem of self-knowledge

Olga A. Kozyreva

*Ural Federal University named after the first President
of Russia B.N. Yeltsin, Ural State Medical University,
Ekaterinburg, Russia, olgakozyreva@mail.ru*

Abstract. The paper aims to analyze Timothy Williamson's anti-luminosity argument. The argument might be considered as a way to criticize the Cartesian account of self-knowledge, which is based on the thesis of the privileged access agent has to her mental states. First, I present the argument itself as well as the three versions of the main objection to one of the premises. The objection is motivated by the reliability constraint on knowledge: a) the anti-luminosity argument is a sorites argument; b) the anti-luminosity argument neglects the constitutive connection between being in a mental state and knowing about being in it; c) the reliability principle itself is not well motivated. Second, I argue that the reliability principle helps the anti-luminosity argument to question the very concept of self-knowledge in Cartesianism.

Keywords: anti-luminosity, Williamson, knowledge, belief, self-knowledge, mental state

For citation: Kozyreva, O.A. (2021), "Timothy Williamson's anti-luminosity argument and the problem of self-knowledge", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 60–72, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-60-72

Практически ни одна статья о знании о себе в аналитической философии не обходится без упоминания картезианского представления о том, как агент приобретает такое знание. Согласно этому представлению, у агента имеется знание о своих ментальных состояниях (далее – МС) благодаря способности к интроспекции, которая понимается по аналогии с моделью восприятия обыденных объектов [Shoemaker 1996], где агент воспринимает свои МС так же, как он воспринимает объекты окружающего мира. Если последние он воспринимает при помощи органов чувств (в первую очередь, зрения), то объекты своего внутреннего мира – МС – он воспринимает при помощи того, что метафорически именуют «внутренним взглядом». Однако агент не смог бы приобретать знание о своих МС, если бы те не обладали свойством прозрачности. Именно

благодаря этому свойству эпистемический доступ агента к его МС носит привилегированный характер, т. е. убеждения и высказывания агента о своих МС являются с необходимостью истинными и не подверженными ошибкам [Alston 1971].

Подобное понимание знания о себе часто подвергается критике в среде аналитических философов [Moran 2001; Evans 1982; Bag-Op 2004]. Один из содержательных способов опровергнуть картезианскую концепцию знания о себе предложил Т. Уильямсон. Его аргумент антисветимости направлен на преодоление идеи того, что у агента имеется привилегированный эпистемический доступ к своим МС. В настоящей статье будут представлены аргумент антисветимости и три выдвигаемых ему возражения. Также будет продемонстрировано, как имплицитное принятие Т. Уильямсоном определенных допущений приводит к тому, что аргумент антисветимости ставит под вопрос содержание самого понятия знания о себе.

Аргумент антисветимости

Основная мотивация Т. Уильямсона состояла в том, чтобы показать, что знание является МС наравне с такими классическими состояниями, как убеждение, желание, боль и т. д. Противоположная позиция, в рамках которой знанию отказывают в статусе МС, основывается на картезианском понимании сущностных свойств ментального. То есть МС – это такое состояние, к которому у агента всегда имеется непосредственный эпистемический доступ, иначе, оно является эпистемически прозрачным. Но, для того чтобы находиться в состоянии знания, агенту необходимо сначала находиться в состоянии убеждения, которое, как минимум, должно быть истинным и обоснованным. Именно требуемая истинность убеждения делает состояние знания эпистемически недоступным для агента, так как истинность зависит от условий окружающего мира, доступ к которому у агента, очевидно, ограничен.

Именно в контексте критики картезианского «мифа эпистемической прозрачности» Т. Уильямсон и развивает свой аргумент антисветимости. Вместо метафизически нагруженного понятия прозрачности Т. Уильямсон предлагает использовать эпистемически нагруженное понятие светимости¹ для описания

¹ О приписывании свойства светимости МС в картезианстве утверждал еще Г. Райл [Ryle 2009].

идеи того, что, если агент находится в МС, то он находится в состоянии знать о том, что он находится в этом состоянии. В картезианстве все МС являются светящимися, и тот свет, который они испускают, позволяет агенту приобрести знание о них (фактически «увидеть» свои МС). И если агент находится в МС, то он с необходимостью знает о том, что он в нем находится. Понимаемые таким образом МС формируют для агента его «когнитивный дом» [Williamson 2000, р. 93] – такую область мира, познание объектов которой проходит для агента в условиях «эпистемического комфорта», когда он застрахован от формирования ложных или случайно истинных убеждений. За пределами «когнитивного дома» находится внешний окружающий мир, в котором агенту приходится нести эпистемические риски при познании объектов этого мира.

Более формальное определение светимости включает в себя понятие «находиться в состоянии знать». Это понятие, как и понятие знания, представляет собой фактивную пропозициональную установку: если агент в состоянии знать, что p , то p истинно. С определенной долей условности можно рассматривать оба этих понятия как синонимы. Таким образом, состояние S определяется как светящееся, если и только если имеет место тезис \bar{L} : «(L) Для каждого случая α верно, что, если в α имеет место C , то субъект в состоянии знать о том, что C имеет место» [Williamson 2000, р. 95]. Аргумент антисветимости нацелен на доказательство того, что (L) ложно в отношении МС, и, как следствие, агент «когнитивно бездомен» [Williamson 2000, р. 94].

Т. Уильямсон предлагает представить следующую ситуацию: на рассвете агент ощущает, что ему холодно, затем постепенно согревается, и к полудню уже ощущает, что ему жарко. Если вслед за сторонниками картезианства мы принимаем истинность (L) в отношении МС, то мы должны утверждать, что МС агента – а именно ощущение холода – является светящимся и, значит, агент в состоянии знать, в каком МС он находится в каждый момент времени. На рассвете агент с уверенностью находится в состоянии знать, что ему холодно, в полдень он тоже с уверенностью находится в состоянии знать, что ему уже не холодно. В промежуток между рассветом и полуднем агент пытается определить, холодно ему в данный момент времени или нет. Однако постепенность процесса согревания коррелирует с тем, что в каждую миллисекунду агент не в состоянии знать о том, холодно ли ему еще, или уже теплее. Абсолютная уверенность относительно своего знания у него имеется только на рассвете и в полдень.

Пусть $t_0, t_1, t_2 \dots t_n$ – серия интервалов времени в одну миллсекунду, где t_0 – рассвет, а t_n – полдень; α_i – положение дел в момент времени t_i , где $0 \leq i \leq n$. Тогда рассуждение будет выглядеть следующим образом:

В α_0 агент ощущает, что ему холодно;

В α_n агент не ощущает, что ему холодно;

Если в α_i агент ощущает, что ему холодно, то в α_i агент в состоянии знать, что он ощущает, что ему холодно;

В α_0 агент в состоянии знать, что он ощущает, что ему холодно; (MP 1,3)

Если в α_i агент в состоянии знать, что он ощущает, что ему холодно, то в α_{i+1} агент ощущает, что ему холодно;

В α_1 агент ощущает, что ему холодно; (MP 4,5)

В α_i агент в состоянии знать, что он ощущает, что ему холодно; (MP 3,6)

В α_2 агент ощущает, что ему холодно. (MP 5,7)

Если продолжить рассуждение для каждого последующего α_i , то в итоге мы вынуждены будем прийти к:

В α_n агент ощущает, что ему холодно.

Получив противоречие между (2) и (9), необходимо выяснить, какая из посылок является ложной. Под подозрение попадают (3) и (5): первая выражает (L), вторая – принцип надежности знания, согласно которому «нечто происходит надежно тогда и только тогда, когда нет опасности того, что это не произойдет» [Williamson 2000, p. 124]. Поскольку подход Т. Уильямсона к знанию близок релейабиллизму, истинность (5) не вызывает у него сомнений. Требование надежности связано с той уверенностью (confidence), с которой агент находится в состоянии знать о том, что ему холодно: если агент знает, что ему холодно, то он обоснованно уверен в том, что ему холодно, и эта уверенность покоится на принципе надежности. В противном случае если в t_i агент ощущал, что ему холодно, а в t_{i+1} этого не ощущает, то его уверенность в t_i не была надежно обоснована, что противоречит тому, что в t_i агент знал о том, что ему холодно.

Исходя из необходимости соблюдения принципа надежности знания Т. Уильямсон заключает, что ложной следует признать (3). Таким образом, *reductio ad absurdum* доказывает ложность (L) в отношении как минимум одного МС – ощущения холода. Далее Т. Уильямсон утверждает, что это заключение можно распространить на все МС, что эквивалентно тому, что ни одно МС не является светящимся.

Критика аргумента антисветимости

Основное возражение аргументу антисветимости связано с (5). Различные вариации этого возражения можно подразделить на три группы: а) аргумент представляет собой разновидность парадокса кучи; б) аргумент выпускает из вида наличие конститутивной связи между нахождением агента в МС и его знанием об этом; в) в аргументе не дается достаточного обоснования принятия принципа надежности знания.

В качестве иллюстрации первой вариации возражения показательна позиция В.-Х. Вонга [Wong 2008]. Его идея заключается в том, чтобы продемонстрировать, что истинность (5) – если агент знает, что ему холодно в α_i , то ему холодно в α_{i+1} – обосновывается на самом деле не принципом надежности знания, а фактом того, что согревание – это постепенный процесс, который не происходит мгновенно. Именно неверное обоснование Т. Уильямсоном истинности данной посылки (через принцип надежности знания) помешало ему увидеть, что структура аргумента антисветимости повторяет структуру парадокса кучи.

В.-Х. Вонг показывает, как можно вывести (5) из принципа фактичности знания (если агент знает, что ему холодно в α_i , то ему холодно в α_i) и эмпирического факта постепенности процесса согревания (если агенту холодно в α_i , то ему холодно в α_{i+1}). Однако этот эмпирический факт и превращает аргумент Т. Уильямсона в рассуждение в стиле парадокса кучи: посылка «если агенту холодно в α_i , то ему холодно в α_{i+1} » схожа с посылкой «если человек лыс, когда у него на голове i количество волос, то он лыс, когда на его голове $i+1$ количество волос».

Т. Уильямсон предвидел возникновение возражений подобного рода, но стратегия его защиты В.-Х. Вонга не устраивает. Суть этой стратегии состоит в том, чтобы определить четкие границы применимости предиката «ощущать холод» (например, установить физиологическое состояние агента при помощи специальных приборов) и показать, что даже в таком случае рассуждение все равно сохраняет общезначимость. Фиксация границ предиката требуется потому, что рассуждения типа парадокса кучи возникают как раз из-за употребления неопределенных предикатов. Но Т. Уильямсон настаивает на том, что от этого хода (5) не перестанет быть истинной, так как она основывается не на неопределенности предиката «ощущать холод», а на эмпирическом факте ограниченности нашей способности к дифференциации ощущений: агент не может обнаружить различие

между своим состоянием в t_1 и своим состоянием в t_2 , т. е. на миллисекунду позднее.

Однако В.-Х. Вонг утверждает, что предикат «ощущать холод» всегда будет неопределенным предикатом: постепенность процесса согревания заключается в отсутствии границы между температурными состояниями тела. Если установить границы применимости предиката «ощущать холод», как предлагает Т. Уильямсон, то придется признать, что существуют два следующих друг за другом отдельных состояния, одно из которых – состояние ощущения холода, а другое – состояние отсутствия ощущения холода. Но наличие таких состояний противоречит эмпирическому факту постепенности процесса согревания, а значит, и (5).

Вторая вариация возражения – о том, что Т. Уильямсон не учитывает наличие конститутивного отношения между феноменальным опытом агента и его убеждением об этом опыте – носит картезианский характер. Сторонники наличия подобного отношения заявляют о том, что, по крайней мере, та часть МС, которая сопровождается сознательным опытом, всегда известна агенту. В частности, С. Беркер защищает тезис о светимости, указывая на наличие конститутивной связи между нахождением агента в МС и формированием убеждения агента о нахождении в нем [Berker 2008]. Именно отсутствие связи между феноменальным и когнитивным, по его мнению, движет Т. Уильямсоном, когда тот развивает свой аргумент антисветимости, так как только так можно обосновать принятие (5). Когда Т. Уильямсон утверждает, что (5) основывается на эмпирическом факте ограниченных эпистемических способностей агента, он фактически принимает принцип предела ошибки: «Если в случае a агент знает, что p , то в достаточно близком случае βp истинно» [Berker 2008, p. 5]. Однако, как считает С. Беркер, этот принцип несовместим с идеей конститутивной связи между феноменальным и когнитивным, а независимого обоснования истинности данного принципа и необходимости отказаться от конститутивистского тезиса Т. Уильямсон не предлагает.

Сторонники данного тезиса, напротив, могут защитить его через указание на феноменальные понятия – понятия, референтами которых являются свойства непосредственного, феноменального, опыта агента [Chalmers 2003]. Такой стратегии придерживается В. Барц, настаивая на том, что конститутивная связь между феноменальным и когнитивным обеспечивается за счет непосредственных феноменальных понятий [Barz 2017]. С одной стороны, эти понятия являются жесткими десигнаторами, так как они отсылают к непосредственному опыту агента. С другой стороны, они не являются контекстуально зависимыми, поскольку непосредственный

опыт вне зависимости от смены условий все равно будет одним и тем же. В. Барц сближает использование непосредственного феноменального понятия «ощущение холода» с использованием демонстратива «этот», указывающего на то самое ощущение холода, испытываемое агентом. Основное отличие между ними состоит в том, что

...в то время как демонстративы могут быть успешно использованы для указания на что-либо в отсутствие какой бы то ни было идеи о том, каково это что-либо, любое успешное использование непосредственных феноменальных понятий предполагает, по крайней мере, *какую-то* идею о том, каков этот объект, на которое данное понятие указывает» [Barz 2017, p. 11].

Другими словами, для непосредственного феноменального понятия необходимым является наличие соответствующего опыта у агента, и, следовательно, агент может использовать это понятие только тогда, когда он имеет этот опыт.

Третьей вариацией возражения (5) становится указание на то, что принцип надежности знания не является необходимым условием для наличия у агента знания. Так, Э. Брюкнер и М.О. Фиокко обращают внимание на то, что, с позиции Т. Уильямсона, для знания об ощущении холода у агента должна иметься уверенность в этом ощущении, и она должна иметь надежное основание [Brueckner, Fiocco 2002]. Тем не менее они считают, что постулирование связи между знанием, уверенностью и надежностью не обосновано. Отсутствие этой обоснованности они стремятся продемонстрировать, обращаясь к еще одной иллюстрации антисветимости МС, приводимой Т. Уильямсоном.

Он предлагает представить ситуацию, в которой N.N. знает, что Линкольн – президент США; но он еще не слышал новостей о том, что Линкольн был только что застрелен, и это значит, что с момента выстрела N.N. более не знает о том, что Линкольн – президент США (ведь знание возможно только в отношении к истинным пропозициям). Получается, что N.N. не в состоянии знать, что с его знанием что-то не так: этот вывод Т. Уильямсона призван проиллюстрировать его идею о том, что агент может знать, не зная о том, что он знает.

Э. Брюкнер и М.О. Фиокко предлагают проанализировать этот пример по аналогии с аргументом антисветимости. Пусть t – момент времени за миллисекунду до смерти Линкольна, а L – пропозиция «Линкольн – президент США». Тогда в t N.N. знает, что L , а в $t+1$ – нет. Рассуждение Т. Уильямсона относительно такой же ситуации

в случае с ощущением холода предполагает, что уверенность N.N. в t не имела надежного основания, раз в очень схожей ситуации в $t+1$ он уже не знает, что L . Но такое предположение должно быть ошибочным – в момент t N.N. действительно знал, что Линкольн – президент США. В результате Э. Брюкнер и М.О. Фиокко заявляют, что пока Т. Уильямсон не продемонстрирует ключевое отличие примера с агентом, ощущающим холод, от примера с N.N., аргумент антисветимости нельзя считать успешным: уверенность агента в обоих случаях оказывается ненадежно обоснованной.

Р. Нета и Г. Рорбах придерживаются той же линии критики и отмечают, что для обоснования (5) требуется принятие принципа безопасности знания: агент знает, что p , если и только если агент не может с легкостью ошибиться в том, что p [Neta and Rorhbaugh 2004]. Тривиальная интерпретация этого принципа предполагает, что истинность p определяет схожесть между случаем α и случаем β . Однако для аргумента антисветимости требуется нетривиальная интерпретация, в которой истинность p присутствует в случае α , но отсутствует в случае β , так как по условиям аргумента в $t+1$ агент не ощущает холод, хотя и с уверенностью убежден в том, что ощущает. Но именно эта интерпретация ошибочна: ей можно привести контрпримеры, в которых истинность p отличается в двух случаях, но ошибочная уверенность убеждения агента в одном из случаев не мешает ему приобрести знание в другом, чего, согласно нетривиальной интерпретации, сделать нельзя.

В итоге Р. Нета и Г. Рорбах утверждают, что принимать стоит только тривиальную интерпретацию принципа безопасности знания и только тогда, когда убеждения агентов формируются на основе адекватного эпистемического базиса, т. е. когда эти убеждения являются когнитивным достижением, а не результатом случайного эпистемического успеха, как при восприятии фальшивых амбаров у Э. Голдмана. Приобретение знания – это эпистемически рискованное занятие, в котором агент легко может потерпеть неудачу. Поэтому соблюдение принципа безопасности знания не может являться необходимым условием знания, а это, в свою очередь, приводит к тому, что (5) остается без обоснования.

Аргумент антисветимости и понятие знания о себе

Приведенные возражения аргументу антисветимости демонстрируют, что (L) по-прежнему выглядит привлекательным для многих философов, и они не готовы отказаться от картези-

анской идеи о том, что у агента имеется эпистемический доступ ко всем своим МС. Под вопрос можно поставить и правомерность следующего шага Т. Уильямсона, когда он распространяет заключение аргумента на вообще все МС, которые могут иметься у агента [Duncan 2016]. Если принимать традиционное в философии сознания разделение на феноменальные и интенциональные МС, то, по всей видимости, аргумент антисветимости может быть применен только к первым, в то время как для признания отсутствия светимости у вторых требуется дополнительное обоснование, которое Т. Уильямсон не представляет. Исходя из этого, можно предположить, что Т. Уильямсон имплицитно принимает допущение о том, что все МС обладают одинаковой природой, и никакого различия между феноменальным и интенциональным не существует. В контексте проблематики знания о себе это ведет к принятию допущения единообразия –

...требования того, чтобы удовлетворительная концепция нашего знания о себе обладала фундаментальным единством, объясняя все факты, имеющие «авторитет от первого лица», одним и тем же базовым способом [Boyle 2009, p. 141].

Следующим допущением, имплицитно принимаемым Т. Уильямсоном, является то, что знание о себе – это «когнитивное достижение»: агент знает о своих МС не благодаря тому, что он в них просто находится, а благодаря совершению определенных эпистемических действий, которые способствуют достижению знания [Srinivasan 2015]. Это допущение ставит знание о себе в один ряд со знанием объектов внешнего мира, так как последнее всегда является для агента «когнитивным достижением». В результате знание о себе теряет приписываемое ему свойство безосновности – свойство быть приобретаемым без использования каких-либо эпистемических средств (наблюдения или умозаключения). Вслед за этим у знания о себе, согласно подходу Т. Уильямсона, теряется и свойство непогрешимости или, иначе, свойство гарантированно обладать истинностью. Т. Уильямсон склоняется к выбору второй из двух схожих позиций: а) агент не всегда знает о своих МС, но если знает, то его знание обладает свойством непогрешимости, и б) агент не всегда знает о своих МС, но если знает, то его знание не обладает свойством непогрешимости. Связано это с тем, что он принимает принцип надежности знания (а также принцип безопасности знания), а это предполагает, как отмечалось ранее, что знание не может быть гарантированным эпистемическим успехом для агента.

Еще одним следствием принятия Т. Уильямсоном принципа надежности знания становится тот факт, что в картезианстве понятие знания о себе лишается его основной составляющей – знания. Если мы хотим, чтобы агент действительно знал о своих МС, а не просто имел истинное и обоснованное убеждение о них, то мы должны принимать, согласно Т. Уильямсону, принцип надежности знания. Но отношения агента с его МС таковы (и этот эмпирический факт ограниченности способностей к дифференциации МС изменить мы не в силах), что принять этот принцип нельзя. Конечно, можно попытаться возразить, что не существует необходимой связи между способностью агента к дифференциации своих МС и его особым эпистемическим доступом к ним [Vogel 2010]. Однако подобное возражение выглядит достаточно экстравагантным: в чем смысл знать, в каком МС ты находишься, если ты не можешь отличить его от других? Степень отличия МС, которая требуется агенту для обладания привилегированным эпистемическим доступом, в картезианстве слишком высока, чтобы она могла наличествовать хотя бы у одного реального представителя вида *Homo Sapiens*. Совместно с принципом надежности знания эта требуемая степень отличия приводит к тому, что классическое утверждение о том, что высказывания агента о его МС являются знанием, оказывается тоже слишком сильным: без соблюдения принципа надежности все, что имеется у агента относительно своих МС, это только убеждение, но никак не знание.

Таким образом, опровержение картезианского представления о знании о себе у Т. Уильямсона основывается на принятии принципа надежности знания, который, в свою очередь, базируется на имплицитно разделяемых Т. Уильямсоном допущении единообразия и допущении того, что знание является «когнитивным достижением». Следствием этих допущений становится указание на то, что в картезианстве убеждения агента о своих МС не могут в принципе приобрести статус знания, так как у агента отсутствуют требуемые для этого способности к разграничению данных состояний.

Литература

- Alston 1971 – Alston W. Varieties of Privileged Access // American Philosophical Quarterly. 1971. Vol. 8. № 3. P. 223–241.
- Bar-On 2004 – Bar-On D. Speaking My Mind. Expression and Self-knowledge. New York: Oxford University Press, 2004.
- Barz 2017 – Barz W. Luminosity Guaranteed // Pacific Philosophical Quarterly. 2017. Vol. 98. P. 1–17.

- Berker 2008 – *Berker S.* Luminosity Regained // *Philosophers' Imprint*. 2008. Vol. 8. № 2. P. 1–22.
- Boyle 2009 – *Boyle M.* Two Kinds of Self-knowledge // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2009. Vol. 78. № 1. P. 133–164.
- Brueckner, Fiocco 2002 – *Brueckner A., Fiocco M.O.* Williamson's Anti-Luminosity Argument // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 2002. Vol. 110. № 3. P. 285–293.
- Chalmers 2003 – *Chalmers D.* The Content and Epistemology of Phenomenal Belief // *Consciousness: New Philosophical Perspectives* / Ed. by Q. Smith, A. Jokic. New York: Oxford University Press, 2003. P. 220–272.
- Duncan 2016 – *Duncan M.* What It's Like to Have a Cognitive Home // *European Journal of Philosophy*. 2016. Vol. 26. № 1. P. 66–81.
- Evans 1982 – *Evans G.* The Varieties of Reference. Oxford: Oxford University Press, 1982.
- Moran 2001 – *Moran R.* Authority and Estrangement: An Essay on Self-Knowledge. Princeton: Princeton University Press, 2001.
- Neta, Rohrbaugh 2004 – *Neta R., Rohrbaugh G.* Luminosity and the Safety of Knowledge // *Pacific Philosophical Quarterly*. 2004. Vol. 85. P. 396–406.
- Ryle 2009 – *Ryle G.* The Concept of Mind. Oxford: Routledge Press. 2009.
- Shoemaker 1996 – *Shoemaker S.* The First-Person Perspective and Other Essays. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Srinivasan 2015 – *Srinivasan A.* Are We Luminous? // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2015. Vol. 90. № 2. P. 294–319.
- Vogel 2010 – *Vogel J.* Luminosity and Indiscriminability // *Philosophical Perspectives*. 2010. Vol. 24. P. 547–557.
- Williamson 2000 – *Williamson T.* Knowledge and Its Limits. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Wong 2008 – *Wong W.-H.* What Williamson's Anti-Luminosity Argument Really Is? // *Pacific Philosophical Quarterly*. 2008. Vol. 89. P. 536–543.

References

- Alston, W. (1971), "Varieties of Privileged Access", *American Philosophical Quarterly*, vol. 8, no. 3, pp. 223–241.
- Bar-On, D. (2004), *Speaking My Mind. Expression and Self-knowledge*, Oxford University Press, New York, USA.
- Barz, W. (2017), "Luminosity Guaranteed", *Pacific Philosophical Quarterly*, vol. 98, pp. 1–17.
- Berker, S. (2008), "Luminosity Regained", *Philosophers' Imprint*, vol. 8, no. 2, pp. 1–22.
- Boyle, M. (2009), "Two Kinds of Self-knowledge", *Philosophy and Phenomenological Research*, vol. 78, no. 1, pp. 133–164.

- Brueckner, A. and Fiocco, M.O. (2002), “Williamson’s Anti-Luminosity Argument”, *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*, vol. 110, no. 3, pp. 285–293.
- Chalmers, D. (2003), “The Content and Epistemology of Phenomenal Belief”, Smith, Q. and Jolic, A. (eds.), *Consciousness: New Philosophical Perspectives*, Oxford University Press, New York, USA, pp. 220–272.
- Duncan, M. (2016), “What It’s Like to Have a Cognitive Home”, *European Journal of Philosophy*, vol. 26, no. 1, pp. 66–81.
- Evans, G. (1982), *The Varieties of Reference*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Moran, R. (2001), *Authority and Estrangement: An Essay on Self-Knowledge*, Princeton University Press, Princeton, USA.
- Neta, R. and Rohrbaugh, G. (2004), “Luminosity and the Safety of Knowledge”, *Pacific Philosophical Quarterly*, vol. 85, pp. 396–406.
- Ryle, G. (2009), *The Concept of Mind*, Routledge Press, Oxford, UK.
- Shoemaker, S. (1996), *The First-Person Perspective and Other Essays*, Cambridge University Press, Cambridge, USA.
- Srinivasan, A. (2015), “Are We Luminous?”, *Philosophy and Phenomenological Research*, vol. 90, no. 2, pp. 294–319.
- Vogel, J. (2010), “Luminosity and Indiscriminability”, *Philosophical Perspectives*, vol. 24, pp. 547–57.
- Williamson, T. (2000), *Knowledge and Its Limits*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Wong, W.-H. (2008), “What Williamson’s Anti-Luminosity Argument Really Is?”, *Pacific Philosophical Quarterly*, vol. 89, pp. 536–543.

Информация об авторе

Ольга А. Козырева, кандидат философских наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19;

Уральский государственный медицинский университет, Екатеринбург, Россия; 620028, Россия, Екатеринбург, ул. Репина, д. 3; olgakozyreva@mail.ru

Information about the author

Olga A. Kozyreva, Cand. of Sci. (Philosophy), Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia; bld. 19, Mira Street, Ekaterinburg, Russia, 620002;

Ural State Medical University, Ekaterinburg, Russia; bld. 3, Repina Street, Ekaterinburg, Russia, 620028; olgakozyreva@mail.ru

Социология: теоретические и эмпирические исследования

УДК 316.334.56

DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-73-83

Социально-экономические особенности развития моногородов России

Елена Н. Пятшева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, elena.pyatsheva@hotmail.com*

Аннотация. Среди многообразия городов как специфического социального явления особое место занимают моногорода, история их возникновения, функционирование их градообразующих и градообслуживающих отраслей, организация социальной и культурной жизни населения. Причины их возникновения на территории России разные. Первостепенно они проявляются в уникальности географо-экономических особенностей, в том числе природных богатств, многообразия целей и задач развития национальной экономики и специфики территорий, нередко без учета социальной структуры и особенностей населения этих территорий. Развитие многих моногородов в современной России претерпевает серьезные трудности, значительная их часть практически прекратила свое существование или находится в состоянии деградации. Другая часть имеет некоторые резервы для своего частичного функционирования или план по перестройке хозяйственного организма. Третья часть после кризисных 1990-х гг. постепенно нашла новую нишу в изменившихся экономических условиях. Но перед всеми моногородами помимо производственных, технических и технологических проблем остро стоит социальная проблема дальнейшего существования, развития и даже выживания, что прямо влияет на жизненный мир населения этих городов, благополучие, качество и уровень жизни, их будущее.

Ключевые слова: города, моногорода, социально-экономическое благополучие, монофункциональность

Для цитирования: Пятшева Е.Н. Социально-экономические особенности развития моногородов России // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 3. С. 73–83. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-73-83

© Пятшева Е.Н., 2021

Socio-economic features of the development of single-industry towns in Russia

Elena N. Pyatsheva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
elena.pyatsheva@hotmail.com*

Abstract. Among the diversity of cities as a specific social phenomenon, a special place is occupied by single-industry towns, the history of their origin, the functioning of their city-forming and city-servicing industries, the organization of social and cultural life of the population. The reasons for their occurrence in Russia are different. They are primarily manifested in the uniqueness of geographical and economic features, including natural resources, the variety of goals and objectives of the development of the national economy and the specifics of the territories, and often without considering the social structure and characteristics of the population of these territories. However, the development of many single-industry towns in the new Russia is undergoing serious difficulties, a significant part of them has practically ceased to exist or is in a state of degradation. The other part has some reserves for its partial functioning or a plan to rebuild its economic organism. After the crisis of the 1990s, the third part gradually retained and acquired a new niche in the changed economic conditions. But in addition to purely industrial, technical and technological problems, all single-industry towns face an acute social problem of further existence, development, and even survival, which directly affects the life of the population of these cities, well-being, quality and standard of living, and their future.

Keywords: cities, single-industry towns, socio-economic well-being, multifunctionality

For citation: Pyatsheva, E.N. (2021), "Socio-economic features of the development of single-industry towns in Russia", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 73–83, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-73-83

Индустриальное развитие России, особенно в советский период, способствовало развитию специфического вида городов – моногородов, которые отражают дифференциацию экономического развития государства с учетом спланированных акций по решению актуальных проблем в научной и производственной сферах, в том числе военно-промышленного комплекса. Создаваясь под проект, как правило, искусственным путем, они выполняли единственную функцию – развитие производства, углубляя тем самым свою

монофункциональность. Поэтому любые риски по реализации единственной (базовой) функции влекут негативные последствия для населения моногородов.

Деление городов на многофункциональные и монофункциональные происходит на основе выполняемых функций, где крупные (большие) города всегда имеют более выгодное положение перед малыми, реализуя одновременно несколько функций – административно-политическую, градостроительную, градообслуживающую, промышленную, производственно-экономическую, социальную, культурно-просветительскую, хозяйственную, научно-образовательную и т. д. В зависимости от климатических и географических условий, от территориального расположения города могут быть военными, торговыми, транспортными, промышленными, лечебно-оздоровительными, реабилитационными, развлекательными центрами.

К монофункциональным городам можно отнести военные, фабрично-заводские, шахтерские города, наукограды, где сделан акцент на близость полезных ископаемых и природно-географическое расположение, климатические условия, тем самым ограничивая основные функции города, поэтому они впоследствии получили название – моногорода. Это и подчеркивает основное различие в определении между городом и моногородом, так как в моногороде всегда выделена только одна основная функция (монофункциональность) – экономическая составляющая, доминирующая над социальной и другими базовыми функциями, подчеркивающая зависимость населения моногорода от функционирования градообразующего предприятия.

Существуют различные подходы к определению моногорода. В рамках социологического моногород можно рассматривать как моноцентричный город по отношению к преобладающей сфере занятости, деятельности трудоспособного населения [Манаева 2011, с. 140–143]. Монопрофильный город – моногород, в котором существует высокая зависимость благополучия и уровня жизни горожан от стабильного функционирования градообразующего предприятия [Гуреева 2011, с. 37].

В рамках экономического подхода, учитывая внешние риски экономической среды, в моногороде прослеживается высокая зависимость устойчивого развития экономики моногорода от градообразующего предприятия¹. Моногороду присущи моноцентричный тип экономики, единство города и градообразующего предприя-

¹ Экспертный институт социальных исследований (ЭИСИ) [Электронный ресурс]. URL: <https://eistr.ru/> (дата обращения 12 октября 2021).

тия, обусловленное выполнением общественно значимой роли по решению производственных задач и по обеспечению полноценной жизни его жителей.

Стоит подчеркнуть особо значимую роль градообразующего предприятия, функционирование которого оказывает прямое и косвенное воздействие на различные направления жизни горожан: демографию, социально-административную политику местных властей, экономику, миграцию, систему образования, медицины, социальные услуги, культуру и досуг, квалифицированность трудовых ресурсов, где именно градообразующее предприятие обеспечивает приемлемые условия жизнедеятельности в моногороде. На городской социум, уровень жизни и благополучие населения моногорода, социальную ответственность оказывает влияние именно экономическая составляющая градообразующего предприятия. Градообразующее предприятие принимает непосредственное участие в содержании инженерной и социальной инфраструктуры, строительстве, модернизации, ремонте, реализует социальные программы помощи малообеспеченным слоям населения, создает различные стимулы для развития малого бизнеса и предпринимательства, являясь при этом основным источником пополнения бюджета моногорода и обеспечивая взаимосвязь стратегии развития моногорода, региона, страны от функционирования градообразующих предприятий. Именно на градообразующем предприятии лежит ответственность за повышение или снижение внешнего отрицательного воздействия на социально-экономическую сферу моногорода.

Моногород также влияет на функционирование градообразующего предприятия: так, от состояния экономики моногорода зависит возможность привлечения внешних ресурсов, эффективность деятельности предприятия, развитие инженерной, социально-экономической инфраструктуры, политика городских, региональных и федеральных властей, инвестиционная привлекательность и имидж территории. Городская культура, сложившаяся в моногороде, откладывает свой особенный непосредственный отпечаток на организационную культуру градообразующего предприятия. Основными условиями эффективного взаимодействия моногорода и градообразующего предприятия сегодня являются согласование и взаимодействие интересов, рост уровня социально-экономического развития.

Градообразующее предприятие – организация, где занято не менее 25% трудоспособного населения города, на балансе которой состоят объекты социально-культурной сферы и инженерной инфраструктуры, ЖКХ, формирующая доходы муниципального бюджета не менее чем на 20% [Ряховская 2014]. Согласно российскому законодательству, предприятие признается градообразующим,

если на нем задействовано от 30% трудоспособного населения моногорода; объекты социально-коммунальной сферы, ЖКХ и инженерной инфраструктуры, имеющиеся на баланс предприятия, должны обслуживать не менее 30% населения². Единая социальная и хозяйственно-экономическая система образуется совместно моногородом и градообразующим предприятием, представляя целостное ядро, где все элементы системы являются взаимодействующими и взаимозависимыми, поэтому разрыв этих связей в системе влечет изменения в целостности ядра.

В моногородах сегодня сосредоточено порядка 400 градообразующих предприятий, часть которых относится к холдинговым гигантам – «Северсталь», «Норильский никель», «СУЭК», «Мечел», «ЛУКОЙЛ», «Сургутнефтегаз», «Якутуголь», российская промышленная группа «Базовый элемент», государственным корпорациям – «Ростех», «Росатом», «РЖД», «Газпром», «НПК «Уралвагонзавод» и др. В моногородах локализовано около 70% производственных мощностей России. Развитие и функционирование моногородов как социальной структуры сегодня для государства является комплексной проблемой, так как от их существования зависят не только экономические показатели той или иной отрасли, но и судьбы миллионов людей как в настоящее время, так и в будущем. В моногородах сегодня проживает около десятой части населения России. Они являются важнейшим структурным элементом общегосударственной и региональной экономики, устойчивое развитие которой невозможно без обеспечения их эффективного функционирования. Монопрофильность – это высокая степень зависимости от одной из отраслей промышленного производства или целей научно-технической деятельности, эффективность функционирования которых влияет на занятость и дальнейшее благополучие населения. Поэтому развитие моногородов тесно связано с текущей конъюнктурой в современной российской экономике. Эта зависимость одновременно увеличивает риски получения гарантированного дохода города и его жителей, поскольку формируется прямая связь между положением дел на производстве и благополучием населения.

В России выделено три типа моногородов в зависимости от их социально-экономического развития: стабильные или динамично развивающиеся (70), с рисками ухудшения (155) и проблемные (94).

² О порядке отнесения предприятий к градообразующим и особенностях продажи предприятий-должников, являющихся градообразующими: Постановление Правительства РФ № 1001 от 29 августа 1994 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 11 октября 2021).

Социально-экономическое развитие моногородов необходимо рассматривать как особый тип социальных и экономических изменений, которые увеличивают способность социальной общности к функционированию в динамичном окружении. Это позволяет проводить полный комплексный анализ моногородов, а не только анализ их социального развития, являющегося более узким понятием и охватывающим только вопросы трансформации общественных отношений к более новому состоянию в обществе через взаимодействие социально-экономических и социально-культурных процессов.

Величина моногорода и его численность влияют на покупательную способность населения, определяют уровень жизни, спрос и предложения на товары и услуги, развитие малого бизнеса в отраслях, не связанных с деятельностью градообразующих предприятий. Чем крупнее моногород, тем легче ему выживать в пределах агломерации несмотря на высокую монопрофильность. Поэтому главным ресурсом моногородов было и остается население, а потом уже потенциал и активы градообразующих предприятий.

При создании моногородов учитывался эффект масштаба только для производства, так как целью создания моногородов являлось решение одной задачи и население привлекалось искусственно под проект, что позволяло в период плановой экономики активно развивать слабо освоенные территории России. При возникновении рисков для базовой функции, ради которой создавался моногород, ему становится сложно выживать, особенно негативно это влияет на демографическую ситуацию и мобильность трудовых ресурсов [Зубаревич 2015, с. 23–24].

К 2020 г. число моногородов и численность населения в них за последние 30 лет значительно сократились, в 1990 г. общее количество моногородов составляло 1800, включая поселки городского типа с населением порядка 36 млн человек, а в 2020 г. – 319 моногородов с населением около 13 млн человек. Снижение численности населения за тридцатилетний период имеет негативное отражение на естественном и миграционном приросте в моногородах.

Не только для моногородов, но и для России в целом за счет низкого уровня рождаемости характерно старение «снизу», в отличие от развитых стран, где происходит увеличение продолжительности жизни пожилых людей – старение «сверху». Основная особенность – численное возрастание категорий социально незащищенного населения (пенсионеров, инвалидов, многодетных семей, безработных) [Трифоновна 2016, с. 214].

Исторические и политические преобразования в России, особенно в период последнего десятилетия XX в., сопровождае-

мые кризисными явлениями, негативно повлияли на социально-экономическое состояние страны и привели к низкому уровню рождаемости в 90-х гг. XX в. и низким показателям занятого трудоспособного населения сейчас. Это сопровождается большим выходом на пенсию населения, рожденного в 60-х гг. XX в., тем самым обострив проблему роста демографической нагрузки на трудоспособное население.

В наиболее неблагоприятной ситуации в условиях кризисных явлений и низкой инвестиционной привлекательности предприятий оказались трудовые ресурсы именно таких градообразующих предприятий, обеспечивающих занятость подавляющей части трудоспособного населения моногорода, отчасти в ущерб результатам финансово-хозяйственной деятельности предприятия, оказывающих значительное влияние на формирование городского бюджета и полностью или частично содержащих социальную инфраструктуру. Эти черты монополии проявляются особенно остро в режимных моногородах – ЗАТО (закрытых административно-территориальных образованиях).

На территории России в 2019 г. в 319 моногородах функционировали 227 градообразующих предприятий, имеющих неравнозначное финансово-экономическое положение, из них: 132 имеют стабильное положение; 55 имеют риски ухудшения; 40 – признаны кризисными³.

За период 2016–2019 гг. численность трудоспособного населения в моногородах сократилась на 353,6 тыс. человек (7329,7 тыс. человек в 2019 г. против 7683,3 человек в 2016 г.). Отток составляют работники градообразующих предприятий (квалифицированные кадры), за период 2018–2019 гг. сокращение среднесписочной численности работников на градообразующих предприятиях составило почти 5 тыс. человек (на 1 января 2019 г. численность составила 897 тыс. человек)⁴.

³ О государственной поддержке организаций, реализующих корпоративные программы повышения конкурентоспособности, и внесении изменения в Правила предоставления из федерального бюджета субсидии в виде имущественного взноса РФ в государственную корпорацию «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» на возмещение части затрат, связанных с поддержкой производства высокотехнологичной продукции: Письмо Минпромторга России от 19 февраля 2019 г. // СЗ РФ. 2019. № 10291/02.

⁴ Письма Минтруда России от 17 июля 2018 г. № 16-2/10/П-4839, от 15 февраля 2019 г. № 16-2/10/П-1228 [Электронный ресурс]. URL: <https://mintrud.gov.ru/> (дата обращения 18 сентября 2021).

Численное изменение трудовых ресурсов в моногородах за 2016–2020 гг. имеет отрицательную динамику и в среднем составляет 7,8%. При этом в целом по России темп роста трудовых ресурсов имеет также отрицательную динамику за 2016–2020 гг. и составляет 10,5%, что выше на 2,7%, чем во всех моногородах⁵. Анализ безработицы в моногородах свидетельствует, что в 2019 г. в 182 моногородах (57% от общего числа) уровень регистрируемой безработицы был на 0,9% выше среднероссийского показателя, что является положительной тенденцией. Но в 27 моногородах (8% от общего числа) данный показатель выше в 3 раза (Дагестанские огни – 8,3, Нязепетровск – 6,16, Ревда – 6%)⁶.

Благополучие и качество жизни населения находятся в прямой зависимости от уровня развития материально-вещественных элементов инфраструктуры моногорода, а степень удовлетворенности социальной инфраструктурой определяется социальным самочувствием жителей. Уровень развития социальной инфраструктуры определяется целым набором факторов, среди которых территориально-географическое расположение моногорода и степень его удаленности от мегаполисов и агломераций.

Социальный статус, благополучие и уровень жизни населения определяются уровнем доходов населения моногорода: величина прожиточного минимума, среднемесячные номинальные доходы населения, заработная плата, пенсии и возможностью осуществлять расходы, удовлетворяя свои потребности. Узкая сфера приложения труда в моногородах (монопсонистический рынок труда) определяет особенности занятости населения и уровень материального благополучия.

Положительная динамика роста прожиточного минимума за 2016–2020 гг. наблюдается во всех моногородах, при этом в моногородах сложного типа темп роста этого показателя был выше, чем в других, так как стояла задача их выхода на общий уровень за счет включения моногородов в ТОП, например, Верхний Уфалей, Ефремов, Краснокаменск, Пикалево, Череповец, Южа, Юрга и др.⁷

⁵ Трудовые ресурсы. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: rosstat.gov.ru (дата обращения 10 сентября 2021).

⁶ Федеральная служба по труду и занятости. РОСТРУД [Электронный ресурс]. URL: www.rostrud.ru (дата обращения 2 октября 2021).

⁷ О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ (послед. ред. 11.06.2021) [Электронный ресурс]. URL: [www.http://www.kremlin.ru/acts/bank/39279](http://www.kremlin.ru/acts/bank/39279) (дата обращения 12 сентября 2021).

Всего в стране за 2014–2021 гг. было создано 89 территорий опережающего развития (ТОР)⁸. В других моногородах – стабильных и имеющих риски ухудшения, прожиточный минимум выше, чем в целом по России, за счет региональных коэффициентов, связанных с особенностями развития территорий.

Показатель динамики номинальных среднемесячных доходов населения за 2016–2020 гг. позволяет выявить некоторые структурные отличия для трех типов моногородов: в моногородах со сложным положением темп роста составляет 20–50%, в моногородах с рисками ухудшения – 30–75%, а в стабильно развивающихся – 60–80%. При этом номинальные среднемесячные доходы по России в целом выше на 10–15%, чем в моногородах⁹.

Во всех моногородах прослеживается положительная динамика заработной платы в среднем в 1,5 раза (средний темп роста 50%) на крупных и средних (градообразующих) предприятиях за 2016–2020 гг.¹⁰ В моногородах со сложным положением в 2019 г. наблюдается самый низкий уровень заработной платы – 50 тыс. руб. (Пикалево и Череповец), в моногородах с рисками ухудшения – около 60 тыс. руб. (Нерюнгри и Чебаркуль), в динамично развивающихся моногородах – высокий в Норильске (110 тыс. руб.) и низкий в Нижнем Тагиле (50 тыс. руб.)¹¹.

Положительная динамика роста среднего размера назначенных пенсий за 2016–2020 гг. наблюдается как в моногородах, так и в целом по России (16,4 тыс. руб.). В зависимости от регионального коэффициента средний размер пенсий в моногородах выше среднего российского показателя на 8–15%¹².

⁸ Территория опережающего развития. Министерство экономического развития [Электронный ресурс]. URL: [www.https://www.economy.gov.ru/](http://www.economy.gov.ru/) (дата обращения 10 октября 2021).

⁹ Среднедушевые денежные доходы по субъектам РФ. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: [https://www.gks.ru/](http://www.gks.ru/) (дата обращения 30 сентября 2021).

¹⁰ Уровень заработной платы на крупных и средних предприятиях в моногородах и в целом по России. За 2016–2020 гг. Росстат [Электронный ресурс]. URL: [https://rosstat.gov.ru/](http://rosstat.gov.ru/) (дата обращения 14 сентября 2021).

¹¹ Отчеты о социально-экономическом развитии за 2008–2019 гг. моногородов: Норильск [Электронный ресурс]. URL: [https://norilsk-city.ru/](http://norilsk-city.ru/); Нерюнгри. URL: <http://www.neruadmin.ru/>; Нижний Тагил. URL: ntagil.org; Пикалево. URL <http://pikadmin.ru/>; Чебаркуль. URL: chebarcul.ru; Череповец. URL: cherinfo.ru (дата обращения 28 февраля 2021).

¹² Средний размер назначенных пенсий. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: [https://rosstat.gov.ru/](http://rosstat.gov.ru/) (дата обращения 12 октября 2021).

Вывод. На основе данного исследования становится очевидным, что дальнейшее социально-экономическое развитие моногородов, благополучие населения, качество и уровень жизни, уверенность в завтрашнем дне напрямую зависят от стабильного и эффективно функционирующего градообразующих предприятий, которое в динамично развивающихся моногородах выше, чем в других типах моногородов.

Литература

- Манаева 2011 – Манаева И.В. Моногорода: вопросы терминологии // Современные проблемы социально-экономического развития России: Сб. материалов науч.-практ. конф. Т. 2 / Под ред. Е.Н. Камышанченко, С.Н. Растворцевой. Белгород: Изд-во БелГУ, 2011. С. 140–143.
- Гуреева 2011 – Гуреева М.А. Экономические проблемы моногородов в условиях мирового финансового кризиса // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество». 2011. № 2. С. 37–45.
- Ряховская 2014 – Ряховская А.Н. Роль государственных программ в развитии моногородов. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. 268 с.
- Зубаревич 2015 – Зубаревич Н.В. Страна городов: теория и практика российской урбанизации // Стимулы. Парадоксы. Провалы. Город глазами экономистов / Отв. ред. В. Аузан. М.: Strelka Press, 2015. С. 23–25.
- Трифонова 2016 – Трифонова З.А. Региональные различия в уровне демографического старения России // Наука. Инновации. Технологии. 2016. № 3. С. 212–224.

References

- Gureeva, M.A. (2011), “Economic issues of single-industry towns in the context of the global financial crisis”, *Vestnik of Russian New University. “Man and Society” Series*, no. 2, pp. 37–45.
- Manaeva, I.V. (2011), “Monotowns. Questions of terminology”, Kamyshanchenko, E.N., Soltutseva, S.N. (eds.), *Sovremennyye problemy sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii* [Modern issues of socio-economic development of Russia, Proceedings of scientific and practical conference, vol. 2], Izd-vo BelGU, Belgorod, Russia, pp. 140–143.
- Ryakhovskaya, A.N. (2014), *Rol’ gosudarstvennykh programm v razvitiy monogorodov* [The role of state programs in the development of single-industry towns], Magistr, INFRA-M, Moscow, Russia.
- Trifonova, Z.A. (2016), “Regional differences in the level of demographic aging in Russia”, *Science. Innovations. Technologies*, no. 3, pp. 212–224.

Zubarevich, N.V. (2015), “The Country of Cities. Theory and practice of Russian Urbanization”, Auzan, V. (ed.), *Stimuly. Paradoksy. Provaly. Gorod glazami ekonomistov* [Incentives. Paradoxes. Failures. The city through the eyes of economists], Strelka Press, Moscow, Russia, pp. 23–25.

Информация об авторе

Елена Н. Пятшева, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; elena.pyatsheva@hotmail.com

Information about the author

Elena N. Pyatsheva, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; elena.pyatsheva@hotmail.com

УДК 316.334.3:324

DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-84-98

Медиаактивность новых политических партий
в преддверии выборов
в Государственную Думу VIII созыва:
социологический анализ

Наталия М. Великая

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия,*

*Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия, natalivelikaya@gmail.com*

Алексей Ю. Малинин

*Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия, malinin.alexey.yu@gmail.com*

Аннотация. В сентябре 2021 г. пройдут выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ, в которых принимает участие ряд новых политических партий, а также партии, которые за счет определенного ребрендинга можно обозначить как «обновленные». С начала 2020 г. эти партии начали заниматься продвижением в рамках предвыборной кампании в различные региональные законодательные органы государственной власти. Благодаря тому, что практически все исследуемые новые партийные проекты ранее смогли получить места в ряде законодательных собраний, они получили возможность избираться в Государственную Думу без сбора подписей. Учитывая, что до единого дня голосования осталось меньше месяца, авторы анализируют деятельность партий в части продвижения в традиционных и онлайн-медиа с целью оценить общий уровень активности ведения избирательной кампании и проследить его связь с перспективами прохождения новых политических партий в российский парламент. Авторы классифицируют исследуемые партии по их типу организации, идеологической направленности и определяют промежуточные итоги их деятельности в рамках предвыборной кампании.

Ключевые слова: политические партии, выборы, предвыборная активность, электоральный рейтинг

Для цитирования: Великая Н.М., Малинин А.Ю. Медиаактивность новых политических партий в преддверии выборов в Государственную Думу VIII созыва: социологический анализ // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 3. С. 84–98. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-84-98

© Великая Н.М., Малинин А.Ю., 2021

Media activity of new political parties on the eve of elections to the State Duma of the VIII convocation. Sociological analysis

Nataliya M. Velikaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Institute of Socio-Political Research of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, natalivelikaya@gmail.com*

Aleksei Yu. Malinin

*Institute of Socio-Political Research of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, malinin.alexey.yu@gmail.com*

Abstract. In September 2021 elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation will be held, where a number of new political parties take part, as well as parties that, due to a certain rebranding, can be designated as “renewed”. From the beginning of 2020, those parties began to engage in their promotion within the framework of the election campaign in various regional legislative bodies of state power. Due to the fact that almost all the new party projects under study had previously got seats in a number of legislative assemblies, they could be elected to the State Duma without collecting signatures.

Considering that less than a month is left until the single election day, the authors decided to analyze the activities of those parties in terms of promotion in traditional and online media in order to assess the overall level of activity in the election campaign and trace its connection with the prospects for new political parties to enter the Russian Parliament. The authors also classify the parties under study by their type of organization, ideological orientation and determine the intermediate results of their activities within the framework of the election campaign.

Keywords: political parties, elections, pre-election activity, electoral rating

For citation: Velikaya, N.M., Malinin, A.Yu. (2021), “Media activity of new political parties on the eve of elections to the State Duma of the VIII convocation. Sociological analysis”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 84–98, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-84-98

Введение

Отечественная партийно-политическая система характеризуется многими исследователями как система с низкой конкурентностью и ограниченной ролью партий [Макаренко, Локшин 2015,

с. 85–109]. Концепция доминирующей партии, популярная на всех уровнях власти, вступает в противоречие с общественным запросом на эффективную власть, находящуюся под контролем гражданского общества, в том числе партий, выражающих интересы разных групп населения. Представляется актуальным изучить опыт вхождения в политическое пространство новых политических партий, претендующих на распределение мандатов на региональном и федеральном уровне в рамках последнего электорального цикла.

Основной целью статьи является рассмотрение особенностей медиаприсутствия новых политических партий в период избирательной кампании по выборам в депутаты Государственной Думы ФС РФ VIII созыва в 2021 г. Рассматривая деятельность новых партий, мы предполагаем сравнить ее с электоральными медийными стратегиями партий существующих, но прошедших условную процедуру обновления кадров. Из новых партийных проектов мы включим в анализ партии «Новые люди» и «Зеленая альтернатива», из старых – партию «Справедливая Россия – За Правду» (ранее – Справедливая Россия) и Российскую партию свободы и справедливости (ранее – Коммунистическая партия социальной справедливости).

Российские партии в современном электоральном процессе

Несмотря на внушительный список организаций, присутствующих в избирательных бюллетенях последних электоральных циклов, победителями выборов, формирующими фракции в федеральном парламенте, становились только четыре политические партии – «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и Справедливая Россия, которые, по мнению специалистов, не вполне отвечают электоральному запросу российского общества, демонстрирующего очень низкий уровень поддержки законодательной ветви власти¹. По сравнению с другими властными институтами, уровень поддержки парламента варьируется в последние годы от 13 до 20% [Левашов, Великая, Шушпанова 2021, с. 16]. Низкий уровень доверия как к законодательной ветви власти, так и к политическим партиям дает основания предположить, что политическая система некогерентна общественному запросу [Великая 2019].

¹ Партии – участницы выборов в Госдуму РФ. Что мы о них знаем // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/12104083> (дата обращения 16 августа 2021).

По данным последних волн мониторинга «Как живешь, Россия?», от 44 до 46% опрошенных не поддерживают ни одну из ныне зарегистрированных партий, не видя в них организации, защищающие их интересы. Для власти, которая нуждается в публичной легитимности своей деятельности, это актуализирует задачу трансформации партийной-политической системы, что объясняет тот факт, почему перед каждыми выборами в России возрастает запрос на появление новых партий, новых лиц в политической среде и кадрового обновления ряда органов государственной власти [Колесников, Макаренко 2021]. В 2020 г. в политическом пространстве появились четыре новые партии, которые активно проявили себя на выборах в региональные парламенты. Речь идет о партиях «Новые люди», «За правду»², Зеленая альтернатива (ЗА), Партия прямой демократии (ППД), появление которых некоторые политтехнологи связывали с желанием власти повысить интерес населения к предстоящим выборам в ГД VIII созыва, обеспечить явку, разнообразить политический ландшафт партиями с новой направленностью [Артемьев 2020].

Информация о создании партии «Новые люди» была озвучена в СМИ в январе, а через год партия уже имела отделения в 60 областях и в конце марта получила официальные документы о регистрации от Минюста России³. Председателем партии «Новые люди» является основатель и президент научно-производственной компании Faberlic А. Нечаев. Летом 2020 г. от партии было выдвинуто около 400 кандидатов в 12 регионах страны. По итогам региональных выборов партия прошла в четыре региональных законодательных органа по партийным спискам (Новосибирская обл. – 7,0%, Калужская обл. – 8,08%, Рязанская обл. – 5,7% и 7,5% – в Костромской обл.), получив льготу на участие в выборах в Государственную думу 2021 г. без сбора подписей⁴. За пару месяцев до выборов узнаваемость партии значительно увеличивалась в этих четырех регионах.

Председателем экологической политической партии «Зеленая альтернатива» является Р. Хвостов, экоактивист, член Обществен-

² 28 января 2021 г. состоялось подписание соглашения о межпартийном объединении партий «За правду», «Справедливой России», «Патриотов России» и создании партии «Справедливая Россия – За Правду».

³ В России создана новая политическая партия «Новые люди» // ИА Красная Весна [Электронный ресурс]. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/a7c81137> (дата обращения 15 августа 2021).

⁴ Конечно, будем участвовать в выборах в Госдуму // Газета.ru [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/09/14_a_13250995.shtml (дата обращения 15 августа 2021).

ной палаты Московской области. В мае 2020 г. насчитывалось 48 зарегистрированных отделений партии, летом 2020 г. партия выдвигалась в двух регионах. Основной упор был сделан на уральскую кампанию, так как партия затрагивает популярную в регионе экологическую проблематику⁵. На сентябрьских выборах 2020 г. «Зеленая альтернатива» преодолела избирательный барьер в Законодательное собрание Челябинской области, набрав 5,36% и получив один депутатский мандат. На выборах в Государственный совет Республики Коми партия также получила один мандат с 10% голосов избирателей. В итоге ЗА обеспечила себе парламентскую квоту на участие в выборах в Государственную думу ФС РФ (2021) без сбора подписей⁶.

О создании Партии прямой демократии (ППД) стало известно в январе 2020 г., Минюст зарегистрировал ее в апреле. Лидером партии стал один из создателей онлайн-игры World of Tanks В. Макаров, но осенью 2020 г. партия сменила лидера. Новым лидером стал гендиректор Unwired Devices О. Артамонов. Партия прямой демократии имеет отделения в 48 регионах страны. В некоторых публикациях данная партия упоминается как «партия танчиков»⁷.

Летом 2020 г. ППД выдвигалась в четырех регионах и регистрировалась в трех – в Воронежской, Калужской и Рязанской областях, получив отказ в Новосибирской области. Партия не планирует участвовать в выборах в Государственную Думу 2021 г., так как ей не удалось преодолеть процентный барьер на региональных выборах 2020 г., но будет выдвигаться на местных выборах⁸.

⁵ Партии средней дальности // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4451088> (дата обращения 15 августа 2021).

⁶ Коми // ИЗБИРКОМ [Электронный ресурс]. URL: http://www.komi.vybory.izbirkom.ru/region/region/komi?action=show&root=1&tvd=21120001136921&vrn=21120001136916®ion=11&global=&sub_region=11&prver=2&pronetvd=1&vibid=21120001136921&type=425 (дата обращения 15 августа 2021).

⁷ Партии средней дальности // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4451088> (дата обращения 15 августа 2021).

⁸ Партия прямой демократии не планирует идти на выборы в Госдуму // RG.RU [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/01/06/partiia-priamoj-demokratii-ne-planiruet-idti-na-vybory-v-gosdumu.html> (дата обращения 15 августа 2021).

Особенности присутствия новых партий в социальных сетях

Авторский мониторинг медиаактивности четырех выбранных партий включил в себя анализ присутствия политических партий 5 июля 2021 г. в следующих социальных сетях: Вконтакте, Facebook, Instagram, Telegram и Одноклассники. Для мониторинга были выбраны следующие данные: дата, основная платформа, тематика постов, количество лайков, количество комментариев, суммарное число просмотров постов на тему, территориальная принадлежность поста. Поскольку многие федеральные аккаунты нередко копируют новости из региональных источников, в таких случаях основные показатели при мониторинге суммировались.

Результаты мониторинга показали, что лидером по активности в социальных сетях является партия «Новые люди». В среднем партия публикует пять постов по различным тематикам каждый день. Наиболее часто появляются публикации в социальных сетях Instagram и Вконтакте, реже – в Одноклассниках, что свидетельствует о ее фокусе на более молодую аудиторию. «Новые люди» в своих социальных сетях занимаются продвижением мероприятий, устраивают регулярные вебинары и лекции на тему финансовой грамотности, выкладывают видео с разъяснениями основных идей программы партии. Главные кандидаты регулярно дают интервью и посещают передачи, которые постоянно публикуются в социальных сетях партии.

При анализе количественных показателей медиаактивности партии в социальных сетях был выявлен большой разброс значений, что осложняет калькуляцию среднего охвата публикаций, отражающих реальную медиаэффективность «Новых людей». Число просмотров публикаций в социальных сетях Instagram и Вконтакте варьируется от 25 человек до 20 тыс. Среднее количество лайков составляет от 10 до 15% от числа просмотров, среднее количество комментариев – от 1 до 5%. Подобные цифры позволяют сделать вывод о том, что на социальные сети партии в значительной степени подписаны реальные пользователи, следовательно, агитация партии через медиа имеет бóльшую эффективность.

Медиаактивность партии «Справедливая Россия – За Правду» в социальных сетях можно охарактеризовать как несистемную: периодически публикации могут отсутствовать на протяжении 1–2 дней, в другие дни может быть размещено около 10 постов сразу. Количественное присутствие во всех социальных сетях, кроме Instagram, примерно одинаково, количество постов в Одноклассниках и Вконтакте немного выше. В отличие от «Новых людей»,

которые придают большое значение Instagram, «Справедливая Россия – За Правду» выкладывает здесь меньше всего публикаций. Так как базовый электорат партии составляют люди более старших возрастных групп, можно предположить, что в электоральной стратегии упор делается именно на них.

Среднее количество просмотров у публикаций во всех социальных сетях, кроме Instagram, составляет приблизительно 2–2,5 тыс., количество лайков и комментариев составляет 5–10% и 1–3% соответственно. Данные показатели мало отличаются от показателей партии «Новые люди», что также указывает на большое количество реальных подписчиков в социальных сетях партии.

Основная часть публикаций освещает мероприятия “Public talk” – дискуссии на разные темы, в рамках которых С. Миронов, Г. Семигин, З. Прилепин и другие функционеры партии публично отвечают на вопросы по той или иной тематике, программу по наблюдению за выборами «Справедливый наблюдатель» и отдельные выступления С. Миронова и иных лидеров партии. Учитывая, что в мероприятиях “Public talk” практически всегда участвует С. Миронов, данная медиакартина позволяет сделать вывод о том, что партия прежде всего фокусируется на продвижении своего руководства. Однако в августе почти в два раза выросло медиаприсутствие в социальных сетях нового сопредседателя З. Прилепина, который призван консолидировать молодую аудиторию.

В отличие от партии «Новые люди», которая в организационном плане построена по принципам сетевого маркетинга и активно вовлекает в орбиту своей деятельности новых участников, «Зеленая альтернатива» больше сосредоточивается на работе в медиaprостранстве, чем на офлайн мероприятиях. В среднем посты публикуются два раза в день, главным образом – в Facebook и Вконтакте. Как и в случае со «Справедливой Россией – За Правду», в Instagram выкладывается минимальное количество постов, аккаунты в Одноклассниках и вовсе отсутствуют. Среднее количество просмотров является стабильным и составляет 300–400 просмотров. Однако значения лайков и комментариев значительно ниже, чем у двух предыдущих партий: не более 3 и 1% соответственно. Это указывает либо на большое количество фейковых пользователей, либо на крайне низкую активность целевой аудитории. Анализ содержания публикаций продемонстрировал, что их базовой тематикой являются основные экологические проблемы в России или лесные пожары в ряде субъектов РФ. Также нередко встречаются посты с прямой рекламой партии. Можно сделать вывод, что партия исповедует достаточно поверхностный подход к продвижению в социальных сетях.

«Российская партия свободы и справедливости» имеет самую слабую агитацию в социальных сетях, не рассматривая их как канал политической коммуникации. Партия не обладает централизованными федеральными и региональными аккаунтами. Большая часть найденных аккаунтов имеют 5–10 подписчиков, публикации в них отсутствуют. Очевидно, что продвижение онлайн имеет для партии крайне низкий приоритет, что является косвенным подтверждением отсутствия у партии реальных претензий на мандаты, а ее роль в избирательной кампании ограничивается спойлерскими функциями.

Новые партии в эфире федеральных телеканалов

Телевидение остается одним из основных источников информации и инструментом влияния в преддверии выборов, особенно для старших возрастных групп населения, не владеющих цифровой грамотностью. В данном случае мы опираемся на медиаисследование движения в защиту прав избирателей «Голос»⁹ (табл. 1), которые показывают, что новые партийные проекты сильно проигрывают по общему количеству упоминаний ключевым парламентским партиям, включая «Справедливую Россию – За Правду».

Таблица 1

Число упоминаний партий в сюжетах о выборах
новостных выпусков телеканалов 19.06–01.08.2021

Партии	1-я неделя	2-я неделя	3-я неделя	4-я неделя	5-я неделя	6-я неделя
Единая Россия	66	44	39	61	150	113
КПРФ	14	0	12	0	38	23
ЛДПР	8	9	7	4	19	34
Справедливая Россия	6	3	11	1	21	27

⁹ «Единой России» на федеральных телеканалах посвящено в 1,7 раза больше эфирного времени, чем остальным партиям, вместе взятым // Движение «Голос» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.golosinfo.org/articles/145383> (дата обращения 15 августа 2021).

Окончание табл. 1

Партии	1-я неделя	2-я неделя	3-я неделя	4-я неделя	5-я неделя	6-я неделя
Родина	1	0	0	0	0	14
Гражданская платформа	0	0	3	0	0	13
Яблоко	0	3	0	0	0	1
Партия пенсионеров	0	3	5	1	0	3
Новые люди	0	5	12	5	2	21
Коммунисты России	0	0	0	0	1	1
РПСС	0	0	1	0	1	5
РОС	0	0	0	0	0	0
Зеленая альтернатива	0	0	1	0	0	1
Партия Роста	0	0	2	0	0	1
РЭП «Зелёные»	0	0	0	2	1	12

Источник: Движение «Голос»

Однако несмотря на меньшее количество упоминаний, «Новые люди» не уступают СРЗП по количеству эфирного времени, выделенного на партию в сюжетах: что мы связываем с необходимостью соблюдения законодательства в части обеспечения равного доступа политических партий к СМИ¹⁰ (табл. 2).

В сумме на сюжеты, связанные с СЗРП, федеральное ТВ потратило 53,11 минуты, «Новые люди» получили 64 минуты. Лидерство «Новых людей» может иметь разные объяснения, в том числе возможные связи с администрацией президента [Мухаметшина 2020], интенсивная кампания, большое количество мероприятий и инфоповодов. «Зеленая альтернатива» и РПСС практически не создают инфоповодов, в результате как количество, так и качество их упоминаний на федеральном телевидении минимально, что негативным образом влияет на общую узнаваемость партий и на их рейтинг.

¹⁰ Суммарное эфирное время, выделенное на партии в сюжетах о выборах новостных выпусков телеканалов 19.06–08.08.2021 // Движение «Голос» [Электронный ресурс]. URL: https://st.golosinfo.org/store/upload/doc/155263/155263_3.png (дата обращения 15 августа 2021).

Таблица 2

Суммарное эфирное время, выделенное на партии,
в сюжетах о выборах новостных выпусков телеканалов
19.06–01.08.2021 (мин.)

Партии	1-я неделя	2-я неделя	3-я неделя	4-я неделя	5-я неделя	6-я неделя
Справедливая Россия	9,82	2,75	6,49	0,17	12,52	14,39
Новые люди	0	13,25	29,85	2,17	0,62	5,44
РПСС	0	0	0,25	0	0,07	1,06
Зеленая альтернатива	0	0	0,28	0	0	0,01

Источник: Движение «Голос»

Медиаактивность и электоральные рейтинги

Эффективность новых партий в сфере медиа на данном этапе кампании можно оценить с помощью электоральных рейтингов, которые регулярно измеряются ведущими социологическими агентствами. На рейтинг партии влияет совокупность факторов, но можно предположить, что корреляция между уровнем активности и рейтингом существует: чем более громко партия заявляет о себе, своей программе и целях, тем больше потенциальных избирателей она может привлечь и тем выше должен быть ее рейтинг.

Проблема оценки новых партий по этому критерию заключается в том, что в опросах они фигурируют под обобщающей формулировкой «другая партия» либо «непарламентская партия»¹¹. Исключение представляет собой исследование ФОМ «Доминанты. Поле мнений», где представлена полная раскладка по изменению рейтинга всех баллотирующихся в ГД партий за последний год¹² (табл. 3).

¹¹ Рейтинги парламентских партий // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/ratings/reiting-politicheskikh-partii> (дата обращения 16 августа 2021).

¹² Доминанты. Неделя. № 31 // ФОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d31pi2021.pdf> (дата обращения 16 августа 2021).

Таблица 3

Рейтинги партий (в % от всех опрошенных)

Варианты ответов / даты опросов	04.07.2021	11.07.2021	18.07.2021	25.07.2021	01.08.2021	08.08.2021
Единая Россия	30	31	31	29	27	29
КПРФ	11	11	12	12	11	11
ЛДПР	10	10	11	10	9	9
Справедливая Россия – За Правду	7	6	7	6	6	6
Новые люди	1	2	3	3	2	2
Российская партия пенсионеров за социальную справедливость	1	1	1	1	1	1
Яблоко	1	1	1	1	1	1
Коммунисты России	1	1	1	1	1	1
Зеленая альтернатива	0	0	0	0	0	1
Родина	0	0	0	0	1	1
Российская экологическая партия «Зеленые»	0	0	0	0	0	0
Российская партия свободы и справедливости	–	1	1	1	0	0
Партия роста	0	0	0	0	0	0
Гражданская платформа	0	0	0	0	0	0
Другая партия	6	7	8	8	7	8
Испорчу бюллетень	2	1	1	1	2	2
Не пойду на выборы	18	15	12	15	17	14
Затрудняюсь ответить	17	19	18	19	22	21

Источник: Фонд общественного мнения. Опрос «ФОМнибус» 6–8 августа, 207 населенных пунктов, 73 субъекта РФ, n = 3000 респондентов. Вопрос: «В сентябре этого года состоится выборы в Государственную думу. Если Вы примете в них участие, то как, за какую партию Вы, скорее всего, проголосуете?» (Карточка, один ответ).

За отчетный период по электоральному рейтингу лидирует «Справедливая Россия – За Правду». Но, учитывая низкие показатели в медиа и слабый уровень ведения кампании в целом, наибо-

лее вероятно, что ее преобладание над другими новыми партиями обусловлено парламентским статусом и узнаваемым брендом.

Напротив, медиаактивность партии «Новые люди» коррелирует с их избирательным рейтингом. За последний месяц партия сумела зафиксироваться на уровне 2–3% и стать безусловным лидером среди новых партийных проектов.

Рейтинги партий «Зеленая альтернатива» и «Российская партия свободы и справедливости» колеблются около нуля, что соответствует минимальной активности со стороны этих объединений в медиаполе. Если смотреть на незначительные изменения рейтинга, можно предположить, что на эту динамику повлияли упоминания партий по федеральным телеканалам в соответствующие промежутки времени, а не их собственная деятельность и продвижение.

На данный момент из вновь созданных партий только «Новые люди» в случае наращивания усилий по повышению собственной узнаваемости и интенсивности ведения кампании способны закрепить 3% рейтинг и по итогам выборов получить либо государственное финансирование, либо, при удачном раскладе, пройти в парламент. «Зеленая альтернатива» и РПСС с наибольшей вероятностью не имеют шансов преодолеть ни один из барьеров, в том числе из-за низкой узнаваемости, которой не способствует крайне пассивная позиция как в медиа, так и в других пространствах коммуникации с гражданским обществом.

Выводы

Исходя из истории развития партийных проектов и уровня электоральной активности в период избирательной кампании, можно констатировать, что партия «Новые люди» является классической партией лидерского типа с явной ориентацией на ее лидера – А. Нечаева, который одновременно является и главным финансистом избирательной кампании. Несмотря на наличие в основном активе «Новых людей» ярких личностей, таких как С. Аксентьева, партию чаще всего ассоциируют именно с кампанией “Faberlic” и ее лидером. Партия заняла второе место по размеру финансовых затрат на выборах в третьем квартале 2020 г., потратив 179 млн руб., после «Единой России» с 261 млн руб.¹³

¹³ Партия «Новые люди» стала второй по доходам после «Единой России». В ТОП-10 не попала «Справедливая Россия» // Открытые медиа [Электронный ресурс]. URL: <https://openmedia.io/news/n3/partiya-novye-lyudi-stala-vtoroj-po-doxodam-posle-edinoj-rossii-v-top-10-ne-popala-spravedlivaya-rossiya/> (дата обращения 16 августа 2021).

Партия «Справедливая Россия – За Правду», позиционирующая себя как партия системной оппозиции, в текущем электоральном цикле своих стратегий не меняет, несмотря на присоединения, казалось бы, радикального движения «За Правду», подтверждая тезис о том, что оппозиционность системных партий имеет имитационный характер с целью поддержания иллюзии наличия функциональных демократических институтов [Галлямов 2020].

Российскую партию свободы и справедливости и «Зеленую альтернативу» можно в большей степени отнести к партиям-спойлерам ввиду их наименьшей активности в рамках предвыборной кампании. Подобные политические партии создаются по инициативе и при поддержке органов государственной власти с целью раздробить голоса оппозиционно настроенных граждан между большим количеством партий, сохранив провластный электорат, что должно привести к явному лидерству партии власти по итогам выборов в парламент [Мухаметшина 2020]. Неслучайно «Зеленая альтернатива» и Российская партия свободы и справедливости имеют лишь формальные региональные отделения, чья активность является либо крайне низкой, либо отсутствует вовсе, особенно в медиапространстве.

Пока можно констатировать лишь тот факт, что ни одна из новых партий не демонстрирует новых или нестандартных подходов в области медиаактивности, используя проверенные технологии и стандартные каналы коммуникации.

Литература

- Артемьев 2020 – *Артемьев М.* Политическая установка: зачем Кремлю новые партии // News.Ru [Электронный ресурс]. URL: <https://news.ru/politics/partijnaya-ustanovka-zachem-kremlyu-novye-partii/proekti> (дата обращения 15 августа 2021).
- Великая 2019 – *Великая Н.М.* Партийная система России: институциональные рамки и общественная легитимация // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1 (15). С. 108–119.
- Галлямов 2020 – *Галлямов А.* Зачем нужна системная оппозиция [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. URL: https://echo.msk.ru/blog/gallyamov_a/2684073-echo/ (дата обращения 15 августа 2021).
- Колесников, Макаренко 2021 – *Колесников А., Макаренко Б.* Дума-2021: четыре интриги выборов [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. Официальный сайт. 31.05.2021. URL: <https://carnegie.ru/2021/05/31/ru-pub-84618> (дата обращения 15 августа 2021).

- Левашов, Великая, Шушпанова 2021 – *Левашов В.К., Великая Н.М., Шушпанова И.С. [и др.] Куда идешь, Россия? Экспресс-информация* / Отв. ред. В.К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 47 с.
- Макаренко, Локшин 2015 – *Макаренко Б.И., Локшин И.М. Современные партийные системы: сценарии эволюции и тенденции развития* // ПОЛИС. Политические исследования. 2015. № 3. С. 85–109.
- Мухаметшина 2020 – *Мухаметшина Е. Новые кремлевские партийные проекты получили право участия в выборах [Электронный ресурс]* // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/05/25/831059-kremlevskie-proekti> (дата обращения 15 августа 2021).

References

- Artem'ev, M. (2020), *Political Attitude. Why Does the Kremlin Need New Political Parties*, News.Ru, available at: <https://news.ru/politics/partijnaya-ustanovka-zachem-kremlyu-novye-partii/proekti> (Accessed 15 August 2021).
- Gallyamov, A. (2020), “Why is systemic opposition needed?”, *Ekho Moskvy* [Echo of Moscow], available at: https://echo.msk.ru/blog/gallyamov_a/2684073-echo/ (Accessed 15 August 2021).
- Kolesnikov, A. and Makarenko, B. (2021), “Duma-2021, Four Intrigues of Elections”, *Moskovskii tsentr Karnegi, ofitsial'nyi sait* [Carnegie Moscow Center, Official Site], available at: <https://carnegie.ru/2021/05/31/ru-pub-84618> (Accessed 15 August 2021).
- Levashov, V.K., Velikaya, N.M. and Shushpanova, I.S. (2021), *Kuda idesh', Rossiya? Ekspress-informatsiya* [Where are you going, Russia? Express information], Levashov, V.K. (ed.), FNISTS RAN, Moscow, Russia.
- Makarenko, B.I. and Lokshin, I.M. (2015), “Modern party systems. Evolution scenarios and development trends”, Polis. Political Studies*, no. 3. pp. 85–109.
- Muhametshina, E. (2020), “New Kremlin Party Projects Have Got the Right to Participate in Elections”, *Vedomosti*, available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/05/25/831059-kremlevskie-proekti>
- Velikaya, N. (2019), “Party system of Russia. Institutional frames and public legitimation”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 108–119.

Информация об авторах

Наталья М. Великая, доктор политических наук, профессор, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; natalivelikaya@gmail.com

Алексей Ю. Малинин, аспирант, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1; malinin.alexey.yu@gmail.com

Information about the authors

Nataliya M. Velikaya, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 6, Fotievoi Street, Moscow, Russia, 119333;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; natalivelikaya@gmail.com

Aleksei Yu. Malinin, postgraduate student, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 6, Fotievoi Street, Moscow, Russia, 119333; malinin.alexey.yu@gmail.com

УДК 316.74:37

DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-99-109

Дистанционное образование глазами студентов и школьников

Павел В. Шевченко

*Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия, shevpav@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается восприятие позитивных и негативных особенностей дистанционного образования студентами московских вузов и старшеклассниками московских школ. Сопоставление данных социологических опросов, проведенных до пандемии и в настоящее время, выявляет ряд инвариантных затруднений студентов, связанных с адаптацией к общим условиям обучения и взаимодействию с преподавателем. Основными препятствиями процессу дистанционного обучения стали организационная неподготовленность вузов и школ, а также перегрузка сети Интернет и образовательных платформ. Причинами преобладания позитивного отношения к дистанционному обучению над негативным названы экономия времени, повышение мобильности и использование новых возможностей для самообразования.

Ключевые слова: дистанционное обучение, образовательный процесс, школа, вуз, организация, восприятие

Для цитирования: Шевченко П.В. Дистанционное образование глазами студентов и школьников // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 3. С. 99–109. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-99-109

Distant Education. Students' Point of View

Pavel V. Shevchenko

*Moscow City University, Moscow, Russia,
shevpav@yandex.ru*

Abstract. The perception of positive and negative features of the distance education by students of Moscow schools and universities is considered. By comparison of the sociological surveys data conducted before the pandemic and those done currently the author reveals a number of invariant difficulties for students

© Шевченко П.В., 2021

associated with adaptation to the general learning environment and interaction with the teacher. The main obstacles to the distance learning progress were the organizational unpreparedness of universities and schools, as well as the overload of the Internet and educational platforms. The reasons for the predominance of a positive attitude to distance learning over a negative one are the time-savings, increased mobility and the use of new opportunities for self-education.

Keywords: distance learning, educational process, organization, school, university, perception

For citation: Shevchenko, P.V. (2021), “Distant education. Students’ point of view”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 99–109, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-99-109

Введение

Форсированный переход на дистанционное образование (ДО) из-за пандемии создал ситуацию кризиса в управлении основными бизнес-процессами [Климова, Климов 2021], в том числе образовательными, что способствовало переосмыслению отношения к отдельным составляющим образовательного процесса и адаптации преподавателей, образовательных учреждений и обучающихся к новым условиям обучения.

Лаборатория управления проектами МГПУ провела исследование мнения студентов московских вузов и старшеклассников московских школ, по результатам которого систематизированы затруднения, связанные с дистанционным обучением, в общем контексте студенческих затруднений. Эмпирической базой исследования стали анкетные опросы. Первый опрос студентов вузов проводился до пандемии в 2019 г. в бумажной форме. Респондентами второго опроса весной 2021 г. стали студенты и старшеклассники, отвечавшие преимущественно в электронной форме. Студенческие выборки – 1200 и 800 анкет (в первом и втором опросах, соответственно), школьная выборка – 600 анкет. Школьники выступали в роли контрольной группы при сравнении со студентами, это было важно, поскольку несмотря на разное подчинение (у школ – городское, а у вузов Москвы – федеральное), предполагалось, что их проблемы вполне сопоставимы в количественном выражении. Основой для изложенных ниже результатов стал контент-анализ ответов на открытые вопросы, с помощью которых изучалось отношение к ДО.

Студенты и школьники о дистанционном обучении

Прежде всего необходимо отметить материальные и технические затруднения обучающихся. Имевшиеся гаджеты позволяли учиться дистанционно 63,1% студентов и 70,7% старшеклассников, остальным пришлось либо что-то срочно докупать – (22,9% и 12% соответственно), либо работать на старых гаджетах (11,9% и 16,3%). Явное неудобство испытывали те, кто работал за чужим компьютером – не было своего гаджета у 2,2% студентов и 1% старшеклассников, и те, у кого гаджет был слабый, зависал, требовал ремонта или перенастройки.

Для работы в дистанте обучающиеся использовали все возможные типы гаджетов (табл. 1). Высокая популярность смартфона у всех категорий обучающихся – и у школьников, и у студентов младших и старших курсов – оказалась для нас неожиданной, несмотря на то, что сейчас сложно себе представить человека без мобильного телефона.

Таблица 1

*Использование гаджетов обучающимися,
в % от общего числа опрошенных,
количество вариантов ответа не ограничено*

Какой гаджет Вы использовали для ДО в 2020–2021 гг.	Студенты	Школьники
Смартфон	78,4	64,4
Ноутбук	76,3	52,1
Стационарный компьютер	22,1	30,3
Планшет	13,2	14,9
Всё вышеперечисленное	5,9	7,9

Фактически смартфон оказался равноправным участником учебного процесса, как и полноценный компьютер, хотя возможности этих устройств несопоставимы, но это объясняет те оценки, которые были даны дистанционному обучению в целом.

Основной вопрос: «С какими затруднениями вы столкнулись в процессе дистанционного обучения в 2020–2021 гг.?» был открытым,

с неограниченным количеством ответов. На него ответили с разной степенью подробности 67% старшеклассников и 89% студентов. Некоторые респонденты перечисляли сразу по нескольку проблем, но большинство были более лаконичны – 1–2 проблемы, и общее количество всех зафиксированных высказываний превысило количество респондентов.

В табл. 2 приведены результаты контент-анализа ответов, сгруппированных в 8 следующих категорий.

1. *Плохая организация* объединяет обе стороны организационной неготовности вуза или школы – неудачное расписание, подготовку материала, подготовленность преподавателя.

2. *Технические неполадки* включают в себя отказы платформ, невозможность войти в урок, внезапный выброс с урока, «слабый» интернет.

3. *Сложности личностной адаптации* является традиционной категорией для студентов. В ней собраны откровения о том, что *учиться сложно, тяжело (всё и вовремя), мешают лень, скука, демотивация*. Ее количественная выраженность относительно стабильна в разных исследованиях – около 20% всей массы ответов, то есть, от тех студентов, которые считают необходимым вызвать сочувствие – нам тяжело, но мы держимся, хорошо бы нам сделали интересно, нагрузку поменьше, включили бы нам дополнительную мотивацию, не ставили бы жесткие сроки и т. д.

4. *Ограничения личного времени* вызваны тем, что актуализировалось ощущение того, что раньше было личное время, а теперь из-за дополнительных часов занятий его не стало.

5. *Нет работоспособного устройства* означает, что либо его не было вообще, либо старое в какой-то момент сломалось или не позволило нормально работать.

6. *Здоровье* – это жалобы на то, что *зрение упало, спина затекла, головные боли* и прочие жалобы.

7. *Домашние помехи*: соседи, родные, близкие люди, мешающие учиться дома.

8. *Отсутствие очного общения* указывает не только на дискомфорт из-за общения через монитор. Есть специфика жалоб, связанная с ведущей деятельностью. У подростков больше упор на ограниченное общение с друзьями, у взрослых студентов возникают затруднения из-за невозможности полноценно освоить предмет. Изобразительное искусство, физкультурные упражнения, педагогическая и медицинская практика – все, что у студентов связано с будущей профессией, но невыполнимо, вызывает соответствующую жалобу.

Таблица 2

Затруднения в процессе дистанционного обучения,
в % от общего числа ответов

Категория затруднений	Студенты	Школьники
1. Плохая организация	33,1	20,2
2. Технические неполадки	23,4	32,4
3. Сложности личностной адаптации	20,2	18,3
4. Ограничения личного времени	8,9	5,7
5. Отсутствие работоспособного устройства	4,7	2,8
6. Здоровье	3,9	15,7
7. Домашние помехи	2,6	2,1
8. Отсутствие очного общения	3,2	2,8

Две основные проблемы – организация процесса ДО и технические неполадки – вместе занимают первые две строчки рейтинга проблем, их суммарная доля превышает 50%, и, в принципе, можно их объединить как две стороны недостаточной готовности образовательного учреждения. Но в рамках первого этапа исследования ДО это нецелесообразно. Есть специфика жалоб, связанная со статусом, – студенты более смело выражают претензии в адрес преподавателей и администрации своего учебного заведения, чем школьники, которые чаще ругают безликие образовательные платформы.

В остальном отмечено сходство всех количественных показателей, за исключением здоровья. По жалобам на ухудшение здоровья разрыв между школой и вузом большой, поскольку подросткам проводить весь день у компьютера намного тяжелее, чем даже первокурсникам. Согласно рекомендациям Роспотребнадзора¹, суммарная ежедневная продолжительность использования электронных средств обучения в школе и дома не должна превышать для 10–11-х классов – 70 минут в школе и 170 минут дома, но в реальности дистанционного обучения дома дети сидят за компьютером намного дольше.

¹ О рекомендациях по работе с гаджетами для школьников. 11.03.2021. Роспотребнадзор [Электронный ресурс]. URL: https://www.rospotrebнадзор.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=17008 (дата обращения 7 августа 2021).

Подробное рассмотрение претензий к плохой организации процесса вузом или школой (табл. 3) предполагает разделение данной категории на три составляющих и позволяет выявить дополнительное сходство оценок. Первая подкатегория относится к работе администрации вуза (школы), вторая – к личному вкладу преподавателя в процесс ДО. Третья подкатегория «много домашнего задания» настолько часто попадалась в одной и той же формулировке, что появилась возможность ее отделить от двух других, тем более что рассматривать ее можно как часть субъективных требований преподавателя и как часть требований освоения образовательной программы.

Таблица 3

Претензии обучающихся к образовательному учреждению,
в % от общего числа ответов, относящихся к категории

Категория и ее составляющие	Вуз	Школа
Организация учебного процесса образовательным учреждением,	33,1	20,2
в том числе:		
1) расписание, несвоевременное оповещение, реагирование, обеспечение доступности учебных материалов, содержание, организация бесперебойного процесса обучения	11,1	10,8
2) преподаватель не владеет ИТ, ведет неинтересно, не понимает затруднений обучающихся, нарушает дисциплину (опаздывает)	17	3,5
3) задается много домашнего задания	5,0	6,0

Заметно сходство в количественном выражении недовольства обучающихся в отношении работы администраторов (11,1 и 10,8%), а также в отношении избытка домашнего задания (5 и 6%). Существенное различие в количестве претензий к преподавателям (17% – у студентов и 3,5% – у школьников) лишь иллюстрирует большее доверие и меньшую критичность учащихся школы к своим учителям по сравнению с доверием студентов. Для старшеклассника учитель – авторитетная фигура, к которой годами выработывалась эмоциональная привязанность. В вузе работают преподаватели с разным опытом, чем больше разница, тем критичнее студент по отношению к неумехам, для студента перегруженность преподавателя [Буланова 2021] – не аргумент. Немаловажно и то, что все московские учителя централизованно проходили специальную ИТ-подготовку к работе в Московской электронной школе.

Для дальнейшего изучения представляет интерес динамика «постоянных» проблем студентов. Незадолго до пандемии нами был собран перечень того, на что жалуются студенты московских вузов. Всего было выделено столько же категорий, сколько и в этом году, но в их перечень в до-пандемийную эпоху вошло то, на что в 2021 г. уже не жаловались по понятным причинам (*мало развлечений, досуга, культуры; некомфортный быт – столовая, туалеты; долгая дорога в вуз; стипендия маленькая; навязанное общение – с иностранцами, невоспитанными однокурсниками и т. п.*). Доля этих высказываний составила примерно $\frac{1}{3}$ от общего числа жалоб.

В эпоху ДО появились новые затруднения (*технические неполадки, отсутствие гаджета, домашние помехи, отсутствие очного общения*), их доля также составила примерно $\frac{1}{3}$ всех высказанных претензий студентов.

Обе вышеперечисленные группы затруднений были отнесены к разряду «переменных» проблем, и из дальнейшего сравнения они были удалены. К «постоянным» затруднениям были отнесены 6 категорий, присутствовавших как в 2019 г., так и в 2021 г. В обоих исследованиях эти категории в сумме охватывают примерно $\frac{2}{3}$ всех высказываний, в табл. 4 их сумма принята за 100%.

Таблица 4

«Постоянные» затруднения студентов,
в % от числа высказываний,
относящихся к «постоянным» категориям

Категории, не связанные с ДО	2019 г.	2021 г.
1. Расписание, содержание обучения, организация	27,5	16,4
2. Преподаватель	22,5	25,0
3. Много домашнего задания	9,4	7,1
4. Здоровье	0,8	5,7
5. Сложности адаптации к процессу обучения	26,0	32,7
6. Ограничение личного времени	13,8	13,1

Следует отметить относительное постоянство количества претензий к персональной работе преподавателей и к объему домашнего задания². Можно предположить, что количество студентов,

² Колебания в 3% могут быть отнесены к статистической погрешности.

недовольных преподавателями и тем, сколько они задают, есть величина, независимая от формы обучения – дистанционной или очной. Аналогичная ситуация с восприятием ограничений личного времени: вследствие перехода на ДО освободилось время, связанное с поездками в вуз, но больше стало обязательной самостоятельной работы, структура временных затрат студента изменилась, а количество недовольных недостатком времени осталось прежним.

Незначительно затруднилась адаптация к учебному процессу, появилось больше требований за счет особенностей работы образовательных платформ. К примеру, студенту надо не только сделать само задание, но еще и разместить его в электронной среде и успеть, чтобы система зафиксировала выполнение вовремя.

Жизнь у монитора негативно повлияла на здоровье. Если в 2019 г. на трудности обучения, связанные со здоровьем, жаловались исключительно студенты с ограниченными возможностями здоровья (плохо слышащие, с трудом понимающие речь, долго формулирующие), то теперь и «обычные» студенты жалуются на ухудшение зрения, головные боли, больную спину и т. д.

Общее число претензий к работе административно-управленческого аппарата снизилось. Нерасторопность и некомпетентность учебной части сохранилась, по-прежнему студенты жаловались на неудобное расписание, неотзывчивость деканата и т. д., но таких жалоб стало на 10% меньше за счет «расписания». К расписанию осталась главная массовая претензия, связанная с рекомендацией «50/50», когда ради двух первых пар студент ехал в вуз, потом спешил домой к следующим двум парам в дистанционном режиме. Поскольку успеть к началу не удавалось, приходилось включать смартфон в транспорте.

Объективно говоря, обучение перестало быть полноценным в той части, в которой были ограничены полезные для практики контакты в сферах «Человек-человек» и «Человек-техника». Далеко не все преподаватели сообразили, как в ДО можно поддерживать интерес к своим занятиям или как устраивать дискуссии по группам. Тем не менее наряду с негативным отношением к ДО у студентов формировалось и позитивное отношение. Распределение ответов на вопрос: *«По какой причине у Вас сформировалось позитивное отношение к ДО?»* приведено в табл. 5.

Главная причина нескрываемой радости студентов (41,6%) – это бесценный ресурс – время, сэкономленное от поездок. Для московских вузов затрата 2,5 часов в один конец – не предел, а общежитие рядом с вузом имеется не у всех. Вторая идея – оптимизация собственно учебного процесса (24%). Эту идею реализуют мотивированные самоорганизованные студенты. Типичные вы-

сказывания: *«Не успел – пересмотрел в записи. Самостоятельно могу все изучить. Пока идет лекция, пролистать рекомендованный источник и задать вопрос. Мою “руку” видит преподаватель и до меня доходит очередь. Я, наконец, вижу “доску”»!*

Таблица 5

Причины позитивного отношения
к дистанционному обучению, в % от общего числа ответов

Причины	Студенты
1. Экономия времени	41,6
2. Новые возможности обучения, которых не было до ДО	24,0
3. Мобильность (из любой точки мира, без физического присутствия)	14,4
4. Комфорт (кресло, чайник, своя еда, долгий сон, не надо «выглядеть»)	9,6
5. Экономия денег (транспорт, столовая)	3,7
6. Пандемия (не заразился COVID-19 и не заразим других)	3,6
7. Нет вынужденных неприятных контактов	3,1

Студенты получили возможность самостоятельно ранжировать занятия по ценности: на важных предметах необходимо активное очное участие. Если формат скучный, можно включить мобильник, а самому заниматься своими делами. Третья важная причина – мобильность (14,4%). Жизнь современных студентов интенсивная, стипендия не позволяет выжить, многие вынуждены подрабатывать. Преподавателя раздражает выключенное видео у студента, но это может означать как нахождение студента в транспорте по причине неудачного расписания, так и совмещение учебы с работой и иной деятельностью.

Про комфорт, связанный с нахождением дома, упомянули 9,6% студентов. Остальные причины упомянуты менее чем в 5% высказываний каждое, но на последнем хочется заострить внимание. Когда говорят о социальной дисфункции ДО, обычно не учитывают мнение интровертов, кому лишние контакты в тягость. Такого рода люди менее активны в высказываниях, чем основная масса студентов, среди них есть робкие и инертные, которых на очных занятиях однокурсники вытесняют из фокуса внимания преподавателя. Только в условиях ДО таких замечают наравне со всеми в «электронной очереди», для них «ограниченное» межличностное взаимодействие – шанс для развития.

Когда респондентов просили указать причину негативного отношения к ДО, те, у кого оно сформировалось, чаще всего не повторяли ответ, а ссылались на вопрос о затруднениях (описанных в начале статьи). Далеко не всякое затруднение формировало негативное отношение, в этом случае респондент отвечал «не сформировалось».

Всего 88% студентов смогли сформулировать причину своего позитивного отношения к ДО, а 48% – указать причину негативного отношения к ДО, 36% указали и то, и другое одновременно. Таким образом, доминирование позитивного отношения указывает на то, что с точки зрения студентов как группы экономически активного населения, успешно справляющихся с проблемами, вызванными ограничениями при пандемии [Фадеева, Великая, Белова 2021], «плюсы» явно перевешивают «минусы».

У старшеклассников полученных выгод от пребывания дома значительно меньше и ответы распределены с меньшим преобладанием позитивного отношения (50%) над негативным (45%). Меньшая выраженность позитивного отношения школьников объяснима меньшей степенью свободы и меньшим жизненным пространством для комфортной работы, что соотносится с оценками, полученными в ответах людей, работающих удаленно [Социология 2021].

Выводы

1. Дистанционное образование воспринимается позитивно самоорганизованными, мотивированными и легко адаптирующимися к новым условиям студентами, поскольку позволяет экономить время и личностные ресурсы и перераспределять их самостоятельно.

2. Негативное отношение к ДО связано с организационными и техническими проблемами, мешающими осуществлению полноценного образовательного процесса, и с ухудшением состояния здоровья. Возможность снижения негативного отношения заложена в изменении отношения вуза (школы) к ДО, в том числе к резервированию более мощных интернет-ресурсов и повышению квалификации преподавателей в части их работы со студентами в ДО.

3. Сходство основных затруднений обучающихся городских школ и федеральных вузов свидетельствует об общих для сферы государственного образования административно-управленческих проблемах.

Литература

- Буланова 2021 – Буланова М.Б. Прекарная занятость в сфере высшего образования: Рубикон перейден? // Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности. М.: Весь мир, 2021. С. 161–181.
- Климова, Климов 2021 – Климова С.Г., Климов И.А. Опыт перехода российских компаний на удаленную работу в ситуации пандемии // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 50–60.
- Социология 2021 – Социология пандемии. Проект коронаФОМ / Рук. авт. колл. А.А. Ослон. М.: Ин-т фонда «Общественное мнение», 2021. 319 с.
- Фадеева, Великая, Белова 2021 – Фадеева Е.В., Великая Н.М., Белова Н.И. Социальное самочувствие россиян в период распространения коронавирусной инфекции // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 2. С. 58–71.

References

- Bulanova, M.B. (2021), “Precarious employment in higher education. Has the Rubicon been crossed?”, Toshchenko, Zh.T. (ed.), *Prekarnaya zanyatost': istoki, kriterii, osobennosti* [Precarious employment. Origins, criteria, features], Ves' mir, Moscow, Russia, pp. 161–181.
- Fadeeva, E.V., Velikaya, N.M. and Belova, N.I. (2021), “Social well-being of Russians during the spread of the coronavirus disease”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 58–71.
- Klimova, S.G. and Klimov, I.A. (2021), “Experience of Russian companies in transition to remote work in the pandemic situation”, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 7, pp. 50–60.
- Oslon, A.A. (ed.) (2021), *Sotsiologiya pandemii. Proekt koronaFOM* [Sociology of the pandemic. The coronaFOM project], Institut fonda Obshchestvennoe mnenie, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Павел В. Шевченко, кандидат психологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия; 129226, Россия, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4; shevpav@yandex.ru

Information about the author

Pavel V. Shevchenko, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Moscow City University, Moscow, Russia; bld. 4, Vtoroi Selskokhozyaistvennyi Street, Moscow, Russia, 129226; shevpav@yandex.ru

Опыт использования результатов опросов общественного мнения в регулировании системы местного самоуправления

Алевтина Н. Моисеева

*Институт социально-политических исследований РАН,
Москва, Россия, moiseeva-alevtina@bk.ru*

Аннотация. В статье анализируется опыт использования результатов опросов общественного мнения в регулировании системы местного самоуправления. Автор статьи акцентирует внимание на том, что особую значимость для формирования актуальных моделей организации местного самоуправления, позволяющих реализовать основные положения федеральных законов, приобретает не только оценка эффективности деятельности органов местной власти, но и использование результатов общественного мнения, позволяющих анализировать социально-политическую ситуацию в муниципальных образованиях, а также повышать качество взаимодействия с населением. При этом отмечается противоречивость роли местного самоуправления, поскольку низкая осведомленность населения ведет к неготовности включаться в управленческий процесс. Обосновывается мысль о том, что социологические исследования, являясь инструментом получения оперативной информации, позволяют своевременно выявлять политические и социальные настроения, предпочтения и ожидания в обществе, потенциал развития муниципального образования, а также меры, необходимые для инициирования данного развития. В заключении делается вывод о том, что принятие эффективных управленческих решений, оптимизация системы местного самоуправления, а следовательно, стабильность самого института невозможны без анализа и учета информации, транслируемой со стороны общества.

Ключевые слова: общественное мнение, влияние общественного мнения, результаты опросов общественного мнения, социологические исследования, эффективность деятельности органов местной власти

Для цитирования: Моисеева А.Н. Опыт использования результатов опросов общественного мнения в регулировании системы местного самоуправления // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 3. С. 110–119. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-110-119

Experience of using results of the public opinion polls in the regulation of the local self-government

Alevtina N. Moiseeva

*Russian Academy of Sciences Institute of Social and Political Studies,
Moscow, Russia, moiseeva-alevtina@bk.ru*

Abstract. The article analyzes the experience of using results of the public opinion polls in the regulation of the local self-government system. The author of the article focuses on the fact that it is not only the assessment of the effectiveness of the activities of local authorities that is of particular importance for the formation of relevant models for the organization of local self-government allowing to implement the main provisions of federal laws, but also the use of results of the public opinion, allowing to analyze the socio-political situation in municipalities, as well as to improve the quality of interaction with the population.

At the same time, the contradictory role of local self-government is noted, since low awareness of the population leads to unwillingness to be involved in the management process. The author substantiates the idea that sociological research, being a tool for obtaining operational information, allows timely identification of political and social moods, preferences and expectations in society, the potential for the development of a municipality, as well as measures necessary to initiate such development. Finally it is concluded that making the effective management decisions, optimizing the local self-government system, and, consequently, the stability of the institution itself, is impossible without analyzing and taking into account the information communicated by the society.

Keywords: public opinion, the influence of public opinion, results of the public opinion polls, sociological research, effectiveness of the activities of local authorities

For citation: Moiseeva, A.N. (2021), "Experience of using results of the public opinion polls in the regulation of the local self-government", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 110–119, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-110-119

Вопросы формирования и развития общественного мнения – одна из самых сложных и важных проблем общественно-политической науки. На современном этапе общественное мнение является объектом изучения многих гуманитарных наук, таких как социология, культурология, социальная психология, педагогика, философия и религиоведение, поскольку представляет не только научный интерес, но и имеет общественно-политическое значение.

Развитие концепции «общественного мнения» тесно связано с социальными, политическими и экономическими изменениями, которые происходили на протяжении веков. В самом общем смысле общественное мнение можно определить как совокупность различных индивидуальных мнений. Более конкретные представления об общественном мнении определяются в концепциях общественного мнения, которые придают большее значение мнению отдельных лиц, большинства/меньшинства, групп или элиты при рассмотрении социальных явлений и процессов. Исходя из всех определений, имеющихся в различных научных источниках, рабочим определением понятия «общественное мнение» будет выступать

своеобразный способ существования и проявления массового сознания, посредством которого выражается духовное или духовно-практическое отношение народного большинства к актуальным для него фактам, событиям, явлениям и процессам действительности [Богдан 2007].

Основная особенность общественного мнения заключается в способности «контролировать» и «регулировать» деятельность экономических, политических, социальных и духовных институтов, оказывая прямое воздействие на их функционирование. Общественное мнение способно выступать также в качестве созидательной или разрушительной силы, поскольку оно может как ускорять, так и тормозить проводимые в обществе преобразования.

Взгляды на роль общественного мнения в различных сферах жизнедеятельности сильно различаются. С одной стороны, отмечается, что государство должно руководствоваться общественным мнением, чтобы учитывались интересы людей. С этой точки зрения опросы общественного мнения необходимы для обеспечения демократического управления, и органы власти должны уделять пристальное внимание мнению общественности при принятии решений. Полярная позиция заключается в том, что многие представители общественности не обладают достаточной компетентностью, поэтому прислушиваться к ним при принятии управленческих решений нецелесообразно.

В современных же демократических обществах государственная власть строится, контролируется и обуславливается силой активного общественного мнения, поскольку это является отличительной чертой самой демократии. При этом основная причина столь пристального внимания со стороны государства к общественному мнению заключается в возможности общественности влиять на политику. Для повышения эффективности своей деятельности

социальные институты стремятся руководствоваться опросами общественного мнения, тем самым разрабатывая предполагаемые программы и планы с учетом условий социальной среды, настроений людей и их отношений к различным процессам, происходящим в обществе.

Роль общественного мнения в регулировании системы местного самоуправления

Наиболее близко соприкасается с народом муниципальная ветвь власти. Это можно объяснить тем, что местное самоуправление отчасти – это зеркало, отражающее отношение к государственной власти в целом. На местное самоуправление возложена огромная миссия: оно позволяет решать не только местные вопросы граждан, но и стабилизировать общественную жизнь в стране.

Однако современная модель местного самоуправления находится в неразвитом состоянии и нуждается в регулировании эффективности деятельности местного самоуправления посредством применения на практике результатов общественного мнения, которые способствуют более устойчивому и эффективному управлению, а также устранению существующих проблем.

Трудно представить себе систему местного самоуправления без активной поддержки населения, в частности, без осознанного понимания гражданами сути, функции и принципов взаимодействия с представителями муниципальных образований. Однако на сегодняшний день привлечение граждан к участию в управлении представляет собой достаточно сложную задачу в связи с отсутствием в массовом сознании россиян четкого понимания сущности местного самоуправления. Это связано, прежде всего, с тем, что политическая практика 90-х оставила большой отпечаток во взаимоотношениях государства и населения, породив тем самым скептические настроения в обществе. Особое внимание следует уделить тому, что пассивность наблюдается не только со стороны жителей, но и со стороны самих муниципальных служащих. Согласно данным, «сами служащие не готовы к взаимодействию с населением, не считают это необходимым» [Великая 2003]. Истоки сложившейся ситуации можно наблюдать как в неготовности самих представителей органов местной власти адаптироваться к условиям, так и в недоверии граждан к институту местного самоуправления.

Согласно мониторингу, проведенному Всероссийским Советом местного самоуправления в 2013 г., в муниципальных образованиях

наблюдался дефицит качественных профессиональных кадров органов местного самоуправления. Это связано, прежде всего, со старением кадров и низкой долей молодежи в кадровом составе [Масилова, Лобов 2019]. К вопросу формирования кадровой политики стоит обратиться по той причине, что привлечение молодых кадров является мощным противодействием существующего старения кадров состава органов местного самоуправления. Помимо преимуществ в возрасте, молодые сотрудники гибки, готовы учиться и, как правило, с большим энтузиазмом относятся к своей работе в надежде получить опыт и одновременно бороться за продвижение по службе. Получив возможность реализовать свои идеи на практике, они вносят свой вклад в повышение эффективности органов местной власти.

На сегодняшний день в условиях неустойчивой динамики развития эпидемиологической ситуации, оказывающей всестороннее влияние на различные сферы жизни, актуализируется необходимость надежного информационного обслуживания всех уровней власти, в том числе муниципальной.

Для вовлечения населения в муниципальное управление стоит рассмотреть возможность использования местными властями электронных средств массовой коммуникации, поскольку это может в значительной степени увеличить долю информированных о деятельности местных органов власти людей, а также повысить уровень доверия к ним. Преимущества использования виртуальных информационных каналов для отслеживания интересующих новостей носят разносторонний характер: оперативность получения информации, отсутствие привязки к периодичности выхода номеров печатных изданий, выпусков программ ТВ – и радиовещания; широкий спектр освещаемых вопросов, возможность найти информацию в отношении фактически любой интересующей тематики, события/факта и т. д.; совмещение развлекательного и новостного контента, затрагивающего вопросы социальной, экономической и политической повестки, возможное даже на платформе одного социального сообщества, позволяющее снизить информационную и эмоциональную нагрузку; наличие различных точек зрения по интересующим вопросам, позволяющее в ходе сравнения отдельных мнений формировать собственную точку зрения; возможность обратной связи на различных уровнях, включая представителей официальных структур, муниципальных служб городского хозяйства, представителей административного властного аппарата.

Игнорирование общественного мнения может привести к тому, что система местного самоуправления, являясь самостоятельной

ветвью власти, придет к состоянию застоя. Ключевым фактором, способствующим повышению уровня доверия к органам местной власти, является рост общего уровня качества жизни населения посредством решения насущных проблем. Успешное взаимодействие с представителями местного самоуправления предполагает решение проблемы информированности граждан посредством достижения «информированного согласия»: когда люди знают, понимают и поддерживают муниципальную власть.

*Опыт использования
результатов общественного мнения
в регулировании системы
местного самоуправления*

Актуальность изучения опыта использования результатов общественного мнения в регулировании различных социальных процессов продиктована содержанием и многогранностью понятия «общественное мнение». Объективно измерить эффект от проводимой внутренней политики, а значит, проводить коррекцию действий власти, принимать новые управленческие решения можно только социологическими методами. В то же время необходимо установить нормативные стандарты и признать важность социологического сопровождения исполнения нормативно-правовых актов [Великая, Моисеева 2021].

Данные социологических опросов населения об оценке результатов деятельности органов местного самоуправления на территории регионов в целях реализации Указа Президента Российской Федерации от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» и в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 17.12.2012 № 1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 года № 607 “Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов”» проводятся с применением IT-технологий. Основное преимущество их заключается в том, что изучение общественного мнения позволяет проследить тенденции и динамику его изменения, узнать реальное отношение к событиям и явлениям, происходящим как в самой системе местного самоуправления, так и вне. При этом в ряде регионов существуют специализированные службы, занимающиеся опросами общественного мнения. Так, например, в Ульяновской области

проведением исследований, направленных на развитие потенциала региона, занимается «Центр стратегических исследований Ульяновской области». Кроме того, в Москве по инициативе Правительстве Москвы с 2011 г. функционирует Центр мониторинга общественного мнения Правительства Москвы (ЦМОМ), целью которого являются: изучение общественного мнения; оперативное выявление наиболее острых городских проблем; получение обратной реакции москвичей на инициативы городских властей; прием предложений граждан по усовершенствованию работы городских структур и оптимизации городской жизни; оценка жителями деятельности органов исполнительной власти города Москвы и их подведомственных организаций. Подобная практика свидетельствует о том, что использование результатов опросов общественного мнения – это уже не потребность, а управленческая практика, направленная на развитие и результативность реализации городских программ.

Среди исследовательских центров, занимающихся изучением отношений россиян к системе местного самоуправления, можно выделить ВЦИОМ, РОМИР, ФОМ и ЦИРКОН. Практически все исследования общественного мнения в области местного самоуправления проводятся по заказу федеральных или региональных органов государственной власти. Также, в соответствии с нормативно-правовыми актами, результаты, полученные в ходе проведения социологических исследований, должны быть опубликованы на официальных сайтах муниципальных образований и сайтах субъектов. Кроме исследовательских центров изучением представлений россиян о системе местного самоуправления занимаются отдельно взятые исследователи, например, Н.М. Великая, Б.А. Грушин, А.А. Крыштановский, Г.В. Осипов, Ж.Т. Тощенко, Г.А. Цветкова, В.А. Ядов и другие. Проблемы формирования, современного состояния и будущего местного самоуправления в мировом пространстве рассматриваются также в работах А.А. Божья-Воли, Р.М. Вульфовича, В.Н. Лобко [Божья-Воля 2015; Вульфович, Грибанова 1997; Лобко 2010].

Таким образом, мы видим, что исследования общественного мнения в интересах эффективной реализации деятельности местного самоуправления представляют широкий спектр изучаемых проблем. Основная ценность результатов общественного мнения в области местного самоуправления заключается в том, что регулярность обращения к результатам общественного мнения как информационному источнику повышает ценность принимаемых решений и увеличивает эффективность управления в целом.

Отчеты о результатах, которые представляют опросы общественного мнения, являются весомым аргументом наличия серьезных проблем в системе местного самоуправления. Несмотря на это, в настоящее время практическая ценность результатов исследовательских работ теряется. Можно предположить, что основной причиной такого игнорирования является влияние общего государственного вектора на деятельность местного самоуправления.

Исследования общественного мнения – это важнейший и практически единственный канал обратной связи от общества к власти, обладающий довольно сильным влиянием на общественность. К сожалению, приходится часто сталкиваться с тем, что власть пытается «обороняться», «защищаться» от влияния со стороны общественности, так как общественное мнение способно не только воздействовать на органы управления, определять многие их решения, но и задавать направление общественного развития. Однако нельзя не отметить позитивную тенденцию совершенствования механизма взаимодействия власти с общественностью, проявляющуюся в практике применения метода “face to face” в Самарской, Ульяновской, Московской и других областях.

Подводя итоги, следует сказать, что институт обращений граждан сегодня начинает осознаваться как важная часть политической реальности. В связи с этим возникает острая необходимость в изучении настроений граждан и возможности их формирования органами власти. Опыт использования результатов исследований в регулировании местного самоуправления раскрыт незначительно и остается по большей части без особого внимания. Использование рекомендаций по повышению уровня доверия между населением и местным самоуправлением, предоставляемых исследователями, на наш взгляд, является весьма перспективным направлением улучшения и эффективной деятельности системы местного самоуправления.

Литература

- Богдан 2007 – *Богдан Е.Н.* Медиаобраз России как понятие теории журналистики // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2007. № 4. С. 122–127.
- Божья-Воля 2015 – *Божья-Воля А.А.* Оценка органов местного самоуправления: статистика или мнение жителей? // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 1. С. 53–68.
- Великая 2003 – *Великая Н.М.* Основные тенденции политического участия в местном самоуправлении // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 45–49.

- Великая, Моисеева 2021 – *Великая Н.М., Моисеева А.Н.* Оценки эффективности деятельности органов местной власти: методология и методика // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 1 (65). С. 55–64.
- Вульфович, Грибанова 1997 – *Вульфович Р.М., Грибанова Г.* Системы местного самоуправления в зарубежных странах самоуправления [Электронный ресурс] // Северная Пальмира. Приложение. СПб., 1997. С. 70–83. URL: <https://clck.ru/Yvma5> (дата обращения 22 августа 2021).
- Лобко 2010 – *Лобко В.Н.* Функциональный и территориальный аспекты проблемы развития местного самоуправления [Электронный ресурс] // Власть. 2010. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnyy-i-territorialnyy-aspekty-problemy-razvitiya-mestnogo-samoupravleniya> (дата обращения 24 августа 2021).
- Масилова, Лобов 2019 – *Масилова М.Г., Лобов В.Е.* Проблемы кадрового обеспечения органов местного самоуправления и пути их решения // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2019. Т. 11. № 4. С. 170–179.

References

- Bogdan, E.N. (2007), “Media image of Russia as a concept of the journalism theory”, *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Series 10: Journalism*, no. 4, pp. 122–127.
- Bozh'ya-Volya, A.A. (2015), “Local governance performance: objective indicators or citizens' satisfaction (Statistics or the residents opinion)”, *Issues of State and Municipal Management*, no. 1, pp. 53–68.
- Lobko, V.N. (2010), “Functional and territorial aspects in the issue of development of local self-government”, *Vlast'*, no. 1, available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnyy-i-territorialnyy-aspekty-problemy-razvitiya-mestnogo-samoupravleniya> (Accessed 24 August 2021).
- Masilova, M.G. and Lobov, V.E. (2019), “Problems of staffing of local self-government bodies and ways to solve them”, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, vol. 11, no. 4, pp. 170–179.
- Velikaya, N.M. (2003), “Basic trends of political participation in local governance”, *Sociological Studies*, no. 8, pp. 45–49.
- Velikaya, N.M. and Moiseeva, A.N. (2021), “Evaluation of the effectiveness in the activities of local authorities. Methodology and methods”, *Political Science Issues*, no. 1 (65), pp. 55–64.
- Vulfovich, R.M. and Gribanova, G. (1997), “Systems of local self-government in foreign countries of self-government”, *Northern Palmyra*, available at: <https://clck.ru/Yvma5> (Accessed 22 August 2021).

Информация об авторе

Алевтина Н. Моисеева, аспирант, Институт социально-политических исследований РАН, Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1; moiseeva-alevtina@bk.ru

Information about the author

Alevtina N. Moiseeva, postgraduate student, Institute of social and political studies, RAS, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 6, Fotievoi Street, Moscow, Russia, 119333; moiseeva-alevtina@bk.ru

УДК 316.3

DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-120-130

Формирование слоя инноваторов в социальной структуре российского общества в условиях цифровизации: роль государства

Элина О. Илларионова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, 82ei82@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования слоя инноваторов в социальной структуре российского общества в условиях происходящего процесса цифровизации, отдельное внимание уделено роли государства в данном процессе, проанализированы основные формы государственной поддержки инновационного развития в Российской Федерации. Показана взаимосвязь понятий «экономика знаний», «цифровая экономика» и цифровизация – выделены и проанализированы основные направления цифровизации в инновационном секторе экономики, исследуются преимущества цифровизации первого и второго порядка. Особое внимание уделено анализу развития инновационного потенциала человеческого капитала в России. Выведены основные факторы, сдерживающие инновационное развитие. Исследованы процессы социальной динамики в российском обществе в области создания инновационной и цифровой среды. Показана актуальность развития и имплементации системы государственно-частного партнерства в области высоких технологий. Представлен краткий анализ нормативно-правовых документов в области цифровизации и инновационного развития.

Ключевые слова: инновации, экономика знаний, цифровизация, человеческий капитал, цифровая экономика, слой инноваторов, государственная поддержка инновационного развития, «индустрия 4.0»

Для цитирования: Илларионова Э.О. Формирование слоя инноваторов в социальной структуре российского общества в условиях цифровизации: роль государства // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 3. С. 120–130. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-120-130

© Илларионова Э.О., 2021

Formation of a strata of innovators
in the social structure of Russian society
in the context of digitalization. The role of the state

Elina O. Illarionova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, 82ei82@gmail.com*

Abstract. The article considers the specifics in the formation of the innovators strata for the social structure of Russian society in the context of the ongoing digitalization process. It pays special attention to the role of the state in the process, and analyzes main forms of the state support for the innovative development in the Russian Federation.

It also shows the interrelation of the concepts of “knowledge economy”, “digital economy” and digitalization and highlights and studies the main directions of digitalization in the innovative sector of the economy as well as the advantages of digitalization of the first and second order. Particular attention is paid to the analysis in the development of the innovative potential of human capital in Russia. The basic factors hindering innovative development are derived. The processes of social dynamics in Russian society in the field of creating an innovative and digital environment are investigated. The author proves an urgency of the development and implementation for the system of public-private partnership in the field of high technologies. A brief analysis of regulatory documents in the field of digitalization and innovative development is presented.

Keywords: innovation, knowledge economy, digitalization, human capital, digital economy, strata of innovators, state support for innovative development, «industry 4.0»

For citation: Illarionova, E.O. (2021), “Formation of a strata of innovators in the social structure of Russian society in the context of digitalization. The role of the state”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 120–130, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-120-130

Введение

В современном мире развитие инновационного потенциала человеческого капитала продолжает оставаться одним из приоритетных направлений государственной политики стран мира, основным вектором развития стран является формирование экономик нового типа: «экономики знаний», «цифровой экономики». Для социолога особый интерес представляет анализ особенностей формирования слоя инноваторов в социальной структуре российского общества в условиях происходящего процесса цифровизации, развития инно-

вационного потенциала человеческого капитала в России и социальной динамики, обусловленной данными процессами.

В современных реалиях формируется новый контур глобального экономического пространства, где цифровые решения позволяют участникам рынка коммерциализировать инновации и получить возможность использования «дивидендов» инновационного развития: за последние годы до 75% прироста ВВП развитых стран обеспечивает инновационный сектор экономики [Усатова, Владыка 2015]; в разы увеличивается доля работников «высокотехнологичной сферы», возросла численность инновационно-промышленных предприятий (сегодня в ЕС около 50% предприятий активно используют инновационный подход в ходе функционирования), в свою очередь, цифровая экономика обеспечивает до 9% прироста ВВП в развитых странах [Туккель, Яшин 2019] (в Российской Федерации данный показатель не превышает 2%).

Формирование слоя инноваторов в социальной структуре российского общества в условиях цифровизации

Большинство современных развитых стран путем проведения инновационной политики стремятся осуществить поддержку инновационной деятельности, стимулировать инновационную активность предприятий, университетов и бизнеса. В рамках каждой страны создается индивидуальная Национальная инновационная система (НИС), стратегия инновационного развития, формируются инструменты поддержки и совершенствования инновационной траектории, разрабатывается собственная модель инновационного продвижения. В инновационной сфере исследований и разработок (R&D – Research and Development) основными направлениями цифровизации являются: использование искусственного интеллекта (AI), квантовых технологий, промышленного Интернета, робототехники, массивов Big Data, систем распределенного реестра (blockchain) и др.

Особое значение для формирования слоя инноваторов в социальной структуре общества имеет инновационная среда; на основании исследования КМРГ¹ и статей отечественной научной

¹ Исследование по цифровизации и инновационной открытости российских предприятий. КРМГ [Электронный ресурс]. URL: filescdn.anketolog.ru/2020/09/17/ebd7abf521bb04fc6bb9776a3b3f4f54 (дата обращения 26 сентября 2021).

периодики [Глущенко, Довгань 2021] можно заключить, что эффективная инновационная среда формируется благодаря высокому уровню развития в обществе следующих общественных институтов и компонентов: ценности (запрос общества), направленные на воспроизводство инновационного потенциала человеческого капитала и вектора инновационного развития, сильная наука и подходящая инфраструктура, наличие необходимых институциональных объединений (масштаб научно-технического комплекса) и «зрелость отраслей», определяющаяся уровнем готовности и внедрением инновационных и цифровых технологий.

Среди сильных сторон развития инновационной среды можно выделить масштаб научно-технического комплекса: в Российской Федерации доля внутренних затрат на исследования и разработки составляет 44 млрд долларов США, для сравнения у США – 581,6; Китай – 468,1; Япония – 171,3; Германия 141,3. Несмотря на значительное отставание от стран лидеров, такой масштаб финансирования позволяет России занимать 9-е место в мире по данному показателю. По численности персонала, занятого в области исследований и разработок, Россия занимает 4-е место в мире². В 2019 г. в Российской Федерации вырос объем затрат на науку, увеличилось число публикаций, поднялся престиж инновационных специальностей, высоким остается уровень человеческого капитала, в первую очередь по причине охваченности населения высшим образованием, однако на сегодняшний день актуальна проблема несоответствия качества образования и потребностями цифровой экономики и экономики знаний, о чем также косвенно свидетельствует тот факт, что «анализ патентной активности не показывает значимых технологических прорывов в последние годы»³.

В 2019 г. World Data Bank представил «Доклад о мировом развитии 2019: Изменение характера труда», где главным фактором, обеспечивающим экономический рост и благосостояние государства, являются инвестиции в образование:

...несмотря на рост численности образованных работников, отдача от инвестиций в образование повышается с 2000 года. Отдача от образования особенно высока там, где идет реструктуризация технологий⁴.

² Наука. Технологии. Инновации: Краткий стат. сборник / Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др. М.: НИУ ВШЭ, 2021.

³ Там же.

⁴ Изменение характера труда: Доклад о мировом развитии. Вашингтон, Колумбия: Всемирный банк, 2019. С. 50.

По совокупным показателям Россия не является лидером инновационного развития, о чем свидетельствуют международные рейтинги. В 2011 г. Россия занимала 56-е из 125 мест по международному инновационному индексу (ГИ), 46-е в 2018 г.⁵, в 2020 г.⁶ Россия оказалась на 47-м месте. Европейский инновационный индекс (EIS) показывает отставание Российской Федерации от стран ЕС почти в два раза⁷. По факторам инноваций Глобального рейтинга конкурентоспособности, где особое внимание авторов уделяется инновационной активности, Российская Федерация занимает 43-е место⁸.

Согласно исследованию НИУ ВШЭ, среди общеэкономических факторов, имеющих решающее значение в сдерживании инновационного развития, по мнению представителей организаций, важнейшую роль играет «недостаток собственных денежных средств организации» – такой оценки придерживаются 22% опрошенных, также особое значение имеет «высокая стоимость инновационных нововведений» – 18%, недостаточная финансовая поддержка со стороны государства была названа 16% респондентов как основной фактор, сдерживающий инновационное развитие. Среди прочих факторов представители организаций перечислили высокий экономический риск, высокую экономическую конкуренцию и низкий спрос на инновационные товары и услуги, а также недостаток кредитов и прямых инвестиций.

Что касается основных внутренних факторов, препятствующих инновационной деятельности, самым значимым является «низкий инновационный потенциал организации» (26%) и несоответствие вектора инновационного развития установленным приоритетам организации (21%), особую значимость имеет недостаток квалифицированного персонала (20%). Среди прочих факторов, сдерживающих инновационное развитие, в организациях отметили недостаток информации: о новых технологиях (12%) и рынках сбыта (11%) неразвитость кооперационных связей (10%).

⁵ The Global Innovation Index 2018: Energizing the World with Innovation. Cornell University, INSEAD, and the World Intellectual Property Organization, 2018.

⁶ Global innovation index 2020 // Who will finance innovation. Cornell University, INSEAD, and the World Intellectual Property Organization, 2020.

⁷ European Innovation Scoreboard 2018 – Main report [Электронный ресурс]. URL: ec.europa.eu/docsroom/documents/33147 (дата обращения 26 сентября 2021).

⁸ Индекс глобальной конкурентоспособности / Гуманитарный портал: Исследования [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index> (дата обращения 26 сентября 2021).

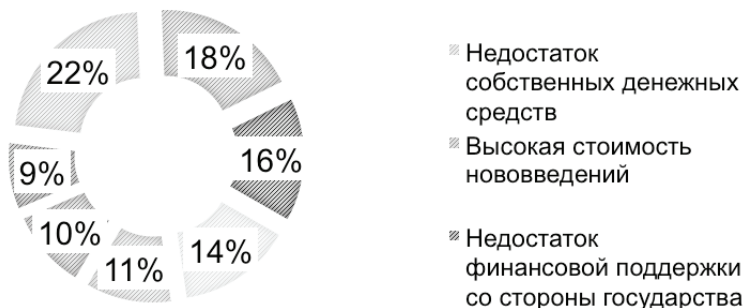

Рис. 1. Общеэкономические факторы, сдерживающие инновационное развитие.

Источник: Наука. Технологии. Инновации: 2021: Краткий сб. ст. М.: НИУ ВШЭ, 2021.

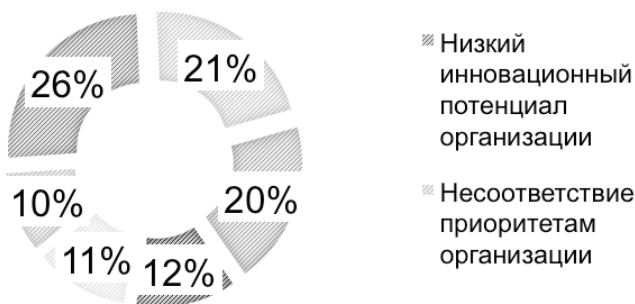

Рис. 2. Внутренние факторы, сдерживающие инновационное развитие.

Источник: Наука. Технологии. Инновации: 2021: Краткий сб. ст. М.: НИУ ВШЭ, 2021.

В исследовании корпорации McKinsey⁹ отмечается, что несоответствующая корпоративная культура и мотивация сотрудников к занятию инновационной деятельностью в высокотехнологичных

⁹ Инновации в России – неисчерпаемый источник роста [Электронный ресурс]. URL: https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Innovations%20in%20Russia/Innovations-in-Russia_web_lq-1.ashx, (дата обращения 26 сентября 2021).

организациях и «плохое понимание тенденций» в поле инновационного развития являются гораздо более значительными препятствиями на пути к реализации инновационного потенциала, чем отсутствие необходимой инфраструктуры, дефицит финансирования и негибкость бизнес-процессов; в статистическом сборнике «Наука. Технологии. Инновации: 2021» отмечается, что только одна из десяти компаний готова реализовывать инновационные решения и разработки.

Следует отметить, что в Российской Федерации основная доля затрат на инновационное развитие производится государством и на 2019 г. составляет 66%, что в среднем в три раза больше, чем у стран, занимающих первые позиции в рейтингах инновационного развития: в США, Китае, Корее и Японии доля государственного финансирования колеблется в пределах 20%¹⁰.

Значительное отставание России по показателям инновационного развития во многом обусловлено историческими предпосылками – так, перспективы стратегий инновационного развития, базирующиеся на роли государства как модератора коллективного действия, были отчасти поставлены под сомнение в связи с обстановкой глобального финансового и экономического кризиса, начавшегося в 2008 г. В «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020» отмечалось, что «более высокий приоритет имело поддержание макроэкономической стабильности, усиление социальной защиты и развитие отраслей социальной сферы, модернизация инфраструктуры», в то время как в зарубежных странах активно практиковалось снижение издержек за счет финансирования НТП. Так, в США в кризис более 800 млрд долларов было направлено на инвестиционное стимулирование экономики [Кушлин и др. 2017], достигнуты значительные успехи [Петровский и др. 2018] в области создания необходимой инфраструктуры и инновационной базы, стимулирования активности частного сектора и государственной поддержки приоритетных направлений НТР.

Аналогичные меры были приняты и в других странах ОЭСР, в Китае и Индии, своевременное принятие стимулирующих мер в условиях кризиса и ориентация на снижение издержек за счет финансирования НТП государствами явились одними из ключевых факторов последующего успеха.

Следует также отметить, что сегодня нацпроект «Цифровая экономика Российской Федерации» согласно исследованию

¹⁰ Наука. Технологии. Инновации...

Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН является

...единственным национальным проектом, успешную реализацию которого усилиями Правительства считают вероятной многие респонденты [Осипов и др. 2019].

Наиболее высока доля респондентов, высказавших мнение о том, что Правительство России обеспечит полностью ускоренное внедрение цифровых технологий в экономике и социальной сфере на период до 2024 г., среди возрастов 25–30 лет – 50,6% и 31–40 лет – 52,2%. Среди социально-профессиональных групп такое мнение разделили 66,7% руководителей организаций. Более того, российское общество в целом настроено скорее позитивно, чем негативно по отношению к проводимым органами власти экономическим реформам: 34% россиян относились к экономическим преобразованиям положительно [Великая, Шушпанова, Афанасьев 2021].

Инновационное развитие требует координации государственных, предпринимательских и научно-исследовательских структур в рамках коллективного действия (*collective action*). Британский исследователь закономерностей технического развития К. Перес отмечает, что в настоящий момент происходит переход «от агрессии к синергии» в рамках развертывания новой волны НТП [Кушлин и др. 2017], что подразумевает большую координацию научного прогресса в разных странах. Для РФ этот вывод означает необходимость отказа от установки узких целевых показателей, готовность к реализации научного прорыва по всему «технологическому фронтиру». Существует несколько моделей эффективного взаимодействия такого рода.

Одним из наиболее перспективных направлений организации коллективного действия в сфере НТП является государственно-частное партнерство (ГЧП). Практика использования этого института позволила выработать механизмы, позволяющие ориентировать ГЧП на достижение стратегических, долгосрочных, крупномасштабных и междисциплинарных задач. Значительным преимуществом государственно-частного партнерства является возможность действовать в рамках ограниченных бюджетных возможностей государства, растущей коммерциализации НИОКР. Для государства развитие ГЧП позволяет при поддержке бизнеса масштабировать социальные и экономические выгоды от государственных инвестиций в НИОКР, проводить более эффективную коммерциализацию результатов исследований, снижать издержки на инфраструктурное обеспечение научных исследований.

Заключение

Таким образом, в современных реалиях формируется новый контур глобального экономического пространства, где цифровые решения позволяют участникам рынка коммерциализировать инновации и получать возможность использования «дивидендов» инновационного развития. Среди общеэкономических и внутренних факторов, имеющих решающее значение в сдерживании инновационного развития, по мнению представителей организаций, основные проблемы развития лежат в области финансирования и незаинтересованности организаций реализовывать политику, направленную на инновации. Создание необходимой инфраструктуры и инновационной базы, стимулирование инновационной активности частного сектора и государственная поддержка приоритетных направлений научно-технического развития являются залогом успешного формирования НИС. Государственно-частное партнерство обеспечивает стабильную, устойчивую и самоподдерживающую модель научно-технического роста.

Литература

- Глущенко, Довгань 2021 – *Глущенко А.В., Довгань Е.А.* Реализация инновационных проектов как фактор повышения конкурентоспособности предприятий // Государственное и муниципальное управление: Ученые записки. 2021. № 1. С. 114–119.
- Великая, Шушпанова, Афанасьев 2021 – *Великая Н.М., Шушпанова И.С., Афанасьев В.А.* Образ будущего в массовом сознании граждан как фактор устойчивого социально-политического развития общества // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1. С. 64–77. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-64-77
- Кушлин и др. 2018 – *Кушлин В.И., Гапоненко Н.В., Ищенко Е.Г., Мельников Р.М., Фоломьев А.Н., Устенко В.С.* Государственное управление научно-инновационным развитием: новое в мировой практике / Ред. В.И. Кушлин. М.: Проспект, 2017. 272 с.
- Осинов и др. 2019 – Стратегия прорыва и цифровая реальность России: Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2019 году: коллективная монография / Под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской. М.: Перспектива, 2019. 786 с.
- Петровский и др. 2018 – *Петровский А.Б., Проничкин С.В., Стернин М.Ю., Шенелёв Г.И.* Национальная инновационная система США: характеристики, особенности, пути развития // Научные ведомости Белгородского государ-

- ственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2018. Т. 45. № 2. С. 323–352.
- Туккель, Яшин 2019 – Туккель И.Л., Яшин С.Н., Иванов А.А. Цифровая трансформация как важная часть инновационного развития // Инновации. 2019. № 3 (245). С. 45–50.
- Усатова, Владыка 2015 – Усатова Л.В., Владыка М.В. Формирование и развитие региональной инновационной системы: теория и практика. М.: Дашков и К, 2015.

References

- Glushchenko, A.V. and Dovgan', E.A. (2021), "Implementation of innovative projects as a factor in increasing the competitiveness of enterprises", *State and Municipal Administration. Scholarly Notes*, no. 1, pp. 114–119.
- Gokhberg, L.M. et al. (2021) *Nauka. Tekhnologii. Innovatsii: 2021: kratkii statisticheskiy sbornik* [Science. Technologies. Innovations: 2021. A short statistical collection], Gokhberg, L.M., Ditkovskii, K.A., Evnevich, E.I. and others; NIU VShE, Moscow, Russia
- Velikaya, N.M., Shushpanova, I.S. and Afanas'ev, V.A. (2021), "The image of the future in the mass consciousness of citizens as a factor of sustainable socio-political development of society", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1. pp. 64–77.
- Kushlin, V.I., Gaponenko, N.V., Ishchenko, E.G., Melnikov, R.M., Folomiev, A.N. and Ustenko, V.S. (2017), *Gosudarstvennoe upravlenie nauchno-innovatsionnym razvitiem: novoe v mirovoi praktike* [State management of scientific and innovative development. The new in world practice], Prospect, Moscow, Russia.
- Osipov et al. (2019), *Strategiya proryva i tsifrovaya real'nost' Rossii. Social'no-politicheskoe polozhenie i demograficheskaya situatsiya v 2019 godu* [Breakthrough strategy and digital reality of Russia. Socio-political situation and demographic situation in 2019], Osipov, G.V., Ryazantsev, S.V., Levashova, V.K. and Rostovskaya, T.K. (eds.), Perspektiva, Moscow, Russia.
- Petrovsky, A.B., Pronichkin, S.V., Sternin, M.Yu. and Shepelev, G.I. (2018), "National innovation system of the USA. Features, peculiarities, ways of development", *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Informatika*, vol. 45, no. 2, pp. 323–352.
- Tukkel, I.L., Yashin, S.N. and Ivanov, A.A. (2019), "Digital transformation as an important part of innovative development", *Innovatsii*, no. 3 (245), pp. 45–50.
- Usatova, L.V. and Vladyka, M.V. (2015), *Formirovanie i razvitie regional'noi innovatsionnoi sistemy: teoriya i praktika* [Formation and development of the regional innovation system. Theory and practice], Dashkov i K, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Элина О. Илларионова, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; 82ei82@gmail.com

Information about the author

Elena O. Illarionova, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; 82ei82@gmail.com

УДК 75.041.5

DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-131-147

Образ матери с ребенком в творчестве М.-Э. Виже-Лебрен во время пребывания в России

Иван А. Абрамкин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ivanabramkin@list.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению женских портретов кисти М.-Э. Виже-Лебрен, изображающих мать с ребенком и созданных в России. Данная группа произведений представляет собой важное явление для понимания отечественной традиции семейного портрета – разновидности жанра, которая получает значительное развитие именно на рубеже XVIII–XIX вв. при активном участии иностранных мастеров. Внимательное изучение портретов способствует выявлению их отличительных особенностей, к числу которых относятся тщательность в написании интерьера, нейтральность портретной характеристики и сдержанность проявления материнских чувств. Эти черты позволяют не только определить художественную специфику семейного портрета в творчестве М.-Э. Виже-Лебрен, но и понять значение произведений для заказчика. Для русских женщин того времени представление себя с ребенком являлось одной из форм репрезентативного портрета, который подчеркивал ее образ матери и тем самым предполагал возвеличивание модели, сочетая приемы парадного и камерного изображения.

Ключевые слова: М.-Э. Виже-Лебрен, портрет, сентиментализм, русское искусство, XVIII век, образ матери

Для цитирования: Абрамкин И.А. Образ матери с ребенком в творчестве М.-Э. Виже-Лебрен во время пребывания в России // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 3. С. 131–147. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-131-147

The image of mother with child in art of Vigee Le Brun during her stay in Russia

Ivan A. Abramkin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
ivanabramkin@list.ru*

Abstract. The object of the article is considering female portraits by Vigée Le Brun, presenting the mother with child and created in Russia. That group of masterpieces constitutes an important phenomenon for the understanding of national tradition in a family portrait – a type of genre which markedly develops just at the turn of 18th–19th centuries with active participation of foreign painters. A close examination of portraits contributes to the identification of specific features which included the thoroughness of interior's depiction, the neutrality of portrait characteristic and the moderation in the display of maternal feelings. Those features give an opportunity not only to determine an artistic expression of family portrait in the work of Vigee Le Brun, but also to understand a value of masterpieces for the client. For Russian women of the epoch the presentation of Self with a child became a type of revealing portrait which emphasized her image of mother and assumed the exaltation of a model by combining methods of ceremonial and chamber picture.

Keywords: Vigee Le Brun, portrait painting, sentimentalism, Russian art, 18th century, image of mother

For citation: Abramkin, I.A. (2021), “The image of mother with child in art of Vigee Le Brun during her stay in Russia”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 131–147, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-131-147

Рассмотрение произведений, написанных М.-Э. Виге-Лебрен в России и представляющих мать с ребенком, является недостаточно изученным аспектом в отечественном искусствознании, хотя актуальность данной темы представляется бесспорной сразу с нескольких точек зрения. С одной стороны, эта группа портретов позволяет в наибольшей степени получить представление о живописной манере французской художницы после приезда в Россию: уже в 1794–1795 гг. М.-Э. Виге-Лебрен исполнила два женских портрета с изображением детей, тогда как первые примеры представления моделей на фоне природы или в интерьере появились только в 1796 г. С другой стороны, исследование произведений, изображающих мать с ребенком, способствует выявлению значения искусства французской художницы в отечественной культуре

на рубеже XVIII–XIX вв.: начало пребывания М.-Э. Виже-Лебрен в Петербурге связано с поступлением заказов именно на исполнение семейного портрета, который не был настолько популярен в России в 1790-е гг. Последние годы отмечены появлением публикаций о проблематике семейного портрета в России XVIII в. [Колмогорова 2016], которые тем не менее имеют обзорный характер и недостаточно подробно представляют художественную специфику данной разновидности жанра.

Незначительное место семейного варианта изображения в искусстве XVIII в. было обусловлено объективными трудностями освоения двойного и группового портрета в отечественной традиции, возникшей в эпоху Петра I: отношение к портрету как к лику препятствовало привнесению жанровых мотивов, принижающих образ по эстетическим представлениям эпохи [Агратина 2009, с. 132], поэтому самый распространенный способ объединения нескольких произведений заключался в их группировке *en pendant*, что позволяло совместить обособленность каждого в отдельности с художественной выразительностью целого [Яблонская 1978, с. 144]. В связи с этим изображение супругов или матери с ребенком в двойном портрете, обладающее наибольшей личной близостью, практически не встречается вплоть до 1790-х гг., когда отечественная культура получает общеевропейский вариант семейного портрета с признаками полупарадной формы благодаря деятельности иностранных художников в России.

Главными представителями россики указанного периода, сыгравшими особую роль в развитии данной разновидности портретного изображения, являлись И.-Б. Лампи-Старший, М.-Э. Виже-Лебрен и Ж.-Л. Монье. Эти художники стремились к созданию парадного образа, в котором сочетание акцента на знатном статусе модели с демонстрацией ее семейных добродетелей свидетельствовало «об интересе к таким качествам и отношениям человека, которые раньше оставались скрытыми, неважными для художественного осмысления» [Яблонская 1978, с. 149], и воплощалось, в первую очередь, силами иностранных художников. При этом специфика изображения матери с ребенком состояла в композиционном и содержательном подчинении младшего старшему, воспринимающегося в качестве взрослого, что проявлялось в costume, прическе и манере держаться по правилам светского тона.

Первым семейным портретом кисти М.-Э. Виже-Лебрен, имеющим отношение к русскому этапу ее творчества, является «Портрет А.П. Голицыной с сыном» (1794; ГМИИ: Москва, Россия). Александра Петровна Голицына (1774–1842), урожденная Протасова, была дочерью сенатора, генерал-поручика Петра Степановича Протасова

(1730–1794) и в связи с ранней смертью матери воспитывалась в доме у тетки Анны Степановны Протасовой (1745–1826) – камер-фрейлины и личного друга императрицы Екатерины II [Elisabeth-Louise Vigée Le Brun 2015, p. 267]. Спустя некоторое время она была пожалована во фрейлины и в 1791 г. вышла замуж за шталмейстера, тайного советника князя Алексея Андреевича Голицына (1767–1800), скорая смерть которого сильно ее потрясла и вызвала потребность найти утешение, которым для нее стало католичество¹, официально принятое намного позднее, в 1818 г. Художница представляет фигуру А.П. Голицыной сидящей на диване фронтально по отношению к зрителю и держащей на руках ребенка, который опирается коленями на ноги матери и прижимается к ней телом. По сравнению с автопортретами, написанными во Франции и исследованными автором ранее [Абрамкин 2020a], данное произведение отличается более выраженной репрезентацией модели.

Во-первых, особенности расположения фигур свидетельствуют о значительном внимании М.-Э. Виже-Лебрен к подробному написанию интерьера, что особенно заметно при сопоставлении с автопортретом 1786 г., имеющим также интерьерный характер. В произведении, созданном до эмиграции, художница использует укрупненный масштаб изображения и неопределенный фон, что приводит к фрагментации пространства и акцентирует эмоциональную связь, существующую между матерью и ребенком. В «Портрете А.П. Голицыной» М.-Э. Виже-Лебрен представляет фигуры в меньшем масштабе, что расширяет пространство произведения: так, диван, на котором сидят мать с ребенком, написан более подробно, с изображением подушки в левой части и с оставлением свободного места – в правой (здесь стоит упомянуть о любви самой художницы к роскошным длинным диванам и кушеткам, которые были настолько удобны, что она не могла больше сидеть в креслах [Виже-Лебрен 2004, с. 52]). Эта разреженность в расположении фигур сочетается с большей композиционной четкостью заднего плана: пилястры, написанные по краям произведения, не только фиксируют границы портретного пространства, но и имеют едва заметный наклон в нижней правой части, усиленный светотеневой моделировкой в левой части, что акцентирует изображение матери с ребенком в центре портрета. Более того, выбор пилястр в качестве мотива для написания заднего плана, исполненных с тональными градациями серовато-бежевого цвета и тем самым напоминающих

¹ Историко-художественная выставка русских портретов, устраиваемая в Таврическом дворце, в пользу вдов и сирот павших в боях воинов: Илл. каталог-реконструкция. Вып. I. М.: Минувшее, 2016. С. 296.

грязиль, свидетельствует об обращении к античным архитектурным мотивам, которые придают интерьеру основательность и парадный оттенок [Hautesoeur 1914, p. 36].

Во-вторых, характер изображения матери с ребенком также не лишен парадных черт. Обращает на себя внимание поза, в которой представлены модели: если А.П. Голицына имеет легкий разворот фигуры в левую сторону, то ее сын – в правую сторону, навстречу матери, что усиливает композиционную выразительность их расположения и придает единство изображению. Однако избранная художницей поза характеризуется не только убедительностью, но и некоторой искусственностью. Поза ребенка сильно напоминает детские образы мифологической живописи классицизма – ангелов, что придает его изображению оттенок условности. Более того, рука А.П. Голицыной, которая придерживает ребенка, написана практически по центру произведения и демонстрирует скорее готовность защитить ребенка, чем нежность проявления чувств, так как ее резкая и убедительная трактовка оказывается намного выразительнее лица матери, не проявляющего каких-либо эмоций. Подобная убедительность в изображении движения во многом связана со звучным колоритом: яркое пурпурное платье и голубой платок А.П. Голицыной не только напоминают образ Девы Марии [Elisabeth-Louise Vigée Le Brun 2015, p. 267], усиливающий тему материнства, но и оживляют всю композицию, придавая энергичность позе. Чувство цвета было одним из главных достоинств живописи М.-Э. Виж-Лебрэн в глазах современников и проявлялось в простоте сочетаний и ясной трактовке полутонов [Helm 1915, p. 103], что дает основания некоторым исследователям видеть в художнице предтечу Ж.-О.-Д. Энгра [Goodden 1997, p. 316]. Ощущение подвижности, вызванное цветовым решением в «Портрете А.П. Голицыной», поддерживается трактовкой ткани: так, шаль, оформляющая ее прическу, опадает широкими складками, которые мягко и деликатно обвивают ее фигуру.

Таким образом, «Портрет А.П. Голицыной с сыном» демонстрирует некоторые репрезентативные черты. Подробное изображение интерьера с пилястрами на заднем плане придает пространству ясность и убедительность, тогда как трактовка фигур, несмотря на композиционное единство, отличается некоторой искусственностью, при которой наиболее важным оказывается не отражение нежных чувств, имеющих индивидуальный характер в данной семье, а выразительная репрезентация матери как определенного портретного типа, что говорит о парадном характере произведения.

Следующим произведением, созданным М.-Э. Виж-Лебрэн в России, является «Портрет Е.Н. Меншиковой с дочерью» (1795;

Национальная галерея Армении, Ереван). Екатерина Николаевна Меншикова (1764–1832), урожденная Голицына, была дочерью обер-гофмаршала князя Николая Михайловича Голицына (1727–1787) и Екатерины Александровны (1728–1769), урожденной Головиной, и вышла замуж за действительного тайного советника и сенатора Сергея Александровича Меншикова (1746–1815)². Этот портрет по живописным особенностям значительно отличается от предыдущего произведения. Художница изображает модель в покатом срезе сидящей на стуле за пианино и повернутой лицом к зрителю с ребенком на руках. Данный портрет производит очень умиротворенное впечатление, достигнутое разнообразием использованных художественных средств.

Во-первых, М.-Э. Виж-Лебрен создает гармоничную среду для спокойного пребывания фигур в пространстве. В левом углу портрета располагается пианино с нотами на его верхней крышке, которые соответствуют изображению головы ребенка, а в правом углу виднеется край стула с широкой спинкой – оба этих интерьерных мотива не только заполняют края произведения, создавая единство переднего плана изображения, но и придают пространству умиротворенный характер частной семейной жизни. Неопределенный задний фон, выполненный в сероватых оттенках, дополнительно акцентирует первый план произведения и усиливает ощущение умиротворенности, которое возникает благодаря как интерьерным деталям, так и особенностям расположения фигур. Так, изображение матери с ребенком имеет явные пирамидальные очертания, создаваемые разворотом колен Е.Н. Меншиковой в правую сторону, а также ниспадающим характером широкой и свободной шали, что обуславливает спокойствие и ясность композиции.

Во-вторых, подобная умиротворенность связана не только с композиционно-пространственными, но и с колористическими средствами, использованными М.-Э. Виж-Лебрен. Художница пишет интерьерную часть портрета в блеклой цветовой гамме, состоящей из сероватых, коричневатых и изумрудных оттенков, а для трактовки фигур избирает более яркие и светлые тона: платье Е.Н. Меншиковой написано в голубоватых оттенках, ее шаль – в светло-красных, а платье дочери – в салатových. Такое колористическое решение акцентирует изображение матери и ребенка и при этом наделяет их позы спокойствием, во многом обусловленным соответствием светлых оттенков естественному характеру освещения, которое деликатно выявляет контуры фигур.

² Историко-художественная выставка русских портретов... С. 308.

В-третьих, умиротворенность и естественность, свойственные композиционно-пространственным и колористическим средствам, остаются важной составляющей портретной характеристики. Изображение матери с ребенком представляет собой единое пластическое целое и сохранение ощущение натуроподобия: движения фигур, в отличие от «Портрета А.П. Голицыной», имеют плавный характер и телесную убедительность. Изображения лиц также отмечены внутренним спокойствием: Е.Н. Меншикова слегка склоняет голову в левую сторону, тогда как ребенок с надеждой и любовью поднимает глаза на мать, а мягкость и естественность светотеневой моделировки лиц органично соответствует нежности и деликатности чувств, существующих между фигурами.

Таким образом, «Портрет Е.Н. Меншиковой» является замечательным образцом искусства М.-Э. Виж-Лебрэн, в котором такие черты, как умиротворенность общего состояния, естественность изображения и деликатность чувств оказываются выраженными различными живописными средствами (композиционно-пространственные решения, колористические акценты, нюансы портретной характеристики) и представляют собой художественный синтез, проявляющийся в единстве неуловимого эмоционального состояния и определенности его пластического воплощения.

Следующим произведением является «Портрет С.В. Строгановой с сыном» (1798–1800; ГМИИ: Москва, Россия). Софья Владимировна Строганова (1775–1845), урожденная Голицына, была дочерью дипломата и военного Владимира Борисовича Голицына (1731–1799) и «усатой княгини» Натальи Петровны (1741–1837), урожденной Чернышевой, которая воспитывала ребенка за границей до 15 лет. В 1793 г. она вышла замуж за будущего члена Негласного комитета Павла Александровича Строганова (1774–1817), а через год – родила первого ребенка, сына Александра. После воцарения Павла I семья переехала в Петербург и участвовала в придворной жизни великокняжеского кружка, а С.В. Строганова стала близкой подругой будущей императрицы Елизаветы Алексеевны и отличалась высокими моральными добродетелями, отказываясь не только от придворных отличий, но и от ухаживаний Александра I.

Главным в жизни С.В. Строгановой была любовь к мужу и забота о детях, отраженная в нежной и лиричной переписке между супругами, поэтому настоящей трагедией для семьи стала смерть единственного сына Александра Павловича (1794–1814), изображенного на портрете: муж не выдержал потери и умер через несколько лет, а вдова продемонстрировала чудеса душевной стойкости, наладив административно-хозяйственные дела в большом майорате. «Портрет С.В. Строгановой с сыном» по внешним типо-

логическим признакам соответствует рассмотренным выше примерам, воплощающим образ матери на русском этапе ее творчества. Художница изображает модель в поколенном срезе сидящей на диване и развернутой в левую сторону с ребенком на руках, который, в отличие от предыдущих портретов, не сидит на коленях матери, а, будучи еще младенцем, лежит в ее объятьях.

М.-Э. Виж-Лебрен на первый взгляд уделяет незначительное внимание созданию интерьера, который, тем не менее, занимает важное место в организации композиции. Так, глубокий изумрудный тон дивана, написанного без выявления каких-либо деталей, и неопределенный зеленоватый цвет заднего плана воспринимаются как общий фон для демонстрации фигур. Более того, это единство, присущее трактовке интерьера, проявляется не только колористически, но и композиционно: граница между диваном и задним фоном проходит ровно по середине изображения и тем самым образует горизонтальную ось всего произведения. Подобная геометрическая ясность построения, свойственная портрету, оказывается еще более выразительной благодаря особенностям расположения фигур. Изображение матери с ребенком имеет пирамидальные очертания, даже более явные, чем в «Портрете Е.Н. Меншиковой»: шаль на голове С.В. Строгановой равномерными складками ниспадает по обеим сторонам, и даже голова ребенка, лежащего на руках матери, не выступает за границы этой пирамиды. Иными словами, выверенность композиционного решения, выраженная в четком геометрическом построении интерьера и в пирамидальных очертаниях группы матери с ребенком, придает изображению простоту, ясность и убедительность.

Трактовка фигур в такой же степени, как и композиция, отмечена лаконичностью и выразительностью. М.-Э. Виж-Лебрен использует зеленый, коралловый и белый оттенки для изображения матери с ребенком: зеленый дополняет по тону интерьер, а коралловый и белый позволяют добиться яркости и при этом некоторой сдержанности общего решения, свойственной и портретной характеристике. Так, лицо С.В. Строгановой написано с умеренной светлотой и с выявлением всех физиогномических черт, а движения рук, держащих младенца, демонстрируют телесную убедительность и естественность. Ребенок же свободно и спокойно лежит на руках у матери, поднимая глаза на нее в ожидании защиты и заботы. Тем не менее в произведении присутствует ощущение некоторого напряжения и отстраненности, которое лишает образ парадных черт и, возможно, обусловлено биографическими фактами в период создания портрета: существующее представление о семейной гармонии у четы Строгановых не соответствует сведениям из воспоминаний

М.-Э. Виж-Лебрен, упоминая об увлечении мужа французской актрисой [Виж-Лебрен 2004, с. 56–57], что стало потрясением для жены и источником глубоких страданий, поэтому могло повлиять на лаконичность и необычность художественного решения.

Таким образом, «Портрет С.В. Строгановой» свидетельствует о значительно большем внимании М.-Э. Виж-Лебрен к построению геометрически ясной и убедительной композиции по сравнению с портретной характеристикой, что позволяет художнице создать крайне лаконичный, сдержанный, но при этом выразительный облик матери.

Следующим произведением, представляющим другой вариант интерпретации семейной темы, является «Портрет Е.С. Самойловой с детьми» (1797; ГЭ: Санкт-Петербург, Россия). Екатерина Сергеевна Самойлова (1763–1830), урожденная Трубецкая, была дочерью князя Сергея Алексеевича Трубецкого (1731–1777), в 1782 г. пожалована во фрейлины, а в 1786 г. – выдана замуж за графа Александра Николаевича Самойлова (1744–1814) – генерал-прокурора и племянника светлейшего князя Г.А. Потёмкина [Mazzosca, Pancheri, Casagrande 2001, p. 268]. Именно близость к столь влиятельному человеку определила ее незавидную репутацию в Петербурге и сдержанные отношения в семье [Elisabeth-Louise Vigée Le Brun 2015, p. 282]: так, к моменту написания портрета супруги фактически жили отдельно друг от друга. Тем не менее Е.С. Самойлова являлась разносторонней личностью: она сочетала в себе стремление к щегольству, активный и властный характер, а также нежное и любящее отношение к детям. Несмотря на свою неоднозначную репутацию в свете, графиня воспитывала дочерей в строгости, прекрасно осознавая на личном примере пагубное влияние рассеянной светской жизни, и не разрешала им отдельно выезжать без своего согласия.

В отличие от предыдущих произведений, в данном случае М.-Э. Виж-Лебрен представляет модель в полный рост с подробнымписанием интерьера, что свидетельствует о парадной программе портрета. Художница демонстрирует большое мастерство в организации композиции, имеющей усложненный характер. Е.С. Самойлова изображена в открытой части дома, с видом парка в правом углу произведения, сидящей на диване в окружении двух детей: слева мальчик, младший из них, стоит на подставке у дивана, держа мать за руку, тогда как справа дочь, старшая из них, опирается руками на него и смотрит в их сторону. Фигуры представлены в богатом и тщательно написанном интерьере: фоном для них служит угловая стена дома, имеющая античные мотивы (пилястры, картуши), а само пространство отличается разнообразием пред-

метов, придающих обстановке индивидуализированный характер. Наиболее интересным элементом является изображенная в левой части консоль, которая, во-первых, накрыта пышной розовой шалью, выступающей своеобразным занавесом для фигуры льва, расположенной в тени внутри, а во-вторых – выступает в роли опоры для курильницы, испускающей легкий дым в сторону фигурной группы. Этот сложносочиненный мотив имеет большое значение, так как выделяет передний план изображения и противопоставлен изображению парка в правой части портрета, тем самым привнося в пространственные отношения легкое диагональное движение, оживляющее расположение фигур.

Другие предметы, представленные на портрете, позволяют не только наполнить интерьер, но и усилить некоторые акценты в произведении: так, пышная подушка для ног Е.С. Самойловой фиксирует позу фигуры и ее легкий разворот в левую сторону, два клубка пряжи изумрудного и алого цвета чуть правее подушки соотносятся с куском ткани, лежащим на коленях матери, и свидетельствуют о ее занятиях шитьем в данный момент (работа над тканью еще не закончена, что понятно благодаря продетой нитке), а еще чуть правее представлена дочка, в подоле платья которой находятся цветы, соответствующие, в свою очередь, изображению цветов в парке и тем самым выступающие своеобразным переходом между интерьером и природой. Все вышеперечисленные мотивы имеют не только композиционные, но и колористические связи, так как написаны в разнообразных вариациях зеленого и красного тонов, что служит дополнительным средством для придания единства изображению.

Отношения между фигурами, представленными на портрете, отмечены не меньшей продуманностью внутренней организации. Во-первых, взгляды моделей создают сложную перекличку в пространстве произведения: мальчик, стоящий в обнимку с мамой и изображенный в профиль, поворачивает голову и смотрит прямо на зрителя, тогда как мать семейства слегка склоняет голову и обращает взгляд на сына, а дочь представлена отдельно от матери с братом и смотрит на них обоих так, как будто только что пришла из парка, на что указывают цветы в подоле платья. Подобная игра взглядов соответствует диагональному построению композиции, что усиливает единство пространственной организации портрета и изображения семейной группы. Более того, включение общего сюжетного мотива в изображение фигур является важным условием для более естественной демонстрации их взаимоотношений, «которые выступают причиной совместного позирования» [Яблонская 1978, с. 138]. Во-вторых, движения фигур выполнены М.-Э. Виж-

Лебрен в общей манере: Е.С. Самойлова одной рукой нежно держит руку своего сына, а второй обхватывает его за плечо, а дочь мягко облакачивается о диван одной рукой и аккуратно держит подол платья – все эти жесты обладают округлыми очертаниями, что придает позам моделей естественность и непринужденность.

Таким образом, «Портрет Е.С. Самойловой» представляет собой пример семейного группового портрета со сложной программой, которая была виртуозно реализована М.-Э. Виже-Лебрен. Художница уделяет значительное внимание подробному написанию пространства, включающего в себя как интерьер с тщательным изображением предметов, так и вид парка, расширяющий границы произведения. Продуманности окружающей среды органично соответствует и расположение фигур, которые образуют внутреннее единство благодаря игре взглядов и характеру движений и при этом исполнены внутреннего неоконченного движения, вызванного некоторыми повествовательными акцентами (цветы в подоле платья дочери, нить, продетая в ткань на коленях Е.С. Самойловой) и потому поддерживающего диагональный импульс, заложенный в композиционном построении портрета. Иными словами, данное произведение органично сочетает задачу убедительного представления благородной и богатой семьи, которое проявляется в большом внимании к предметной составляющей, с задачей отражения чувства семейного единения, достигнутого благодаря соответствию композиционно-пространственных принципов изображения особенностям координации фигур. Все вышесказанное позволяет отнести данное произведение к лучшим групповым семейным портретам, созданным М.-Э. Виже-Лебрен в России.

Последним произведением в этой группе, написанным на русском этапе ее творчества, является «Портрет А.С. Строгановой с сыном» (1795–1801; ГЭ: Санкт-Петербург, Россия). Баронесса Анна Сергеевна Строганова (1765–1824), урожденная Трубецкая, была дочерью князя Сергея Алексеевича Трубецкого (1731–1777)³, родной сестрой графини Е.С. Самойловой (1763–1830), портрет которой с детьми был рассмотрен выше, и в 1791 г. вышла замуж за дипломата Григория Александровича Строганова (1770–1857). Это произведение отличается от всех образов матери, рассмотренных ранее. Художница изображает мать с ребенком в поясном срезе и в трехчетвертном развороте на фоне природы в правой части произведения и с античной колонной – в левой. Изучение истории создания данного произведения позволит объяснить художественное решение, которое оказывается

³ Историко-художественная выставка русских портретов... С. 305.

несвойственным для групповых семейных портретов, созданных М.-Э. Виж-Лебрен в России.

Первоначальный замысел художницы заключался в погрудном изображении матери с ребенком, при котором главными в портрете оказывались лица моделей, не имеющие каких-либо дополнительных внешних средств портретной характеристики, будь то поза, жесты или интерьер. Затем замысел произведения был изменен в сторону большей подробности общего решения [Elisabeth-Louise Vigée Le Brun 2015, p. 268], поэтому М.-Э. Виж-Лебрен дополняет портрет написанием фигуры А.С. Строгановой до колен, представлением ребенка в полный рост стоящим на коленях у матери и написанием античной колонны в левой части картины. В результате художница создает образ, имеющий мало общего по формально-типологическим признакам с предыдущими произведениями и отдаленно напоминающий только «Автопортрет» 1786 г., который обладает некоторой фрагментарностью художественного решения.

Несмотря на более ограниченный диапазон изобразительных средств, вызванный избранным решением, М.-Э. Виж-Лебрен создает достаточно убедительный образ. Во-первых, художница демонстрирует мастерство в организации композиции. Изображение матери с ребенком в самом центре портрета акцентировано благодаря особенностям окружающего их пространства: античная колонна в левом углу не только фиксирует задний план произведения, имеющий достаточно открытый характер из-за вида природы в правом углу, но и выступает в роли своеобразной опоры для фигур, развернутых в левую сторону, тогда как верхний край стены, написанной за их спинами, проходит как на уровне талии А.С. Строгановой, так и ровно по центральной оси изображения ее руки, которая надежно и уверенно придерживает ребенка, тем самым придавая семейной группе убедительность. Эти композиционные нюансы обуславливают фрагментированный характер произведения, так как вид природы, служащий фоном для написания фигур и четко ограниченный вертикальной (античная колонна) и горизонтальной (край стены) осями, напоминает комнату с видом на окно и тем самым усиливает интерьерные черты данного произведения.

Во-вторых, М.-Э. Виж-Лебрен достигает выразительности в трактовке моделей. Художница использует естественное и ровное освещение, которое позволяет ей мягко и деликатно моделировать лица фигур. Движения А.С. Строгановой отличаются пластической убедительностью и некоторой величавостью, тогда как ребенок представлен в сложном развороте, который подчеркивает гибкость фигуры и при этом не препятствует телесной достоверности, далекой от искусственности детских изображений в некоторых

предыдущих произведениях. Свойственная фигурам пластическая убедительность вызывает ощущение спокойствия их внутреннего состояния, которое во многом обусловлено направлением взглядов в правый угол, за пределы произведения: зритель оказывается как будто лишним в этой сцене семейного уединения, имеющей явные камерные оттенки.

Таким образом, «Портрет А.С. Строгановой» является любопытным примером того, как художник изменяет первоначальный замысел портрета, расширяя его решение. И следует сказать, что М.-Э. Виж-Лебрэн замечательно справляется с этой непростой задачей: продуманная организация композиции позволяет не только выделить изображение матери с ребенком в центре, но и добиться интерьерного эффекта в написании природы, а уверенная пластическая моделировка фигур вкупе с направлением их взглядов в сторону способствует независимости и отрешенности от зрителя, что придает образу матери оттенки камерной характеристики.

Итак, рассмотрение семейных портретов, представляющих мать с ребенком и созданных М.-Э. Виж-Лебрэн в России, позволяет прийти к выводу о наличии как общих, так и различных черт. Одной из главных особенностей является сочетание определенного типа, чуть превышающего поколенный срез изображения, с написанием модели в интерьере. Только два портрета не соответствуют этой тенденции: «Портрет Е.С. Самойловой с детьми» представляет фигуры в полный рост, а «Портрет А.С. Строгановой с сыном» – в поколенном срезе, который является измененным и расширенным вариантом первоначального замысла с погрудным изображением. Однако в данном случае исключения скорее подтверждают правило, чем опровергают вышеуказанную тенденцию: эти произведения свидетельствуют о легких отклонениях от господствующего типа портрета, которые могут быть объяснены творческими поисками вариаций для достижения большей выразительности в семейных портретах. Эта мысль косвенно подтверждается тем фактом, что именно в «Портрете Е.С. Самойловой» и «Портрете А.С. Строгановой» М.-Э. Виж-Лебрэн включает в произведения изображение природы, что обогащает и усложняет портретную программу.

Внимательное изучение произведений позволяет выявить не только типологическое сходство, но и общий подход в создании образа. Так, во многих произведениях художница использует принципы пирамидального построения в изображениях матери с ребенком, что обуславливает ясность композиции и убедительность расположения фигур («Портрет Е.Н. Меншиковой с дочерью», «Портрет С.В. Строгановой с сыном»). Кроме того, некоторые портреты отличаются особенной продуманностью композиционного

решения даже в ситуации крайне сложной портретной программы («Портрет Е.С. Самойловой с детьми») или в случае резкого изменения пожеланий заказчика («Портрет А.С. Строгановой с сыном»), что подтверждает высокий профессиональный уровень М.-Э. Виже-Лебрен, готовой решать самые сложные живописные задачи.

Выявление общих черт свидетельствует о единстве творческих принципов, свойственных искусству французской художницы, но именно выявление различий в трактовке образа матери позволит уяснить личное отношение мастера к данному типу изображения, которое определяет эмоциональную окраску портретной характеристики. Наиболее простым способом для выявления различий представляется разделение портретов на парадные и камерные, которое, тем не менее, оказывается непродуктивным и непоказательным в случае М.-Э. Виже-Лебрен: преобладание парадной или камерной характеристики относится в той или иной степени к разным произведениям: так, к числу парадных образов следует отнести «Портрет А.П. Голицыной с сыном» и «Портрет Е.С. Самойловой с детьми», к числу камерных – «Портрет Е.Н. Меншиковой с дочерью», «Портрет А.С. Строгановой с сыном», «Портрет С.В. Строгановой с сыном». Тем не менее на примере творчества М.-Э. Виже-Лебрен возможно выявление некоторых устойчивых приемов, сочетание которых определяет преимущественно парадный или камерный характер образа: яркий, звучный или более сдержанный тональный колорит; подвижность или мягкость в трактовке тканей; убедительная напряженность или естественность движений и поз (более подробное описание типичных черт портретной живописи на рубеже XVIII–XIX вв. представлено в другой публикации автора [Абрамкин 2020b, с. 108]).

Итак, ключевым моментом для выявления специфики в интерпретации образа матери должна быть не принадлежность к парадному или камерному типу портрета, а общая особенность, присутствующая во всех произведениях и, тем не менее, определяющая принципиальное различие образов. Такой особенностью оказывается трактовка интерьера: в рассмотренных портретах этот аспект играет разнообразную роль, будучи то предельно условным («Портрет С.В. Строгановой с сыном»), то разработанным с разной степенью подробности («Портрет А.П. Голицыной с сыном», «Портрет Е.Н. Меншиковой с дочерью», «Портрет Е.С. Самойловой с детьми») или даже усложненным с помощью изображения природы («Портрет Е.С. Самойловой с детьми», «Портрет А.С. Строгановой с сыном»). Более того, образы женщин с детьми, созданные М.-Э. Виже-Лебрен в России, отмечены некоторой сдержанностью

в выражении чувств, которая проявляется в искусственности поз, в нейтральности портретной характеристики, в обобщенности трактовки группы, в которой каждая из моделей не представляет индивидуально выразительную фигуру.

Выявленные выше черты, свойственные образам матери с ребенком, позволяют сделать выводы о значении темы материнства для заказчика, что способствует более целостному пониманию особенностей отечественной культуры на рубеже XVIII–XIX вв. Семейные портреты, созданные М.-Э. Виж-Лебрен в России, отличаются нейтральностью портретной характеристики, сдержанностью проявления материнских чувств и большим вниманием к написанию интерьера, что демонстрирует одну важную тенденцию искусства того времени. Для заказчика, то есть для женщин, портрет, изображающий мать с ребенком, представлял собой одну из форм репрезентативного портрета, который подчеркивал статус женщины как матери, ценимый современниками на рубеже XVIII–XIX вв., и тем самым предполагал возвеличивание модели. Это позволяет отнести семейный портрет к промежуточному типу в классификации портретного жанра, располагающемуся на грани парадного и камерного изображения, особенности которых были более подробно рассмотрены автором ранее [Абрамкин 2020с, с. 118, 122].

Отсутствие устойчивой традиции создания семейного портрета в отечественной традиции обуславливает разнообразие его типологических вариантов в творчестве М.-Э. Виж-Лебрен, которое соответствовало задачам россики на рубеже XVIII–XIX вв.: произведения иностранных мастеров не только «восполняли недостающие звенья внутрижанровой структуры отечественной живописи», но и «удовлетворяли возникшие потребности отдельных заказчиков» [Яблонская 1978, с. 147]. Таким образом, распространение семейного портрета свидетельствовало о кризисе взаимоотношений человека и общества и о поиске новых выразительных форм в искусстве, а роль М.-Э. Виж-Лебрен в данном историко-культурном процессе, отраженная в ее произведениях, может быть названа определяющей для русского искусства на рубеже XVIII–XIX вв.

Литература

- Абрамкин 2020а – Абрамкин И.А. Автопортреты М.-Э. Виж-Лебрен с ребенком: Интерпретация образа матери в 1780-е годы // Артикульт. 2020. № 37 (1). С. 26–33.

- Абрамкин 2020b – *Абрамкин И.А.* Портретная концепция русского сентиментализма: принципы изображения модели в творчестве ведущих мастеров 1790-х годов // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2020. № 3 (ч. 1). С. 96–112.
- Абрамкин 2020c – *Абрамкин И.А.* Типологические характеристики парадного и камерного изображения в русской портретной живописи XVIII века // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 4. С. 112–127.
- Агратина 2009 – *Агратина Е.Е.* Александр Рослин и русская художественная среда: Дис. ... канд. иск. М., 2009. 367 с.
- Виже-Лебрен 2004 – *Виже-Лебрен Э.* Воспоминания г-жи Виже-Лебрен о пребывании ее в Санкт-Петербурге и Москве: 1795–1801. СПб.: Искусство-СПБ, 2004. 297 с.
- Колмогорова 2016 – *Колмогорова Е.Е.* Семейный портрет в России XVIII века и общеевропейское художественное наследие // Актуальные проблемы теории и истории искусства: Сб. науч. статей. Вып. 6 / Под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. СПб.: НП-Принт, 2016. С. 543–551.
- Яблонская 1978 – *Яблонская Т.В.* Классификация портретного жанра в России XVIII века (к проблеме национальной специфики): Дис. ... канд. иск. М., 1978. 205 с.
- Elisabeth-Louise Vigée Le Brun 2015 – Elisabeth-Louise Vigée Le Brun. Catalogue de l'Exposition. Paris, Grand Palais: Editions de la Réunion des musées nationaux, 2015. 384 p.
- Goodden 1997 – *Goodden A.* The Sweetness of Life, A biography of Elisabeth Vigée Le Brun. London: André Deutsch, 1997. 384 p.
- Hautecoeur 1914 – *Hautecoeur L.* Madame Vigée-Lebrun: étude critique. Paris: Laurens, 1914. 128 p.
- Helm 1915 – *Helm W.H.* Vigée-Lebrun 1755–1842: Her Life, Works and Friendships, with a catalogue raisonné of the artist's pictures. London: Hutchinson & Co., 1915. 232 p.
- Mazzocca, Pancheri, Casagrande 2001 – *Mazzocca F., Pancheri R., Casagrande A.* Un ritrattista nell'Europa delle corti: Giovanni Battista Lampi 1751–1830. Catalogo della mostra. Trento, 2001. 366 p.

References

- Abramkin, I.A. (2020a), "Self portraits with a child by Vigee Le Brun. The interpretation of the Image of Mother in 1780s", *Art&Cult*, no. 37 (1), pp. 26–33.
- Abramkin, I.A. (2020b), "Portrait conception of Russian sentimentalism: principles of model's representation in the art of leading painters in 1790s", *Decorative Art and environment. Gerald of the MGHPA*, no. 3, pp. 96–112.

- Abramkin, I.A. (2020c), "Typological characteristics of ceremonial and chamber image in Russian portrait painting of 18th Century", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 112–127.
- Agratina, E.E. (2009), *Alexander Roslin and Russian art environment*, Ph.D. Thesis, History of Art, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Elisabeth-Louise Vigée Le Brun (2015), *Elisabeth-Louise Vigée Le Brun*. Catalogue de l'Exposition, Grand Palais: Editions de la Réunion des musées nationaux, Paris, France.
- Goodden, A. (1997), *The Sweetness of Life, A biography of Elisabeth Vigée Le Brun*, André Deutsch, London, UK.
- Hautecoeur, L. (1914), *Madame Vigée-Lebrun: étude critique*, Laurens, Paris, France.
- Helm, W.H. (1915), *Vigée-Lebrun 1755–1842: Her Life, Works and Friendships, with a catalogue raisonné of the artist's pictures*, Hutchinson & Co., London, UK.
- Yablonskaya, T.V. (1978), *Classification of the portrait genre in Russia in the 18th Century*, (on an issue of the national specifics), Ph.D. Thesis, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Kolmogorova, E.E. (2016), "Family Portraiture in 18th Century Russia and All-European Artistic Heritage", *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva: Sb. nauch. statei* [Current Issues of Theory and History of Art, collection of articles], Zakharova, A.V., Mal'tseva, S.V. and Stanyukovich-Denisova, E.Yu. (ed.), NP-Print, Saint Petersburg, iss. 6, pp. 543–551.
- Mazzocca, F., Pancheri, R., and Casagrande, A. (2001), *Un ritrattista nell'Europa delle corti: Giovanni Battista Lampi 1751–1830*, Catalogo della mostra, Trento, Italy.
- Vigee Le Brun, E. (2004), *Vospominaniya g-zhi Vizhe-Lebren o prebyvanii ee v Sankt-Peterburge i Moskve, 1795–1801* [Memories of Mrs. E.L. Vigee Le Brun during her residence in Saint Petersburg and Moscow, 1795–1801], Iskusstvo-SPb, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Иван А. Абрамкин, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ivanabramkin@list.ru

Information about the author

Ivan A. Abramkin, Cand. of Sci. (Art Studies), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; ivanabramkin@list.ru

УДК 069:7(44)

DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-148-172

Художественные выставки в Париже XVIII века

Елена Е. Агрatina

*Московская государственная академия хореографии,
Москва, Россия, agratina_elena@mail.ru*

Аннотация. В статье впервые в отечественной историографии собраны и систематизированы сведения, касающиеся художественных выставок в Париже XVIII в., что позволяет выявить культурную и социальную значимость этого явления. Экспозиционная активность рассматривается в качестве нового на тот момент и весьма существенного феномена культурной жизни, симптома демократизации искусства, повлекшего за собой развитие массовой рефлексии о роли и значении творчества в виде развитой художественной критики. Изучение источников, таких как протоколы Королевской академии и коллекция критических отзывов на художественные выставки (Коллекция Делуаня) в Парижской Национальной библиотеке, позволило увидеть и оценить непосредственную реакцию современников на столичные выставки различного масштаба. Широкий состав публики, а также обновленная роль зрителя перевернули представление об искусстве как о роскоши, доступной только элите, и превратили изобразительные искусства во Францию в достояние нации.

Ключевые слова: искусство Франции XVIII в., художественные выставки, художественная критика, Королевская академия живописи и скульптуры в Париже, Академия св. Луки в Париже

Для цитирования: Агрatina Е.Е. Художественные выставки в Париже XVIII века // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 3. С. 148–172. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-148-172

Art exhibitions in the 18th century Paris

Elena E. Agratina

*Moscow State Academy of Choreography, Moscow, Russia,
agratina_elena@mail.ru*

Abstract. For the first time in Russian historiography the article collects and systematizes information concerning art exhibitions in Paris in the eighteenth century, which makes it possible to identify the cultural and social significance

© Агрatina Е.Е., 2021

of that phenomenon. Exposition activity is seen as a new and very significant phenomenon of cultural life at that time, a symptom of the democratization of art, which entailed the development of mass reflection on the role and significance of creative work in the form of a well-developed art criticism. A study of sources such as the minutes of the Royal Academy and the collection of critical reviews of art exhibitions (Deloigne's Collection) at the Bibliothèque Nationale in Paris allowed seeing and appreciating the immediate reactions of contemporaries to metropolitan exhibitions of various scales. A wide variety of the public, as well as the renewed role of the viewer, overturned the idea of art as a luxury available only to the elite, and turned the visual arts in France into an asset of the nation.

Keywords: eighteenth-century French art, art exhibitions, art criticism, the Royal Academy of Painting and Sculpture in Paris, St. Luke's Academy in Paris

For citation: Agratina, E.E. (2021), "Art exhibitions in the 18th century Paris", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 148–172, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-148-172

Может показаться, что тема художественных выставок в Париже XVIII столетия не является достаточно новой или малоизученной, чтобы посвящать ей еще одно исследование. Тем не менее приходится признать, что на русском языке литература, посвященная даже знаменитому академическому салону до 1789 г., крайне скудна, а о прочих выставках, проходивших тогда в Париже, никаких исследований не существует. Несколько слов об академических салонах сказано в предисловии к изданию Дидро 1989 г. Здесь содержатся справедливые, хотя и очень краткие сведения. О салонах Королевской академии регулярно упоминают в своих сочинениях Ю.К. Золотов, И.С. Немилова, А.К. Якимович, М.Ю. Герман, О.Б. Дубова, И.А. Марисина и другие. Однако полноценного исследования парижские выставки XVIII в. не удостоились.

Французская историография несколько более обширна. Здесь еще в XIX в. издавались документы, касающиеся выставочной деятельности предшествующего столетия. Особая заслуга принадлежит Ж.-Ж. Гифре, опубликовавшему общий список всех художников, выставившихся в академических салонах XVIII в.¹ Список этот снабжен развернутым и весьма содержательным предисловием. Тот же исследователь опубликовал выходявшие в XVIII столетии краткие каталоги (*livrets*) ко всем выставкам, организуемым

¹ *Guiffrey J.-J. Table générale des artistes ayant exposé aux Salons du XVIIIe siècle. Paris: J. Baur, 1873.*

Академией св. Луки², а кроме того, издал сборник ранее не публиковавшихся писем и документов, касающихся выставок в XVIII в.³ Также во второй половине XIX столетия Е.-Б. Шавиньери дал развернутую характеристику салону корреспонденции и ее организатору Паэну де ла Бланшери⁴. Помимо изданных отдельными томами упомянутых источников, имеются многочисленные критические сочинения, печатавшиеся по случаю каждой значимой выставки. Эти отзывы собраны в коллекции Делуаня, хранящейся в Парижской национальной библиотеке.

Уделяют внимание парижским выставкам XVIII столетия и современные франкоязычные исследователи, такие как Ж. Шатлю, Д. Рабро, К. Менгон, К. Барга-Ковач, Э. Лавецци. Их труды, хотя и не посвящены напрямую истории выставочной деятельности в Париже XVIII в., затрагивают многие связанные с ней вопросы и будут нами неоднократно цитироваться. Существенны цифровые наработки таких организаций, как Национальный институт истории искусства (INHA), где была создана онлайн-база академических выставок, основанная на выпускавшихся к каждому салону каталогах⁵.

Изучив доступные нам источники и литературу, мы решили поставить перед собой цель, отличную от тех, которыми уже задавались отечественные и зарубежные исследователи. Мы не станем ограничиваться историей выставочной деятельности конкретного учреждения, будь то Королевская академия или Академия св. Луки, а посмотрим на парижские выставки в целом со стороны столичного художника и публики XVIII в. Где парижскому живописцу можно было на законных основаниях показать свои произведения, а публике их увидеть? Как это зависело от образования и статуса художника? Каковы были условия экспонирования произведений? Кто занимался организацией выставок и развеской работ, что и как показывалось зрителям? К каким выставкам составлялись каталоги, и что они собой представляли? Кто и зачем предпринимал попытки

² *Guiffrey J.-J.* Livrets des expositions de l'Académie de Saint-Luc à Paris pendant les années 1751, 1752, 1753, 1756, 1762, 1764 et 1774. Paris: J. Baur, 1872.

³ *Guiffrey J.-J.* Notes et documents inédits sur les expositions du XVIIIe siècle / Recueillis et mis en ordre par J.-J. Guiffrey. Paris: J. Baur, 1873.

⁴ *Chavignerie de la, E.-B.* Les artistes français du XVIIIe siècle oubliés ou dédaignés. Paris: J. Renouard, 1865.

⁵ INHA. Base Salons et expositions de groupe (1673–1914) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inha.fr/fr/ressources/outils-documentaires/base-salons.html> (дата обращения 28 ноября 2021).

устраивать частные выставки? Были ли эти попытки успешными? Что экспозиции, как официальные, так и частные, давали художникам и публике? В чем заключалась миссия этих выставок? Какой отклик выставки получали в среде образованной публики? Ответы на эти вопросы составят канву нашего исследования, призванного хотя бы в небольшой мере восполнить пробел в изучении выставок как особенного, уникального явления парижской художественной жизни XVIII столетия.

Поскольку нашему исследованию нужна определенная формальная структура, то в первую очередь мы остановимся именно на академических салонах. Идея этих элитных выставок зародилась еще в XVII столетии, через несколько десятилетий после основания Академии живописи и ваяния. Для художников того времени было чрезвычайно важно отделить себя от ремесленной среды, определить свою причастность высоким сферам. Целью академических выставок было продемонстрировать элиту французской художественной школы, поднять престиж живописцев и ваятелей, явить миру достижения молодой Академии, доказать, что она полностью оправдывает свое существование. Как верно отмечает К. Менгон, с эпохи Франциска I элитными мастерами, работавшими во Франции, считались итальянские живописцы, французским же отводилась второстепенная роль учеников и подражателей [Maingon 2009, р. 11–12]. Это не могло не оказывать раздражающего действия на молодых французских художников. Поколение тех, кто стоял у истоков Парижской академии художеств, считало: французской школе пора показать, что она вошла в пору зрелости. Салоны были удачным вариантом публично представить тому доказательства.

Первоначально академические выставки не были регулярными и не имели постоянного места проведения. В базе академических выставок, составленной Национальным институтом истории искусств Парижа, указаны все года проведения выставок, место, где каждая из них состоялась, а также число экспонентов. Согласно этой базе, салоны в дореволюционные времена проводились таким образом: 1673 (Пале-Рояль), 1699 (Большая галерея Лувра), 1737, 1738, 1739, 1740, 1741, 1742, 1743, 1745, 1746, 1747, 1748, 1750, 1751, 1753, 1755, 1757, 1759, 1761, 1763, 1765, 1767, 1769, 1771, 1773, 1775, 1777, 1779, 1781, 1783, 1785, 1787, 1789⁶. В каталогах с 1737 по 1763 г. местом проведения указывается Квадратный салон Лувра. Место проведения выставок с 1765 по 1789 г. в каталогах не уточняется, однако у исследователей оно вопросов не вызывает: им по-прежнему оставался все тот же Квадратный салон. К. Менгон упоминает

⁶ Данные приводятся по: INHA. Base Salons et expositions de groupe...

отсутствующий в базе INHA салон 1725 г., указывая, что именно тогда выставка впервые прошла в Квадратном салоне [Maingon 2009, p. 12]. В тексте брошюры, выпущенной сообществом национальных музеев Франции и посвященной истории Квадратного салона, также есть сведения о выставке 1725 г.:

Свадьба Людовика Возлюбленного (Людовика XV. – Е. А.) стала предлогом для выставки 1725 г., первой по времени, которая прошла в Квадратном салоне. В отличие от предшествующих она не получила каталога и не была зарегистрирована в протоколах Королевской академии. Однако в счетах учреждения за 1725 г. упоминается сумма в 60 ливров, выплаченная швейцарам... [Salle S.a. S.p.]

Небольшой обзор этой выставки удалось найти в “*Mércure de France*” за 1725 г. Здесь говорится, что было выставлено «значительное число картин и произведений скульптуры и гравюры членов Королевской академии»⁷ и что «триумф Академии был полным». В одном месте этого документа говорится, что выставка проходила в день Св. Людовика и три последующих дня⁸, а в другом упоминается, что она продлилась десять дней⁹. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что выставка 1725 г. действительно состоялась и была первой из тех, что прошли в Квадратном салоне.

Салон обычно открывался 25 августа в день Святого Людовика и продолжался от одного до двух месяцев. Случалось, что салон продлевали, особенно в том случае, если некоторые из произведений попадали в него позже заявленного срока, а наплыв публики был очень велик.

Организации каждого салона предшествовало немалое количество формальностей. Директор королевских строений, получив доклад директора и секретаря Академии о том, что мастера готовы представить свои произведения в салоне, подавал прошение королю, дабы тот утвердил назначенную дату. После того как монарх давал свое милостивое согласие на проведение выставки, чиновники Академии должны были начинать подготовку. В этой подготовке было задействовано немало людей. Главным ответственным лицом являлся директор королевских строений, официально занимавшийся всеми делами Королевской академии. Он надзирал за подго-

⁷ Collection Deloynes. Pièce 1190 – Exposition des tableaux des peintres de l'académie au grand salon du Louvre 1725. BNF, Collection Deloynes, tome 46, pièces 1158 à 1191. Pièce 1190. P. 639.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. P. 640.

товкой выставки и редактировал каталог экспозиции. Разумеется, все текущие вопросы практического характера решались другим лицом, которое Академия живописи и скульптуры избирала из своей среды. Этот человек должен был заниматься оформлением помещений, развеской полотен, подгонять нерадивых мастеров, пропускающих сроки сдачи произведений, успокаивать недовольных. В 1699–1704 гг. таким организатором был художник-пейзажист Шарль-Антуан Эро. В 1737–1741 гг. должность организатора занимал Франсуа-Альбер Стьемар. В 1742 г. ему наследовал Жак-Андре Портай. Последний оформленный им салон состоялся в 1752 г. С 1759 г. функции куратора салона официально были переданы казначею Королевской академии, а поскольку в 1761 г. эту должность получил Жан-Батист-Симеон Шарден, то он и занимался организацией салонов последующие пятнадцать лет. Только в 1775 г. уже пожилой и имеющий сложности со здоровьем Шарден передал свои полномочия Жозефу-Мари Вьену, который исполнял обязанности куратора до 1781 г., когда выставками занялись совместно Луи-Жан Франсуа Лагрене-старший и Антуан Рену. В 1783–1785 гг. салоны оформлял Амеде Ванлоо, а в 1787–1791 – Луи Жан-Жак Дюрамо¹⁰.

Один из важнейших вопросов, возникающих в связи с устройством академических выставок, состоит в том, кто и на каких основаниях имел право в них участвовать. Известный факт, что к участию допускались только те, кто имел звание академика или назначенного. Может показаться, что это весьма узкий круг, однако это не совсем так. Количество академиков, принимаемых Академией живописи и скульптуры, было неограниченным и доходило иногда до ста человек. Назначенных было ненамного меньше, а следовательно, и количество участников было весьма солидным. В уже упоминавшейся базе INHA приведены данные, что в салоне участвовало от 41 до 76 человек в зависимости от года¹¹. Случалось, что какой-нибудь художник-любитель аристократического происхождения обращался к Академии с просьбой выставить в салоне его произведения. На это, как правило, следовал категорический отказ. Если, однако, за просителя вступались члены королевской семьи, то его произведения могли быть условно приняты, однако выставлялись не в самом Квадратном салоне, а в Большой галерее у входа в салон.

Желающих выставляться даже на законных основаниях было столь много, что к 1748 г. появилась идея организовать жюри

¹⁰ Даты и фамилии приведены в: *Guiffrey J.-J. Table générale...* P. XXVIII.

¹¹ INHA. Base Salons et expositions de groupe...

для отбора лучших работ. Эта идея принадлежала тогдашнему директору королевских строений Ленорману де Турнему, который в одном из своих писем заметил, что «блеск салонам придает не большое количество, но разумный выбор произведений»¹². Де Турнем приказал, чтобы за восемь дней до салона все присланные на него произведения выставлялись в Галерее Аполлона. Комиссия в составе директора Академии, двух ректоров, двух заместителей ректоров и двенадцати избранных членов была призвана подвергнуть полотна тщательному рассмотрению и исключить самые слабые. Кроме того, жюри было призвано оценивать нравственный аспект произведений. Чрезмерно фривольные сюжеты могли быть удалены из экспозиций. Заметим, что такое случалось нечасто¹³. Известно, что жюри существовало до самой революции 1789 г.¹⁴

Сам по себе Квадратный салон, где выставлялись произведения, не был слишком велик (25×15,7 м), зато имел высокие потолки, что создавало определенные сложности при развеске. Павильон Квадратного салона был запланирован Луи Лево на углу Большой и Малой галерей Лувра после пожара, случившегося в этой части дворца 12 февраля 1661 г. Ранее на этом месте находился отстроенный в 1604–1608 гг. павильон, но он был мал и не имел соответствующего дворцу парадного характера. Лево увеличил помещение и придал ему современные пропорции. После того как павильон в начале XVIII в. был передан Королевской академии живописи и скульптуры, дирекция учреждения сочла, что он достаточно удобен для проведения выставок. Удобство это с современной точки зрения было относительным, учитывая количество экспонатов. Развеска делалась сплошной («шпалерной»), картины висели вплотную друг к другу, практически без «воздуха». Это сильно затрудняло осмотр экспозиции, поскольку взгляд переходил от произведения к произведению без пауз и остановок. На гравюре Г.-Ж. де Сент-Обена, относящейся к 1753 г., помещение салона кажется еще меньше, чем оно есть на самом деле. Стену напротив окон от пола до потолка занимают картины. Вдоль стены с окнами проходит длинный балкон, продолжающийся и вдоль части торцевой. С этого балкона, на который можно было попасть по относительно широкой лестнице, зрители могли рассматривать произведения, висящие слишком высоко, чтобы их можно было изучить, стоя на полу. Свет, падающий

¹² *Guiffrey J.-J. Table générale...* P. XIII.

¹³ В 1763 г. была удалена одна картина Бодуэна, известного мастера фривольного жанра. См.: *Guiffrey J.-J. Table générale...* P. XIII.

¹⁴ *Guiffrey J.-J. Notes et documents inédits...* P. XV.

через окна, должен был освещать эту наиболее насыщенную часть экспозиции. К. Менгон пишет, что

...большие исторические полотна занимали верхнюю часть стен, затянутых зеленой тканью, тогда как работы меньшего размера и тондо висели внизу. Почетное место было отведено для [произведений] директора Академии [Maingon 2009. p. 13].

Известно, что, дабы разглядеть высоко висящие полотна, зрителям приходилось использовать театральные бинокли. В середине зала находились столы или помосты, также покрытые зеленой тканью. Здесь размещались произведения скульптуры. Портреты короля и королевы, будь то живописные или скульптурные, обычно устанавливались под балдахином либо окружались специальной балюстрадой.

Умный куратор мог специально размещать полотна таким образом, чтобы создать определенный эффект, подчеркнуть достоинства какого-либо произведения, указать на недостатки. Иногда рядом помещались произведения, сравнение которых между собой было бы интересно публике. Так, о Шардене в качестве куратора салона красноречиво высказался Дидро:

Шарден в роли развешивателя картин – проказник, каких мало, и он в восторге, когда ему удастся разыграть какую-нибудь шутку; правда, все они идут на пользу художникам и зрителям: зрителям – потому что он дает им возможность расширять познания через сравнения; художникам – вызывая среди них весьма опасное соперничество. Он сыграл в нынешнем году (1769. – Е. А.) скверную шутку, поместив «Девочку, играющую с черной собакой» между «Девушкой, молящейся амуру» и «Девушкой, посылающей воздушный поцелуй», он нашел способ убить с помощью одной картины две остальные. Урок хороший, но жестокий. Показав нам двух Лутербуров под двумя Казановами, он, разумеется, испросил совета у первого; повесив напротив друг друга постели Латура и постели Перронно, он закрыл последнему доступ в салон¹⁵.

Вопрос, насколько художники были довольны размещением своих произведений в салоне, требует отдельного рассмотрения. Известно, что мастера, желающие занять более выгодное место, осаждали просьбами куратора, а иногда и самовольно перевешивали полотна и переставляли скульптуру. Накануне открытия салона проходил вернисаж, когда художники и организаторы последний

¹⁵ Дидро Д. Салоны. Т. 2. М.: Искусство, 1989. С. 242.

раз осматривали экспозицию, перед тем как она станет доступна широкой публике.

Когда состав участников и точное количество произведений оказывалось утверждено, можно было отправлять в печать отредактированный каталог выставки. О каталогах к каждому салону хотелось бы сказать отдельно несколько слов. Это были небольшие брошюры, содержащие самую краткую информацию о представленных произведениях. Все экспонаты с 1738 г. шли под номерами, указанными как в самом зале, так и в каталоге, что позволяло зрителям без труда соотносить авторов и названия с выставленными произведениями. К каждому салону печаталось до 20 000 экземпляров каталога, каждый из которых стоил 12 су при себестоимости в 2 су. Это, как отмечает Гифре, позволяло Академии иметь солидный доход от продажи брошюр¹⁶. С 1755 г. редактированием каталогов занимался секретарь Академии Шарль-Николя Кошен, которого в 1781 г. сменил Рену. В настоящее время каталоги, сохранившиеся в достаточном количестве благодаря большим тиражам, являются важнейшим источником для изучения состава салонов. Печатались каталоги в собственной типографии Академии. Эта типография с 1714 по 1763 г. принадлежала семейству Колломба, а после 1763 г. была перекуплена Ж.-Т. Эррисаном.

Салон принимал 7–8 сотен посетителей в день, что можно считать очень большим числом. Социальный состав публики был довольно разнообразным. Если первые салоны (1673, 1699 и 1704 гг.) посещала в основном элита, представители благородного сословия и увлеченные знатоки, то с 1737 г. состав зрителей становится значительно демократичнее. В салон допускаются все желающие. Если самые знатные и высокопоставленные лица не хотели толкаться среди народа, им следовало заранее оповестить академическое начальство о намерении нанести визит и договориться о дне посещения. В этот день салон закрывался для широкой публики, приезжала лишь сама знатная персона со свитой и личными гостями. Король посещал салон либо в момент открытия, либо так же в специально назначенный день.

Салоны Королевской академии имели одно необычное и важное последствие – появление развитой художественной критики. И появление это спровоцировала сама Академия. В первых каталогах к академическим выставкам высказывалось желание узнать «мнение просвещенной публики»¹⁷, ведь искусства, как утверждал

¹⁶ *Guiffrey J.-J.* Table générale... P. XXV.

¹⁷ *Fontaine A.* Les doctrines d'art en France. Peintres, amateurs, critiques de Poussin à Diderot. Paris: Librairie Renouard – H. Laurens, 1909. P. 172.

тогдашний директор Академии Шарль-Антуан Куапель, «созданы для всех людей, одаренных разумом и чувствами»¹⁸. В одном из номеров «Меркурия» за 1738 г. был помещен следующий текст:

Академия желала бы время от времени получать определенный отклик от публики на свои работы. Она будет являть прогресс в искусствах, которыми занимается, выставляя на всеобщее обозрение произведения своих уважаемых членов, чтобы каждое могло быть подвергнуто суждению просвещенных людей, собравшихся в большом числе, и получило бы свою дань похвал и порицаний, каких оно заслуживает. Требуется поощрять истинные таланты и лишать ложной славы тех, кто еще не достиг совершенства [Lavezzi 201, pp. 272–273].

Ответ на этот запрос превзошел все ожидания. К началу 1750-х гг. из типографий хлынул целый поток критических сочинений. Поскольку разнообразие мнений было весьма велико, между критиками возникала полемика, они отвечали друг другу, защищали любимых мастеров, отстаивали свою правоту, иногда весьма запальчиво. Это была коллективная рефлексия небывалого ранее масштаба. За несколько лет сформировалась привычка размышлять о сути и значении искусства, что определило климат в художественной жизни Франции XVIII в. Зритель, т. е. человек, не имеющий отношения к художественной практике, начал осознавать свою новую роль в творческом процессе. Ведь с появлением выставок становится ясно, что искусство создается именно для него, чтобы он увидел созданное и оценил его. Это имело весьма значимые последствия: искусство перестало восприниматься как достояние элиты, отныне оно стало достоянием нации.

Публики было так много, что уследить за порядком было нелегко. Все время, пока салон был открыт, в зале и у входа дежурила охрана, на содержание которой уходило от 250 до 350 ливров. Особенно строго запрещалось появление в салоне в состоянии алкогольного опьянения. К. Менгон пишет, что «наказанием было лишение свободы на двадцать лет, в случае, если оказывались повреждены выставленные в салоне произведения» [Maingon 2009, p. 15]. Такая строгость, казалось бы, чрезмерная, должна была показать, как высоко ценятся искусства во Франции и какого уважения требуют к себе произведения членов Академии.

Итак, очевидно, что по затрате сил на подготовку по отбору участников и популярности у парижской публики салон являлся грандиозным праздничным событием. Несколько недель, а то и ме-

¹⁸ Ibid. P. 173.

сяцев в году он служил основной темой для разговоров в просвещенной среде Парижа. После закрытия салона произведения, купленные королем для собственной коллекции, выставлялись еще на неделю, чтобы все желающие могли увидеть, какие полотна и скульптуры удостоились такой чести, и запомнить имена их создателей.

Казалось бы, участие в столь престижной выставке, сулящей многие выгоды, должно быть желанным для всех, кто имел право экспонироваться в салоне. Однако мы знаем случаи, когда художники отказывались от этой высокой чести. Следует заметить, что в академическом салоне никого не удерживали. Если мастер принимал решение больше не экспонировать свои произведения, то он имел на это полное право. Так, салон по разным причинам покинули Ж.-О. Фрагонар, Ж.-Б. Грез, М.-К. Латур и некоторые другие мастера.

Первый из названных живописцев пережил триумф в салоне 1765 г. Вернувшись из Французской академии в Риме, Фрагонар представил на выставке картину «Корез и Каллироя» (1765, Лувр). Произведение принесло художнику звание назначенного и вызвало благосклонные отклики со стороны большинства критиков. В первую очередь следует вспомнить Д. Дидро, который отмечал:

Фрагонар написал прекрасную картину. В ней – все чародейство, все тонкие ухищрения, на какие способна палитра. Замыслы этого художника как нельзя более величественны...¹⁹

К сожалению, в салоне 1767 г. Фрагонар не смог повторить своего успеха. Мастер выставил «Хоровод амуров в небесах» (Лувр), «Голову старика» (местонахжд. неизв.) и многочисленные рисунки. На этот раз критика не проявила к художнику прежней благосклонности. Амуров Дидро попросту ругает, а о выставленных рисунках говорит, что это «жалкие вещи». В следующих салонах Фрагонар просто не появлялся, из-под его кисти не вышло более ни одного исторического полотна, способного по размаху соперничать с «Корезом и Каллироей». Найдя свой жанр и свой круг заказчиков, Фрагонар более не возвращался в салон, участие в котором мало что могло добавить к его репутации.

Случай Греза можно назвать более драматичным. Являясь мастером бытового жанра, Грез мечтал о карьере исторического живописца. С целью получить звание академика по классу исторической живописи Грез представил академической ассамблее картину под

¹⁹ Дидро Д. Салоны. Т. 1. М.: Искусство, 1989. С. 182.

названием «Север и Каракалла» (1769). В протоколах учреждения сухо сказано, что

...Академия... принимает господина Греза... дабы он участвовал в ее ассамблеях и пользовался привилегиями, прерогативами и честью, подобающими этому званию²⁰.

Дидро, однако, уточняет, что Греза приняли

...как мастера бытового жанра; она (Академия. – Е. А.) учла превосходное качество других Ваших произведений и закрыла глаза на эту картину, которая не достойна ни Академии, ни Вас²¹.

Для Греза такое решение стало жестоким ударом. Он разорвал отношения с Академией и больше не появлялся в салоне. Художник предпочел держать открытую мастерскую, где желающие могли ознакомиться с его произведениями и оценить их по достоинству.

Естественно задаться вопросом: какие альтернативы могли быть у мастеров, которые не могли или не хотели экспонировать свои произведения в академическом салоне? Королевская академия имела самые большие возможности для проведения выставок, однако это не могло воспрепятствовать устройству других экспозиций.

В первую очередь нужно сказать о вполне законных выставках любителей и учащейся молодежи на площади Дофина. Здесь могли выставляться как студенты Академии живописи и скульптуры, еще не получившие никаких академических званий, так и те, кто не принадлежал никакой организации. Первая выставка прошла в 1722 г., последняя – в 1788. Картины экспонировались прямо под открытым небом в пасхальные дни, отчего молодые мастера, приносившие туда свои полотна, должны были молить небеса о хорошей погоде.

В архивах Парижской Национальной библиотеки сохранилась коллекция рукописных отзывов на эти выставки, именуемые также «молодежными». Это выписки, которые коллекционер критических отзывов Ж.-Ш. Делуань делал из журналов и брошюр, вышедших в XVIII столетии, а также переписанные отзывы, которые не были опубликованы и существовали в виде манускриптов.

Отзывы эти, как правило, благожелательные. В них, впрочем, нельзя встретить детального описания всех выставленных произ-

²⁰ Procès-verbaux de l'Académie Royale de peinture et de sculpture. Tome 8. Paris: Charavay frères, libraires de la société, 1888. P. 19.

²¹ Diderot D. Lettres à Mill ' Volland, 1841, t. II, p. 170, lettre 77.

ведений. Высокую степень подробности позволяли себе критики, пишущие об академических выставках, но она не считалась обязательной, когда речь шла об экспозициях молодежи и любителей. Упоминаются в основном те мастера, которых уже знают как талантливых учеников Академии, либо тех, кто был так или иначе отмечен академическим начальством, всегда посещающим выставки на площади Дофина в надежде найти новый талант и оказать ему содействие. Так, в отзыве для «Секретных мемуаров» за 1783 г. упоминается одна лишь Аделаида Лабиль-Гийар, которая только что получила академическое звание, но не отказалась от участия в выставке на площади Дофина. Впрочем, вскользь говорится о том, что выставлены были работы и девяти ее учениц, однако конкретные имена не называются²². Изредка тексты отзывов, бывали несколько более развернутыми, в частности, тот, что был помещен в «*Mercure de France*» в 1788 г., уделяет хотя бы немного внимания большинству участников²³. Однако эти отзывы никогда не занимают более 6–8 рукописных страниц очень небольшого формата. Чаще встречаются совсем короткие обзоры на 1–3 страницы.

Логично предположить, что инициативу по проведению выставок должна была взять на себя и Академия св. Луки. Действительно, Академия св. Луки ощутила необходимость в организованных выставках, которые были бы сделаны по примеру экспозиций в Квадратном салоне Лувра. Однако если Королевская академия имела не только желание, но и возможность выставлять произведения своих членов, Академия св. Луки испытывала значительные трудности в реализации своих планов. С 1751 по 1774 г. Академией св. Луки было организовано семь выставок: в 1751, 1752, 1753, 1756, 1762, 1764 и 1774 гг. «Вполне вероятно, что изначально учреждение собиралось организовать ежегодную выставку»²⁴. Однако здесь возникли вполне ожидаемые трудности. Во-первых, нужно было найти подходящее помещение. Первая выставка прошла в августинском аббатстве Сен-Виктор, основанном в 1259 г. и находящимся на левом берегу Сены. В следующий раз художникам было предоставлено одно из помещений Арсенала, о чем позаботился один из высоких покрови-

²² Exposition à la place Dauphine. *Memoires secrets*. 3 juin 1783 / [Barthélemy-François-Joseph Mouffle d'Angerville]. BNF, Collection Deloynes. Tome 34, pièces 902 à 972. Pièce 954. P. 263–264.

²³ Exposition à la Place Dauphine, *Mercure de France* 1788. BNF, Collection Deloynes. Tome 50, pièces 1336 à 1396. Pièce 1361. P. 807–816.

²⁴ *Guiffrey J.-J.* Livrets des expositions... P. V.

телей Академии маркиз де Войер. Здесь прошли выставки 1752, 1753 и 1756 гг. В 1762 и 1764 гг. выставки проходили в Отель д'Алигр на улице Сент-Оноре (Hôtel d'Aligre, rue Saint-Honoré), а в 1774 г. – в Отель Жабаш на улице Нёвь Сен-Мерри (Hôtel Jabach, rue Neuve Saint-Merry). Из-за сложностей в поиске помещений выставки Академии св. Луки не имели постоянного времени проведения, а потому публика не была приучена ожидать и планировать их посещение. В 1751 г. выставка прошла в феврале, в 1752 и 1753 г. – в мае, в 1756 г. – в сентябре, а в 1762, 1764 и 1774 гг. выставки открывались 25 августа, в день св. Людовика, точно так же, как салоны Королевской академии. Однако, если знаменитые салоны проходили по нечетным годам, три последних выставки Академии св. Луки прошли в четные.

Судя по всему, выставки были довольно основательными, на каждой из них экспонировалось от 150 до 250 произведений, что заставляет французских исследователей предполагать в этих выставках «серьезного конкурента академическим салонам»²⁵. Выставлялись здесь, разумеется, мастера Академии св. Луки, но доступ был открыт и художникам из Королевской академии. Критики говорили об этих выставках, на них отзывались крупные журналы, призванные освещать культурные события в столице. Заметим, что суждения критики часто оказываются вполне положительными. Так, по поводу экспозиции 1764 г. журнал «*Avant-Coureur*» пишет следующее: «Отрицательное мнение о мастерах, входящих в Академию св. Луки, которое некоторые предубежденные личности пытаются привить публике, легко может быть побеждено перед лицом очевидности»²⁶. Представленный далее анализ произведений на десяти страницах столь же серьезен, как и разбор произведений мастеров Королевской академии. Луи Башомон, более суровый критик, отмечает, что исторические полотна, представленные на той же выставке, в основной массе не слишком хороши. Но «марины, архитектурные этюды и особенно пейзажи наиболее удачны»²⁷. По поводу

²⁵ *Guiffrey J.* La communauté des peintres et sculpteurs parisiens, dite académie de Saint-Luc (1391–1776) // *Journal des savants*. 13e année. Avril 1915. P. 155.

²⁶ *Exposition de peintures, sculptures et gravures, tirée de l'Avant-coureur, faite à l'Académie de Saint Luc. 1764.* BNF, Collection Deloynes. Tome 51, pièces 1397 à 1423. Pièce 1410. P. 239.

²⁷ *Exposition à la place Dauphine. Memoires secrets. 3 juin 1783* / [Barthélemy-François-Joseph Mouffle d'Angerville]. BNF, Collection Deloynes. Tome 34, pièces 902 à 972. Pièce 954. P. 1.

экспозиции 1774 г. один из критиков пишет, что на ней представлены произведения, «достойные внимания знатоков и делающие честь искусствам»²⁸.

Разумеется, по поводу выставок Академии св. Луки выходило меньше отзывов, чем по поводу салонов Королевской академии. Коллекция Делуана, самое обширное собрание художественной критики XVIII в., содержит до пяти отзывов на каждую выставку Академии св. Луки. Наибольшего внимания удостоились две последние: 1764 и 1774 гг.

12 марта 1776 г. эдикт министра Тюрго уничтожил все «средневековые» корпорации. Вместе с ремесленным сообществом св. Луки была расформирована и его школа, потерявшая наименование Академии. Этому немало поспособствовала Королевская академия, затеявшая судебный процесс против своей соперницы и выигравшая его еще в 1770 г.

После того, как Академия св. Луки перестала существовать, естественно, исчезли и ее выставки. Однако это не значит, что прекратились попытки составлять конкуренцию знаменитому академическому салону. Одной из наиболее скандальных выставок стал «Салон Граций», устроенный в «Колизее». Первое упоминание о строительстве парижского «Колизея» относится к 1769 г. и встречается в «Секретных мемуарах» Башомона, где читаем:

Большой Дворец развлечений, который собираются возвести на Елисейских полях, должен стать монументом роскоши, величия и богатства нации...²⁹

Размах строительства действительно был грандиозным, новый развлекательный дворец поглотил многие тысячи ливров. Он представлял собой гигантскую ротонду радиусом в десять туазов³⁰ в окружении галерей и аркад. Дворец был рассчитан на очень большое количество посетителей: «Понадобилось бы

²⁸ Observations sur cette exposition des peintures, sculptures et autres ouvrages de messieurs de l'Academie de St. Luc faite le 25 août 1774... Collection Deloynes. Tome 51, pièces 1397 à 1423. Pièce 1412. P. 289.

²⁹ Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres, en France depuis... [1762] jusqu'à nos jours [1787], ou Journal d'un observateur... [par Petit de Bachaumont, puis Pidansat de Mairobert et Moufle d'Angerville]. Tome 4. Londre: chez John Adamson, 1780. P. 254.

³⁰ Примерно двадцать метров. Описание дворца см. в: Description du Colisée élevé aux Champs-Élysées sur les dessins de M. Le Camus; par le sieur Le Rouge. Paris: Le Rouge, 1771.

40 000 человек, чтобы заполнить залы и сады»³¹. Как ни странно, открытый в 1771 г. «Колизей» не стал пользоваться любовью парижской публики. Приобрести популярность не помогла ни стареющая звезда сцены мадемуазель де Муаре, ни петушинные бои между специально выпущенными из Англии бойцовскими петухами, ни концерты с «эффектом эха», ни другие затеи. «Колизей» не смог оправдать сумм, потраченных на его возведение. В 1773 г. начался судебный процесс против организаторов, не сумевших вернуть деньги пайщикам, а в 1775 г. всерьез заговорили о том, что гигантский бесполезный дворец должен быть разрушен. Тогда-то два художника – Питерс и Марсенуа де Гю, – принадлежавшие к инициаторам строительства «Колизея», предложили организовать в его стенах масштабную выставку произведений изобразительного искусства. В какой-то степени организаторам был на руку недавний разгон Академии св. Луки, поскольку теперь многим мастерам этой корпорации негде было выставить свои произведения. К тому же успех салона Королевской академии вызывал надежды, что и эта выставка будет пользоваться интересом публики.

Для проведения мероприятия был выбран зал прямо над входным вестибюлем дворца, а сама выставка получила довольно претенциозное название «Салона Граций». В «Секретных Мемуарах» мероприятие презрительно именовалось «шарлатанством», в котором «захотят участвовать одни лишь мастера Св. Луки»³². Того же мнения, однако без негативного оттенка, придерживался «Исторический альманах», где читаем:

Уничтожение самой старой художественной школы Франции, известной в Париже под именем Св. Луки <...> подало идею выставки произведений искусства в салоне «Колизея». Надемся, эти выставки станут еще более блестящими в будущем. <...> Этот зарождающийся салон... как кажется, понравился публике и заслужил внимание зна-
токов...³³

³¹ Livret de l'exposition du Colisée. 1776; suivi de l'Analyse de l'exposition ouverte à l'Elisée en 1797; et précédé d'une Histoire du Colisée / [Signé: J.-J. Guiffrey]. Paris, 1875. P. 9.

³² Ibid. P. 14.

³³ Almanach historique et raisonné des architectes, peintres, sculpteurs, graveurs et cizeleurs. A Paris, chez Delalain, rue de la Comédie françoise. Lejay, rue Saint Jacques. La veuve Duchesne, rue Saint Jacques. Esprit, au Palais Royal. M. DCC. LXXVI. A Paris, chez la veuve Duchesne, libraire, rue Saint-Jacques, au Temple du Goût. M. DCC. LXXVII, 1777. P. 109.

Королевская академия пыталась сорвать выставку, однако действовала недостаточно поспешно, и проведение «Салона Граций» было разрешено. К выставке был издан каталог, из которого можно узнать имена участников, количество и названия произведений. Цитированный выше «Альманах» добавил некоторую информацию о каждом из участников, что дает довольно интересную картину. Мастера, принадлежащие Королевской академии, проигнорировали приглашение организаторов принять участие в выставке. Согласились показать свои работы лишь трое недавних пенсионеров Французской академии в Риме – некие Барден, Сене и Сен-Контен. Речь идет о Жане-Ипполите Бардене (1732–1809). Этот мастер получил первую Римскую премию в 1765 г., учился в школе Избранных учеников, а в 1768–1772 гг. находился в Риме. В «Салоне Граций» он выставил 7 живописных работ и 7 рисунков, что в целом довольно много для участника выставки в «Колизее», большинство из которых выставляли от двух до шести работ. Коллега Бардена Сана также заявлен как недавний пенсионер, однако в списках пенсионеров Французской академии в Риме нам его найти не удалось [Verger 2011]. Сана выставил всего одну живописную картину и два рисунка. Жак-Филипп Жозеф Сен-Кантен (1738–1780), бывший римским пенсионером в 1765–1768 гг., представил не менее 18 работ, превзойдя даже Бардена. В «Салоне Граций» участвовали также и мастера, в прошлом принадлежавшие Академии св. Луки, такие как скульптор Блондо, бывший заместитель ректора указанной Академии, исторический живописец и гравер де Сент-Обен, являвшийся некогда профессором св. Луки, и некий Жирар, о котором сказано, что он ранее принадлежал Академии св. Луки. Участниками «Салона Граций» стали два члена Венской академии, два члена Дрезденской академии, члены провинциальных академий Руана и Бордо, а также многочисленные мастера, не имеющие никаких официальных званий, в том числе несколько женщин. Это в основном те, кому участие в салоне Королевской академии было недоступно, но кто хотел представить свои произведения зрителям, возможно, привлечь заказчиков и потенциальных учеников, поскольку второстепенным мастерам зачастую приходилось зарабатывать на жизнь уроками рисования.

Можно видеть, что состав «Салона Граций» был довольно слабым по сравнению с салоном Королевской академии. Казалось бы, последней можно было не принимать таких конкурентов всерьез. Однако, позволив провести выставку 1776 г., Академия живописи и скульптуры категорически воспротивилась организации подобной же в 1777 г. 30 августа 1777 г. вышел указ, запрещающий художественные экспозиции в «Колизее».

Среди энтузиастов, посмеявшихся посягнуть на монополию Королевской академии, определенного, хотя и временного успеха сумел добиться лишь один – Паэн де ла Бланшери (1752–1811). Упорство этого человека вызывало удивление и даже неприязнь современников. Тем не менее в течение десяти лет ему удалось организовывать масштабные частные выставки, в которых принимали участие как малоизвестные, так и выдающиеся мастера того времени.

Реализацию своих планов Бланшери начал с распространения проспектов, в которых объяснял свои цели и предлагал всем заинтересованным лицам внести посильный вклад в осуществление проекта. Бланшери также написал значительное количество писем, адресованных известным ученым, знатокам изящных искусств, министрам и даже некоторым европейским монархам. Начинание по вполне понятным причинам не встретило одобрения Королевской академии живописи и скульптуры. Поддержка пришла со стороны французской Академии наук. Шовиньери пишет, что на заседании данного учреждения 20 мая 1778 г. идеи де ла Бланшери были одобрены³⁴. Со следующего года общество под названием салон корреспонденции (*Salon de la Correspondance*) получило официальный статус. Во главе общества стояли сорок персон, занимающих высокое общественное положение, среди них – герцог Орлеанский, граф д'Артуа, принц Конде и герцог де Шаро [Guichard 2004]. Заседания общества происходили в новоотстроенном доме на улице Турнон. Разумеется, общество нуждалось в своем печатном органе. 9 февраля 1779 г. вышел первый номер еженедельника под названием «Новости из мира литературы и искусства» (*“Les Nouvelles de la republique des lettres et des arts”*). Общество имело письменно оформленный и утвержденный главами устав. На выставки принимались: 1) произведения художников, скульпторов, граверов, которые еще не принадлежат Академии (Королевской академии живописи и скульптуры. – *Е. А.*) или которым обстоятельства не могут позволить в нее войти, а также иностранные мастера; 2) лучшие картины и иные произведения искусства старых или современных мастеров, если владельцы этих произведений захотят вынести их из своих кабинетов всего на несколько дней; 3) произведения мас-

³⁴ Желая узнать больше, мы обратились к протоколам Французской академии наук за 1778 г. Однако в протоколе заседания от 20 мая 1778 г. не нашли никаких упоминаний о Бланшери. См.: *Procès-verbaux de l'Académie royale des sciences. Tome 97. 1778. BNF. Manuscript. P. 162–163.* Однако Ш. Гишар повторяет ту же информацию, ссылаясь на номер *Les Nouvelles de la République des lettres et des arts* от 26 января 1779 [Guichard 2004].

теров, принадлежащих Королевской академии, которые, находясь в отъезде, в провинции или за границей, в тот промежуток времени, когда проходил покровительствуемый королем салон, не смогли в нем участвовать³⁵.

Таким образом, Бланшери определял назначение своих выставок и отказывался от прямой конкуренции с Академическими салонами, не приглашая к себе именитых академиков. Это был мудрый ход, поскольку Королевская академия и так испытывала раздражение против нового начинания.

В уставе формулировались цели общества: познакомить друг с другом французских и иностранных мастеров, не принадлежащих Королевской академии, поддержать молодых художников, избравших для себя не исторический, а другие, более скромные жанры. Ученики, еще далекие от завершения своего образования и взрослые маститые художники должны были выставляться вместе, чего, как известно, академический салон не предполагал. Подобное соседство было обусловлено желанием помочь новичкам оценить свой уровень и ближе изучить приемы старших коллег³⁶.

Журнал общества должен был способствовать распространению информации и возрастанию известности молодых мастеров. Особенный энтузиазм начинание Бланшери вызвало у провинциальных художников, которые, не выставляясь в академическом салоне, совсем не имели возможности познакомиться со своим творчеством столичную публику.

В 1781 г. салон Бланшери переехал в Отель Вилайе на улице Сент-Андре Дезар (Hôtel Villayer, rue Saint-André des Arts). В 1781–1787 гг. салон переживает свой расцвет. Здесь встречаются не только художники. Музыканты исполняют свои новые произведения, литераторы зачитывают фрагменты неизданных сочинений, изобретатели демонстрируют свои открытия.

Осмелев, Бланшери рискнул устроить масштабную временную экспозицию под названием «Общая выставка мастеров французской школы» (*Exposition générale de l'école française*). Желая заручиться поддержкой двора, Бланшери выступил с просьбой о предоставлении ему королевских верительных грамот. Прошение он адресовал главному директору королевских строений графу д'Анживийе. На это последовал категорический отказ³⁷.

³⁵ *Chavignerie de la, E.-B.* Op. cit. P. 8–9.

³⁶ *Ibid.*

³⁷ Переписка де ла Бланшери с директором королевских строений, хранящаяся в Национальном архиве Франции, приведена в статье [Guichard 2004].

В среде просвещенной публики мнения о деятельности Бланшери разделились. Автор «Секретных мемуаров» (в те годы это был уже не Башомон и даже не Пиданса де Майробрер, а Б.-Ф.-Ж. Муфль д'Анжервиль) утверждал, что салоны корреспонденции напоми- нают пустую беседу в кафе, но в условиях значительно более неудобных³⁸. Антуан Ривароль, напротив, очень хвалит проект де ла Бланшери, называет организатора «одним из самых могучих гениев века», отмечает, что он «прекрасно объяснил свои идеи в основанном им журнале» и сожалеет о том, что ему не была ока- зана необходимая поддержка. «Великий человек остался один со своими планами и своим гением на улице Сент-Андре Дезар»³⁹. Действительно, в 1788 г. начинание Бланшери приходит в упадок. Основатель салона корреспонденции переезжает в Лондон, где ему будет суждено окончить свои дни в 1811 г.

Тем не менее в течение нескольких лет салон Бланшери пользовался большой популярностью. Выставлялись там отнюдь не только ученики и неизвестные провинциальные художники. Зачастую экспонентами оказывались мастера прославленные, признанные Королевской академией и имеющие возможность выставляться в Академическом салоне, такие как Морис-Кантен де Латур, Жан-Баттист Грез, Жан-Антуан Гудон, Жан-Баттист Лемуан, Огюстен Пажу, Анн Валайе-Костер. Самая знаменитая художница своего времени Мари-Луиз-Элизабет Виже-Лебрен выставлялась у Бланшери в 1783 г., т. е. непосредственно в год своего принятия в Королевскую академию. Также поступила и Аделаида Лабиль-Гийар⁴⁰.

Одной из наиболее значительных фигур салона корреспон- денции стал пейзажист Клод-Жозеф Верне. Он выставлялся в 1779, 1782 и 1786 гг. В 1783 г. прошла его персональная выставка, собранная из произведений, принадлежавших различным коллек- ционерам. Всего там можно было видеть пятьдесят шесть полотен. Любопытно, что сам Верне на собственную выставку не явился. Е.-Б. Шовиньери считает, что мастер не захотел привлекать к себе излишнего внимания⁴¹. Ж. Шатлю, напротив, предполагает, что Верне выразил таким образом протест против проведения его выставки, на которую он якобы не давал согласия [Chatelus 1991.

³⁸ *Chavignerie de la, E.-B.* Op. cit. P. 21.

³⁹ *Le petit almanach de nos grands hommes, pour l'année 1788: suivi d'un grand nombre de pièces inédites ([Reprod.]) / Par M. de Rivarol.* Paris: chez L. Collin, 1808. P. 39–40.

⁴⁰ Списки экспонентов приведены: *Chavignerie de la, E.-B.* Op. cit.

⁴¹ *Ibid.* P. 168.

р. 28–29], основываясь, очевидно, на словах из «Секретных мемуаров», где говорится, что г-н Верне считал весьма прискорбным, что без его участия столько его произведений было представлено публике» и отмечается, что каталог к выставке был «полон ошибок»⁴².

Впрочем, в таком случае, весьма странным представляется участие художника в салоне Бланшери в 1786 г. К тому же выставка Верне 1783 г. делалась не по капризу одного лишь Бланшери, а общими силами с участием многих коллекционеров и коллег мастера. Известно, что Виже-Лебрен прислала на выставку портрет Верне, выполненный ею самой. Трудно представить, что все это делалось за спиной у художника и без его согласия.

Итак, перед нашими глазами вырисовывается довольно любопытная картина. Выставки в Париже XVIII в. сделались привычным, ожидаемым и посещаемым мероприятием. Художники желали выставляться, публика активно посещала экспозиции, реагировала на них созданием многочисленных письменных отзывов, спорами в печати друг с другом и самими художниками. Академический салон, как привилегированный и пользующийся покровительством короля, разумеется, занимал первое место в парижской художественной жизни. Именно эти экспозиции были наиболее регулярными и посещаемыми, здесь выставлялся цвет парижских художников. Участие в академических салонах давало мастерам возможность показать свои работы самым богатым и знатным заказчикам, в том числе самому королю и посланникам иностранных монархов. Критика салонов могла задеть самолюбие того или иного художника, но и она способствовала популярности французской школы, поскольку отзывы циркулировали в обществе, читались и переписывались, отправлялись за границу. Мы знаем случаи, когда художники добровольно отказывались от участия в салонах, но типичным такое поведение не было.

Ревностное отношение Академии к своим привилегиям затрудняло организацию и проведение выставок вне академической системы. Однако соблазн был слишком велик. Мастера, не входившие в Академию живописи и скульптуры, тоже хотели иметь возможность выставляться. Поэтому появляются выставки на площади Дофина, в Академии св. Луки, в «Колизее», организуется частный салон Паэна де ла Бланшери. Выставки стали неотъемлемой, обязательной частью парижской художественной жизни.

⁴² Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres, en France depuis... [1762] jusqu'à nos jours [1787], ou Journal d'un observateur... [par Petit de Bachaumont, puis Pidansat de Mairobert et Moufle d'Angerville]. Tome 23. Londres, chez John Adamson, 1784. P. 111.

Как только Королевской академии удавалось справиться с одним конкурентом, на смену ему приходил другой. Мало того, этих конкурентов зачастую поддерживали мастера, входившие в Академию, не отлученные от академических салонов, но желающие экспонироваться больше и чаще. Они же держали и открытые мастерские, где можно было, ни у кого не спрашивая специального разрешения, экспонировать свои работы.

Был запущен механизм демократизации искусств. Они больше не являются привилегией элиты, а становятся всеобщим достоянием. Право рассматривать произведения, составлять о них определенное мнение и даже выражать его в печати отныне принадлежит всем. Это отразилось как в количестве критических отзывов, так и в их содержании. Они публиковались в виде небольших брошюр, либо выходили в том или ином журнале. Нередко это настоящие литературные шедевры. Речь может вестись от имени любого персонажа, скажем провинциала, тяжело больного, бездомного, слепого, крестьянки, уличного мальчишки, лакея, аббата или английского лорда. Каждый герой имеет свою точку зрения на искусство и манеру ее излагать. Чем более «характерным», своеобразным является персонаж, тем интереснее автору имитировать его восприятие искусства, восприятие, которое оказывается то наивным, то, напротив, весьма здравым, но никогда не осуждается.

«Выставочный энтузиазм», охвативший парижское общество в XVIII столетии, не прошел даром и для художественной жизни последующих эпох. Именно он стал фундаментом дальнейшей деятельности в этом направлении в XIX в., сформировал ту свободу самосознания, которая позволила мастерам-реалистам, импрессионистам, символистам и многим другим не связывать свою карьеру исключительно с Академией, а искать новые пути контакта со зрителем.

Источники

Дидро Д. Салоны. М.: Искусство, 1989. Т. 1. 268 с.; Т. 2. 399 с.

Almanach historique et raisonné des architectes, peintres, sculpteurs, graveurs et cizeleurs. A Paris, chez Delalain, rue de la Comédie françoise. Lejay, rue Saint Jacques. La veuve Duchesne, rue Saint Jacques. Esprit, au Palais Royal. M. DCC. LXXVI. A Paris, chez la veuve Duchesne, libraire, rue Saint-Jacques, au Temple du Goût. M. DCC. LXXVII., 1777. 289 p.

Chavignerie de la, E.-B. Les artistes français du XVIIIe siècle oubliés ou dédaignés. Paris: J. Renouard, 1865. 180 p.

Description du Colisée élevé aux Champs-Élysées sur les dessins de M. Le Camus; par le sieur Le Rouge. Paris: Le Rouge, 1771. 29 p.

- Exposition à la Place Dauphine, Mercure de France 1788. BNF, Collection Deloynes. Tome 50, pièces 1336 à 1396. Pièce 1361.
- Exposition à la place Dauphine. Memoires secrets. 3 juin 1783 / [Barthélemy-François-Joseph Mouffle d'Angerville]. BNF, Collection Deloynes. Tome 34, pièces 902 à 972. Pièce 954.
- Exposition à l'Academie de Saint Luc. 1764 / [Louis Petit de Bachaumont]. BNF, Collection Deloynes. Tome 34, pièces 902 à 972. Pièce 916.
- Exposition de peintures, sculptures et gravures, tirée de l'Avant-coureur, faite à l'Académie de Saint Luc. 1764. BNF, Collection Deloynes. Tome 51, pièces 1397 à 1423. Pièce 1410.
- Exposition des tableaux des peintres de l'académie au grand salon du Louvre 1725. BNF, Collection Deloynes, tome 46, pièces 1158 à 1191. Pièce 1190.
- Fontaine A.* Les doctrines d'art en France. Peintres, amateurs, critiques de Poussin à Diderot. Paris: Librairie Renouard – H. Laurens, 1909. 316 p.
- Guiffrey J.* La communauté des peintres et sculpteurs parisiens, dite académie de Saint-Luc (1391–1776) // *Journal des savants*. 13e année. Avril 1915. P. 145–156.
- Guiffrey J.-J.* Livrets des expositions de l'Académie de Saint-Luc à Paris pendant les années 1751, 1752, 1753, 1756, 1762, 1764 et 1774. Paris: J. Baur, 1872. 214 p.
- Guiffrey J.-J.* Notes et documents inédits sur les expositions du XVIIIe siècle / Recueillis et mis en ordre par J.-J. Guiffrey. Paris: J. Baur, 1873. 214 p.
- Guiffrey J.-J.* Table générale des artistes ayant exposé aux Salons du XVIIIe siècle. Paris: J. Baur, 1873. 182 p.
- Le petit almanach de nos grands hommes, pour l'année 1788: suivi d'un grand nombre de pièces inédites ([Reprod.]) / Par M. de Rivarol. Paris: chez L. Collin, 1808. 387 p.
- Livret de l'exposition du Colisée. 1776; suivi de l'Analyse de l'exposition ouverte à l'Elisée en 1797; et précédé d'une Histoire du Colisée / [Signé: J.-J. Guiffrey]. Paris, 1875. 74 p.
- Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres, en France depuis... [1762] jusqu'à nos jours [1787], ou Journal d'un observateur... [par Petit de Bachaumont, puis Pidansat de Mairobert et Moufle d'Angerville]. Tome 4. Londres: chez John Adamson, 1780. 328 p.
- Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres, en France depuis... [1762] jusqu'à nos jours [1787], ou Journal d'un observateur... [par Petit de Bachaumont, puis Pidansat de Mairobert et Moufle d'Angerville]. Tome 23. Londres, chez John Adamson, 1784. 298 p.
- Observations sur cette exposition des peintures, sculptures et autres ouvrages de messieurs de l'Academie de St. Luc faite le 25 août 1774... Collection Deloynes. Tome 51, pièces 1397 à 1423. Pièce 1412.
- Procès-verbaux de l'Académie Royale de peinture et de sculpture. Tome 8. Paris: Charavay frères, libraires de la société, 1888. 414 p.
- Procès-verbaux de l'Académie royale des sciences. Tome 97. 1778. BNF. Manuscrit. 672 p.

Литература

- Chatelus 1991 – *Chatelus J.* Peindre à Paris au XVIIIe siècle. Nîmes: Chambon, 1991. 349 p.
- Guichard 2004 – *Guichard Ch.* Hors l'Académie, les amateurs et les expositions artistiques publiques à Paris: Le Musée de Pahin de la Blancherie // La ville et l'esprit de société. Tours: Presses universitaires François Rablais, 2004. P. 52–72 [Электронный ресурс]. URL: <https://books.openedition.org/pufr/1749#bodyftn4> (дата обращения 15 августа 2021).
- Lavezzi 2011 – *Lavezzi E.* Remarques sur la critique d'art au XVIIIe siècle // Revue d'histoire littéraire de la France. Vol. 111. 2011. № 2. P. 269–282.
- Maingon 2009 – *Maingon K.* Le Salon et les artistes. Histoire des expositions du Roi Soleil aux artistes français. Paris: Hermann, 2009. 178 p.
- Salles – Le Salon carré / Préface de G. Salles. Paris: Edition des musées nationaux. [S. a.]. 22 p.
- Verger 2011 – Dictionnaire biographique des pensionnaires de l'Académie de France à Rome (1666–1968) / A. et G. Verger. Préface d'Eric de Chassey. Dijon: l'Echelle de Jacob, 2011. Tome 1–3. 1650 p.

References

- Chatelus, J. (1991), *Peindre à Paris au XVIIIe siècle* [To be a painter in the 18th-century Paris], Chambon, Nîmes, France.
- Guichard, Ch. (2004), “Hors l'Académie, les amateurs et les expositions artistiques publiques à Paris: Le Musée de Pahin de la Blancherie” [Beyond the Academy, amateurs and public artistic exhibitions in Paris. The museum of Pahin de la Blancherie], *La ville et l'esprit de société*, Presses universitaires François Rablais, Tours, France, pp. 52–72, available at: <https://books.openedition.org/pufr/1749#bodyftn4> (Accessed 15 August 2021).
- Lavezzi, E. (2011), “Remarques sur la critique d'art au XVIIIe siècle” [Notes on the 18th-century art criticism], *Revue d'histoire littéraire de la France*, vol. 111, no. 2, pp. 269–282.
- Maingon, K. (2009), *Le Salon et les artistes. Histoire des expositions du Roi Soleil aux artistes français* [The Salon and its artists. History of the Sun King exhibitions displaying French artists]. Hermann, Paris, France.
- Salles, G. (ed.), *Le Salon carré* [The Square Salon], Edition des musées nationaux, Paris, France.
- Verger, A. et G. (ed.). (2011), *Dictionnaire biographique des pensionnaires de l'Académie de France à Rome (1666–1968)* [Biographical dictionary of pensioners of the Academy of France in Rome (1666–1968)], Tome 1–3. l'Echelle de Jacob, Dijon, France.

Информация об авторе

Елена Е. Агратина, кандидат искусствоведения, доцент, Московская государственная академия хореографии, Москва, Россия; 119146, Россия, Москва, 2-я Фрунзенская ул., д. 5, agratina_elena@mail.ru

Information about the author

Elena E. Agratina, Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Moscow State Academy of Choreography (The Bolshoi Ballet Academy), Moscow, Russia; bld. 5, 2nd Frunzenskaya Street, Moscow, Russia, 119146; agratina_elena@mail.ru

К вопросу о взаимосвязи
теории циркулярного движения, светотени
и теории зрения Леонардо да Винчи

Людмила Ю. Лиманская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lydmila55@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты теории зрения, теории циркулярного движения Леонардо да Винчи. Он считал, что видимые объекты излучают бесконечно много лучей, каждый луч несет информацию ко всем точкам атмосферы. Воспринимающий глаз, двигаясь, не просто видит мир, но чувствует его и является его частью. Сферическое вращение глаза он сопоставлял с аналогичными вращательными функциями тела. Возможности вращений как универсальных форм движения тела и глаза и как основа вечной механики мироздания детально изучались Леонардо на примере анатомических опытов, кинетики и оптики. Наблюдения в области анатомии и биомеханики он использовал для своих инженерных изобретений и живописных композиций. В статье также рассматриваются малоизученные рисунки из Кодекса Гюйгенса по теме кругового движения и изменения пропорций человеческого тела, связываемые исследователями с неизвестными рисунками Леонардо.

Ключевые слова: циркулярное движение, оптика, кинетика, биомеханика

Для цитирования: Лиманская Л.Ю. К вопросу о взаимосвязи теории циркулярного движения, светотени и теории зрения Леонардо да Винчи // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 3. С. 173–181. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-173-181

On the question of the relationship between
the theory of circular motion, chiaroscuro
and the theory of vision by Leonardo da Vinci

Lyudmila Yu. Limanskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
lydmila55@mail.ru*

Abstract. The article deals with some aspects of the theory of vision, the theory of circular motion by Leonardo da Vinci. He believed that visible objects emit infinitely many rays, each ray carries information to all points in the atmosphere. The perceiving eye, moving, not only sees the world, but feels it, and is a part of it. He compared the spherical rotation of the eye with similar rotational functions of the body. The possibilities of rotations as universal forms of movement of the body and eyes, and as the basis of the eternal mechanics of the universe, were studied in detail by Leonardo, using the example of anatomical experiments, kinetics and optics. He used observations in the field of anatomy and biomechanics for his engineering inventions and pictorial compositions. The article also considers little-studied drawings from the Huygens Code, on the topic of circular motion and changes in the proportions of the human body, which researchers associate with unknown drawings by Leonardo.

Keywords: circular motion, optics, kinetics, biomechanics

For citation: Limanskaya, L.Yu. (2021), “On the question of the relationship between the theory of circular motion, chiaroscuro and the theory of vision by Leonardo da Vinci”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 173–181, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-173-181

Теория зрения Леонардо да Винчи основывалась на понимании глаза как оптического инструмента, направленного на осуществление связи разума и универсума. Как писал он сам:

Разве ты не видишь, что глаз обнимает красоту всего мира? Он является начальником астрологии, он создает космографию, он советует всем человеческим искусствам и исправляет их, движет человека в различные части мира... Он окно человеческого тела, через него душа созерцает красоту мира¹.

Теория зрения у Леонардо развивалась по принципу подражания универсуму, мотивация научного эксперимента основывалась

¹ *Леонардо да Винчи.* Суждения о науке и искусстве. СПб., 1998. С. 63–64.

на стремлении познать таинство Творца. Леонардо стремился к познанию идеи высшего совершенства и полагал, что

Ум живописца должен быть подобен зеркалу, которое всегда превращается в цвет того предмета, который оно имеет в качестве объекта, и наполняется столькими образами, сколько существует пред глазами².

Теория зрения и проблематика оптических исследований в контексте подражания универсуму связывалась с представлением о призрачных образах, которые исходят от всякого тела, что считалось объяснением зрения. Изучая призрачные образы, Леонардо писал:

Воздух полон бесчисленными подобиями вещей, которые в нем распределены, и все представлены сразу во всех и все в каждой. Поэтому случается, что если будут два зеркала, так отраженные друг к другу, что они смотрят друг на друга по прямой линии, то первое будет отражаться во втором, а второе – в первом... Таким образом, глаз посылает через воздух свое подобие всем противостоящим ему объектам и получает их на себя, то есть на свою поверхность, откуда общее чувство их рассматривает и те, что нравятся ему, посылает памяти³.

В исследовании секретов зрения лежали методы античной и средневековой науки. Следуя за перипатетиками, Леонардо изучал взаимодействие между интеллектом и физическим миром, которое, как полагалось, основано на особых свойствах света. Леонардо разработал методы оптико-механизма зрения, опираясь на практический эксперимент. Он обратил внимание, что сознание не просто обрабатывает чувственные сигналы, оно видит объекты мира в тех же категориях, в каких тело, обладающее этим сознанием, движется по направлению к этим объектам, внутри этих объектов, как вещь среди вещей. По Леонардо, видимые объекты излучают бесконечно много лучей, каждый луч несет информацию ко всем точкам атмосферы. Воспринимающий глаз, по Леонардо, не просто видит мир, но чувствует его и является его частью. Сферическое вращение глаза сопоставляется с аналогичными вращательными функциями тела. Возможности вращений как универсальных форм движения тела и глаза и как основа вечной механики мироздания детально изучались Леонардо на при-

² Там же. С. 275.

³ Там же.

мере анатомических опытов. Наблюдения в области анатомии и биомеханики он использовал для своих инженерных изобретений и живописных композиций, что детально исследовано М. Кемпом в его книге «Леонардо да Винчи: чудесные произведения природы и человека» [Кемп 1982, 384 р.].

Например, рисунок механизма для преобразования вращательного движения в переменное, применяемое в ткацком станке.

Изучая роль мозговых оболочек в процессе зрения, Леонардо полагал, что, подобно луковичным листам, которые объединены вокруг сердцевины, мозговые оболочки, кругообразно следуя одна за другой, обеспечивают взаимосвязь глазного хрусталика, сосудистых оболочек мозга и оптических нервов, которые опоясывают череп и следуют к трем мозговым желудочкам. На листе 6, оборотном из «Атлантического кодекса», Леонардо демонстрирует, как зрительный образ – световое подобие вещи – циркулирует по мозговым оболочкам, достигает глаза и попадает в область воспринимающей способности (*impressiva*) и затем «общего чувства» (*sensus communis*); здесь образ вступает в контакт с воображением, которое его обрабатывает и отправляет к памяти.

Общее чувство, полагал Леонардо, *приводится в движение* посредством вещей, данных ему другими пятью чувствами. И *чувства эти приводят в движение посредством предметов, посылающих изображения* свои пяти чувствам, от которых передаются они воспринимающей способности, а от нее общему чувству, и оттуда, судимые, посылаются памяти, в которой, смотря по силе, сохраняются более или менее. Пять чувств следующие: зрение, слух, осязание, вкус, обоняние⁴.

Со времен Аристотеля теория циркулярного движения рассматривалась как универсальная и использовалась для объяснения законов устройства мироздания. Леонардо изучал циркулярное движение, также полагая его универсальный характер. Он исследовал зависимость между траекторией движения глазного яблока и зрительным образом. Рассуждая о кинетических и оптических свойствах зрения, Леонардо писал о живописи как способности художественного образа посредством зрительного впечатления отражать в картине, как в зеркале, подобия мира и тем вызывать те же ощущения, которые Бог вызывает посредством образов природы, посылая «свои изображения или подобия, пересекающиеся в глазу в водянистой влаге» (аф. 320)⁵.

⁴ Леонардо да Винчи. Избранные произведения... С. 229.

⁵ Там же. С. 171.

Божественность, которой обладает наука живописца, писал Леонардо, делает так, что дух живописца превращается в подобие божественного духа, так как он свободной властью распоряжается рождением разнообразных сущностей...⁶

Механические, космические и природные тела двигались по общему принципу, так как основывались на законах универсальной механики.

Синтез оптических и кинетических экспериментов Леонардо прослеживается в рисунках из Кодекса Гюйгенса⁷ ренессансной рукописи, тесно связанной с именем Леонардо да Винчи. Последняя атрибуция связывает авторство кодекса с именем Карло Урбино (ок. 1510/20 – после 1585 г.) который, видимо, был хорошо знаком с записями Леонардо. Сохранившаяся рукопись представляется лишь фрагментом более крупного сочинения под общим названием «Правила для рисования» (“*Le Regole del Disegno*”). Об этом свидетельствовал в своем трактате «Идея живописцев, скульпторов и архитекторов» (1607) Федерико Цуккарро, видевший, очевидно, оригинальную рукопись, с которой был скопирован Кодекс Гюйгенса, и указавший на то, что рукопись написана характерным для Леонардо зеркальным почерком. Цуккарро утверждал, что первоначально оригинал рукописи “*Le Regole del Disegno*” был написан Леонардо да Винчи⁸. Как отмечает Мариса Далаи Эмилиани, Цуккарро видел оригинал рукописи, более того, Цуккарро идентифицировал рукопись как пособие для художников по рисунку. Относительно сходных с Леонардо идей Цуккарро, при их явном идеализме, можно отметить механицизм, свойственный мастеру маньеризма, который писал, что движение небес наподобие часового механизма, тем подтверждая важность циркулярного ритма⁹.

Анализ содержания Кодекса Гюйгенса, предложенный Ирмой А. Рихтер, приводит исследовательницу к выводу, что материал трактата гораздо ближе к авторству Леонардо, чем ранее полагал Панофский [Panofsky 1940, 138 p.].

Можно предположить, что Цуккарро видел трактат в Риме, вероятно, книгу, принесенную анонимным миланским художником, который посетил Вазари [Emiliani 1981, 212–220 p.]. Действительно, если внимательно всмотреться в рисунки кодекса, видно, что некоторые являются точными копиями ныне утраченных оригина-

⁶ Там же. С. 392.

⁷ *Urbino C. Le Regole del Disegno, 1570.*

⁸ *Zuccaro F. L'idea de' pittori, scultori et architetti. Torino, 1607. P. 31.*

⁹ *Idid. P. 30.*

лов Леонардо. Другие, такие как *Витрувианский человек*, очевидно связаны с Леонардо, но имеют оригинальные интерпретации, основанные на близких к Леонардо идеях об универсальном характере циркулярного движения общего для механики микро- и макрокосма. Витрувинский человек из Кодекса Гюйгенса (л. 7) [Panofsky 1940, vol. 7], вписанный в многогранники и символизирующий принципы соответствия движения членов человеческого тела движению небесных тел, связан с идеей регулярных тел Платона, которые иллюстрировал Леонардо для трактата «Божественная пропорция» Луки Пачоли.

Интерес к пропорциональным изменениям фигуры человека в момент движения по кругу демонстрируется и на рисунке на л. 29 из Кодекса Гюйгенса. Трансформация пропорций человеческого тела в момент движения по кругу [Лиманская 2020, с. 277].

Интерес к подобного рода пропорциональным изменениям фигуры в пространстве можно проследить в ряде живописных композиций Леонардо. Например, в сохранившемся наброске к утраченной картине «Леда и Лебедь» (ок. 1503–1505) из Роттердама, Музея Бойманса, – ван Бёнингена прочитывается интерес к винтообразному движению женского тела и длиннеей птицы. На копии из коллекции графа Пембрука (Солсбери, Уилтон-хауз), приписываемой Чезаре да Сесто (1477–1503), ученику Леонардо, Леда изображена в винтообразном развороте торса, стоящей на полусогнутых коленях.

Особенностью композиционного построения «Леды и Лебедь» (ок. 1503), а также таких произведений, как «Мадонна с веретеном» (1501), «Анна, Мария и младенец Христос» (ок. 1500–1507), является интерес к использованию спиралевидных осей вращения тела и вращения глаза, – который мыслился как окно души и управлялся душой. Вращательное движение символизировало вечное движение души (*il concetto dell'anima*). В «Мадонне с веретеном», используя вращение веретена, Леонардо воплотил символическую связь прошлого, настоящего и будущего. Мадонна уже совершила вращательное движение, дитя в настоящий момент держит в руках веретено и противостоит матери, которая хочет забрать веретено как символ грядущей жертвы. Сочетание законов универсальной механики, динамики и оптики носит символический смысл, который прослеживается в логике композиционного построения «Мадонны с младенцем и св. Анной».

Каждая ось вращения фигур в композиции может быть приведена в действие вращательным движением. Фигура св. Анны, совершая наклон сверху вниз, вращается вокруг своей оси слева направо. Мария, сидящая на коленях Анны, совершает наклон

ивращение справа налево, фигура младенца Христа изображена во встречном по отношению к Марии повороте снизу вверх, слева направо. Фигуры младенца Христа и Марии радиально связаны с геометрическим и механическим центром композиции. Вместе с этим каждая из фигур вращается по собственному эпициклу и имеет собственную ось вращения, которая радиально связана с фигуркой ягненка. Показательно, что динамика осей вращения аналогична предложенной Птолемеем в «Альмагесте» схеме движения небесных тел вокруг Земли по эпициклам, идее которой была близка Леонардо [Лиманская 2020, с. 261].

Анализируя подготовительные рисунки Леонардо, можно проследить логику развития композиционного замысла, в основе которого лежит идея динамической развертки и физического взаимодействия тел при сферическом вращении. Используя закон «четырех сил», Леонардо строит динамику композиции на основе притяжения, отталкивания, столкновения и равновесия. Фигура Марии находится в положении в состоянии подвижного равновесия, ее действие мотивировано попыткой обнять младенца, с тем чтобы уберечь его от ягненка, который олицетворяет грядущую жертву. Мария может легко податься назад, ее удерживает Анна. Младенец Христос, обхватив ягненка, оборачивается к матери, своим поворотом он уравнивает движение и замыкает цепь осей вращения Марии и Анны [Лиманская 2020, с. 277].

По Леонардо, форма должна быть построена

...с трех точек в совокупности и с трех точек зрения в отдельности, и так сделаешь их с двух других точек зрения, а именно: видимые снизу и сверху, и так дашь об их форме истинное понятие...¹⁰

Оптическая организация композиционного пространства основывается на динамической развертке трех точек зрения: спереди, снизу вверх и в профиль. Визуальные планы, которые характеризуют теорию линейной перспективы в духе Альберти, заменяются Леонардо тем, что больше напоминает «область видимости» (понятие введено в XX в. теорией гештальта), т. е. то, что находится не только передо мной, но и вокруг меня. Источники света он также разделяет на три вида, различая их по принципу угла падения: прямой (солнце, луна, пламя), наклонный (окна, двери или отверстия, откуда видна часть неба) и сферический, рассеянное освещение (какое бывает в нашей полусфере при скрытом солнце). Используя

¹⁰ *Леонардо да Винчи*. Анатомия, записи и рисунки М.: Наука, 1965. С. 545.

в «Мадонне с младенцем и св. Анной» разнонаправленность осей вращения, Леонардо применяет три типа освещения, исследуя движение света по сферическому объему: прямой свет яркими бликами ложится на лики Анны, Марии и Христа; наклонный свет отражается на вторых планах драпировок; рассеянное освещение заполняет третий план, растворяясь в ландшафте. Исследуя отношения света и тени при рассеянном атмосферном освещении, Леонардо разрабатывает геометрическую формулу, которая представляет источник света в форме вогнутой полусферы. Полусфера покрывает сферический объект рассеянным светом переходящим в полутьнь.

В концепции световой организации пространства композиции прослеживается традиция толкования пирамиды как универсального закона распространения света и цвета. По Леонардо живопись, астрономия и перспектива существовали по общим законам, в основе которых лежали «зрительные линии и пересеченные пирамиды»¹¹.

Очевидно, принципы наложения светотени и колорита связаны с представлением Леонардо об иерархии световых эманаций. Первичный свет, олицетворение Солнца в виде световых бликов, зеркально отражается на ликах Анны, Марии и Христа, наклонный свет как проникновение небесного охватывает и обобщает композиционное взаимодействие фигур.

Теория зрения и теория циркулярного движения у Леонардо взаимосвязаны и представляют собой синтез оптических, кинетических и анатомических опытов, закладывают основы для когнитивного анализа зрения и обосновывают многочисленные аспекты связи науки и искусства.

Литература

- Лиманская 2020 – *Лиманская Л.Ю.* История, наука, языки искусства: пути взаимодействия. М.: РГГУ, 2020. 442 с.
- Emiliani 1981 – *Marisa Dalai Emiliani.* The author of the Codex Huygens // Journal of the Warburg and Courtauld institutes. 1981. Vol. 44. P. 214–220.
- Kemp 1982 – *Kemp M.* Leonardo da Vinci: The Marvellous Works of Nature and Man. Harvard: Harvard University Press, 1982. 384 p.
- Panofsky 1940 – *Panofsky E.* Codex Huygens and Leonardo Da Vinci's Art Theory. N.Y., 1940. 138 p.

¹¹ *Леонардо да Винчи.* Избранные произведения... С. 146.

References

- Emiliani, M.D. (1981), "Author of the Huygens Code", *Journal of the Institutes of Warburg and Courtauld*, vol. 44, pp. 214–220.
- Limanskaya, L.Yu. (2020), *Istoriya, nauka, yazyki iskusstva: sposoby vzaimodeystviya* [History, science, languages of art. Ways of interaction], RGGU, Moscow, Russia.
- Kemp, M. (1982), *Leonardo da Vinci: The Marvellous Works of Nature and Man*, Harvard University Press.
- Panofsky, E. (1940), *Codex Huygens' Code and Leonardo da Vinci's Theory of Art*, New York, USA.

Информация об авторе

Людмила Ю. Лиманская, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lydmila55@mail.ru

Information about the author

Lyudmila Yu. Limanskaya, Dr. of Sci. (Art Studies), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; lydmila55@mail.ru

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 16.09.2021.

Формат $60 \times 90^{1/16}$.

Уч.-изд. л. 9,7. Усл. печ. л. 11,4.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1380

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru